

«Книга прозы Павла Лемберского “Река № 7” производит сильное впечатление. С ней на авансцену выходит один из немногих новых писателей самовыражения. Гротескность его мира говорит прежде всего о том, что в нем нет фальши.»

Василий Аксенов

«Игра на внезапных сменах планов, на постоянной перемене “фильтров”, определяющих отношение читателя к тому или иному персонажу, переход из сферы сугубо реальной в многомерный мир фантазии, монтажная стыковка разных пластов времени и широкая словесно-стилистическая палитра, в основе которой лежит ироническая живая разговорная речь, порой неброско организованная по поэтическим правилам, определяют непривычную степень насыщенности повествования, на пространстве двух-трех страниц создающего емкий микрокосм, в котором живут, действуют и размышляют герои Лемберского.»

Александр Сумеркин

«Представьте Борхеса, пишущего “философские концептуальные анекдоты” языком, сравнимым по яркости с языком Бабея. Иногда что-то — главное — происходит в зазоре между фразами, и из разрывов в тексте тянет сквозняком боли и отчаянья, которые можно заглушить разве что иронией.»

Антон Нестеров, «Независимая газета»

«Эта проза, способная “дёшево и сердито” удовлетворить самого рафинированного эстета и филолога, в то же время восполняет тот мощный дефицит искренности, который существует сегодня и в литературе, и в жизни.»

Псой Короленко

«Проза, которая может считаться в равной степени русской и американской, — творческое становление Лемберского пришлось на 90-е годы и происходило уже в эмиграции. И дело не только в том, что большая часть рассказов написана на материале жизни русской эмиграции в США и Израиле, но и в самой стилистике повествования и проблематике: русский в Америке рассматривается автором не как проблема столкновения менталитетов, а как проблема особого качества новых американцев.»

Сергей Костырко, «Новый мир»

«...Как раз по границе между культурами и ведет Лемберский читателя, умело заостряя все комическое, гротескное и китчевое, что подсмотрено им как в Старом, так и в Новом Свете. Так возникают изящные и остроумные притчи. Жизнь в этой Вселенной чрезвычайно неустойчива — со странным звуком она ускользает от наблюдателя, она просачивается во все щели, она испаряется изо всех дыр. Жить в этой Вселенной, несомненно, очень непросто и, вероятно, очень невесело. Но читать об этой жизни доставляет удовольствие.»

Ольга Мартынова, “Neue Zürcher Zeitung” (Цюрих)

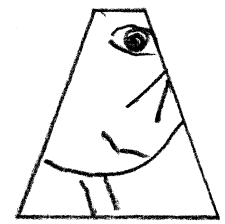

ФУССАКА

ГЛАКВЕР

Павел Лемберский

УНИКАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Москва
РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР
2009

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л44

Серия «Русский Гулливер»

Издание подготовлено Центром современной литературы

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Александр Давыдов*

Оформление *Владимира Сулягина*

Автор благодарит Антона Нестерова за помощь в работе над примечаниями к эссе «Исповедь нью-йоркского киномана»

Лемберский П.

Уникальный случай / Павел Лемберский. — М. : Русский Гулливер, 2009. — 212 с. — ISBN 978-5-91627-024-6 (в пер.).

Интенционально пробуксовывающие смыслопорождающие механизмы веселых фантазмагорий русско-американского прозаика Павла Лемберского последовательно перемалывают сюжет, расправляются с персонажами, иногда не щадят синтаксис. Однако от пространств, высвобождаемых в результате этих подрывных тактик, веет неожиданно свежим и утверждающим: не там хорошо, где нас нет, но там, где мы, вопреки всему, продолжаем быть. В сборник вошли со-рок девять рассказов разных лет и одно эссе 2006 года.

ISBN 978-5-91627-024-2 © Paul Lembersky, 2009
© Центр современной литературы, серия «Русский Гулливер» (разработка, оформление), 2005 (год основания), 2009
© Andrew B. Wachtel, предисловие, 2009
© В. Сулягин, оформление, 2009
© William Randolph, (фото, задний форзац), 1954

Каковы истоки прозы Павла Лемберского?

Рассказы этого писателя не отнесешь к классической русской традиции, ассоциирующейся с такими именами как Пушкин, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, Бунин... Его голос скорее тяготеет к другой линии русской литературы (развивавшейся параллельно, а иногда и вопреки главному направлению), берущей свое начало в блистательных экспериментах Гоголя, творчестве Лескова, Андрея Белого, Исаака Бабеля, Даниила Хармса, а в конце XX века получившей продолжение в рассказах Евгения Попова.

В правилах этой контртрадиции — не стремиться к психологическим глубинам и нарративному пафосу, но концентрироваться главным образом на художественном слове как таковом, на самой ткани повествования и испытывать при этом (что немаловажно) удовольствие от игры, возникающей между рассказчиком и читателем. В российской литературно-критической традиции повествование такого рода получило название сказа, и заслуга Лемберского в том, что он развил этот литературный прием до уровня стиля.

Предтечей подобной сказово-орнаментальной манеры письма, наверное, можно считать гоголевского Рудого Панько из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Безмянного повествователя у Лемберского отличает та же увлеченность искусством ведения рассказа с бесчисленными отступлениями, которые, похоже, занимают его гораздо больше, чем необходимость добраться до конца.

Привлекательность сказового повествования, в числе прочего, состоит в том, что оно допускает употребление субстандартной обыденной речи, что в конечном счете способно привести к обогащению литературного языка. Так, например, украинизмы в произведениях Гоголя придавали их языку в восприятии российских читателей особую новизну и прелесть. Лесков вводил в рассказы диалектизмы и просторечия, а Бабель, особенно в «Одесских рассказах», специально насыщал язык «идишизмами» как на синтаксическом, так и на лексическом уровне.

Павел Лемберский, родившийся в Одессе, конечно же, использует этот диалект как одну из составляющих речи своего героя-рассказчика. Более того, ему блестяще удалось привнести в ткань повествования (по крайней мере в рассказах, действие которых происходит в Соединенных Штатах) трансформированный американскими модуляциями русский язык эмигрантов в Америке. Кто-то, возможно, отнесется к этому языку свысока (да и сам автор, конечно, не пользуется им в повседневной жизни), но Лемберский безусловно является первым русским писателем, заставившим этот язык по-настоящему звучать. И именно он, этот интонационно экспрессивный и самобытный язык, придает его прозе еще большую vitalность.

Кроме того, Лемберский — первый автор, сумевший уловить и выразить ностальгию по прошедшему времени и месту, именуемому СССР, которая культивируется этой эмиграцией. Ностальгию тем более труднообъяснимую, что, получив возможность бывать в постсоветской России, эмигранты столкнулись с непреложным фактом: их отделение от родины произошло не только в результате естественного хода времени, но — в значительной мере — из-за бесследного исчезновения памятного им образа жизни.

Ценно также и то, что Лемберский создал истинно постмодернистский сказ, уникальный и способный удивить и озадачить возможно в большей степени, чем нарративные стили его прославленных предшественников.

Обычно читателю понятно, что повествователь в сказе происходит из более низких слоев общества, чем сам автор и имплицитный читатель; это может быть выражено лексически или определено кругом его интересов. Что очевидно и в нашем случае.

Как уже было сказано, лингвистический регистр Лемберского выше регистра его рассказчика, равно как и круг его интересов очевидно шире (интересы рассказчика ограничены по большей части сексом, к которому иногда примешаны наркотики, алкоголь и рок-н-ролл). В то же время рассказчик Лемберского высоко образован, в результате чего он охотно включает в свое повествование забавные каламбуры, реплики в сторону, неожиданно отсылает к таким фигурам, как Кьеркегор или Пруст..

Эффект дезориентации, продуцируемый в этих коротких текстах, благодаря соединению необычайно высокого уровня интеллектуального сэмплирования и нарочито низкого уровня лингвистических форм и тематических интересов, делает лучшие рассказы сборника достойными великого российского абсурдиста — Даниила Хармса.

В заключение заметим, что этот сборник лучше пробовать небольшими дозами и смаковать, нежели читать запоем от корки до корки. Читатель, способный оценить возможности русского языка, обнаружит, что Павел Лемберский заставляет русский язык делать вещи беспрецедентные и, творя нечто из ничего, доставляет тем самым нам, читателям, огромное удовольствие.

*Эндрю Вахтель,
член Американской Академии Наук,
профессор университета Нортвестерн, Чикаго*

МОРЯК В ЧАС

Санька Граченко на всех парах подлетел к понуро стоящему у мусорного бака Лехе Можжевелову и стал высвистывать ему про моряков, что приплыли из Кубы и бродили по городу, искательно заглядывая девушкам в глаза.

Леха крепко задумался: просчитывал варианты. У Саньки недавно пропала без вести мать-алкоголичка, и он пропустил полчетверти. Четвертой, решающей. А его дядя, Роман Ломтев, зимой отчалил в Америку, где, судя по письмам, баснословно разбогател. Купил такси, а на вторую смену посадил гайанца одного без визы, короче, раскрутился по полной. Саньке нужна была идея, цель, фата-моргана. Моряки приехали с Кубы и хотели девочек. У Лехи были некоторые связи по этой части. И Санька подбил Леху помочь морякам и на этом немного подзаработать. У Саньки был список желающих, и даже очень: Хосе, Хосе, снова Хосе, Хорхе и Фидель-Луис. Нужны были три девушки с пропускной способностью моряк в час.

Нашли Нинка. Она в свое время с паном Цыпой гуляла, так Санькиного брата Нолика прозвали за длинные волосы. Пан Цыпа знал французский. Читал Доде в переводе. Нинок умела все, даже «мотылька» друзьям на скорую руку устраивала. Любила шмотки. Цыпа ей о фовистах, она ему о колготках нервущихся.

На кладбище сняли Веру Палну. Она ломала руки, причитала: «На кого ты меня оставил, Изялэ!» Получалось, что ни на кого. После смерти супруга (он отравился супом в «Щитовидке») В.П. вконец эмоционально голой осталась. И с бабками неважнец.

Нинок и Вера Пална по-быстрому пирамиду соорудили: Сталин жил, Сталин жив, Сталин будет жить и под куполом планета-

рия как орел в вышине парить. Хорхе и Хосе попросили сосу-осу. Это они в разговорнике надыбали. Нинок-многостанок сходу взялась за дело: лихо переломила косарь, два слоеных, один с тряпками, очень знаете это, между бороздкой утробно-костяной, пряной. Вера Пална по-матерински прижала парней к мужнину лапсердаку: ого, глаза на лоб, у Изялэ перчик был так, мелкого помолу, а Хосе в этом смысле был настоящий лемюэль гулливер. Ему так хотелось, аж дрожало: в трюме на матрасе кубометр вконец одичал. Она, В.П., тоже исходила сексволнами вдовьями. А моя Ганя как раз с таксопарка мимо шла, светловолосая, соленоватая, ой, что это вы до меня, чиполлины, чипляетесь, спросила она у всех этих так называемых персонажей. Они ее даже не удостоили, заняты были, в катакомбах заслонки ставили, когда ее маман хипеш такой подняла, что я прямо ноги в руки и полный атас. Дружинница коротконогая с повязкой ходила-ходила, ну надо же, ну посмотрите на нее. Микола-шкипер с братского Лыдерпулу стремился в дом отдыха «Костер», аж пропитался дымом весь. Но рассказ не о том, а о прошедших днях, не вернуть которые.

STATUS QUO

На пляже вулканического происхождения Лида маленькая оглядывалась, снимала лифчик, обнаруживала два бледных батона по 13 копеек штука, поворачивалась и так, и эдак, и сумела наконец пленить одного красивого отдыхающего по имени Цветан. Цветан дарил ей греческие духи, звал в кино на Фернанделя, громко восторгался закатом — и выжидал.

Лида тоже выжидала. Прошлой зимой она похоронила любовника — его сбил пьяный автомобилист — и потому сомневалась: можно уже или еще повременить следует.

Однажды вечером, после того как Цветану надоело выжидать, и у них с Лидой случилось *это*, краснолицый грек-бармен в белой майке растирал для них холодный эспрессо с сахаром и что-то на-свистывал, кажется, «Сиртаки» в регговой обработке.

Потом они уехали с островка и стали бродяжничать. В ночном поезде Венеция-Вена Лида заметила, что Цветан редко меняет трусы и решила ему сказать об этом. Ее покойный любовник был чистюлей, каких мало.

— В том-то и дело, что был, — сказал Цветан. — Сейчас, небось, совсем за собой не следит.

— Идиот, — обиделась Лида.

Когда сломали железный занавес, Лида отправилась на заработки в Мадрид, пела там частушки про Перестройку, жонглировала с трупной лилипутов из Душанбе, короче, бедствовала. Ее покойный любовник подцепил Лиду в парке Ретиро, у памятника Альфонсу Двенадцатому. Любовник был американский негр, немало знавший по-русски.

— Запомни, вонючка: Once you tried black, there's no going back*, — сказала Лида Цветану, все еще дуясь.

— Тебе что-то не нравится? — спросил Цветан Лиду уже на эскалаторе.

— Чаше трусы стирают, — ответила она ему в гостинице. — Особенно в такую жару.

— Покурю и постираю, — пообещал Цветан, не зная, как от нее отделаться. Он работал на железной дороге, объездил пол-Европы по льготному тарифу, и увидеть мир для него было важнее, чем пахнуть, как болгарская роза. Так он ей и сказал.

— Увидеть мир, детка, для меня важнее, чем пахнуть, как московские ландыши.

— Детку засунь себе в жопку, — огрызнулась молодая женщина.

Из гостиницы она позвонила сестре в Саратов. Она звонила ей из каждого города.

— Анька! Чё прикольного, проститутка? Писюха, скажи мамке, тут такие магазьки! Ёкалэмене, Нюш!

Лида крепко стала доставать Цветана. К трусам вот привязалась. А может, ему вообще ее белье не нравится. Чистое, грязное — не нравится и все. Рюшики, бантики, ёкалэмене. И предлоги не такие, как в болгарском. Ну ее у.

Цветан вышел на балкон. Еще один город — и деньги совсем капут, подумал он и вспомнил жену, которую оставил в Софии. Она сошла с ума, лекарства и врачи не помогли, и он решил ее бросить. Но не сразу, конечно. Сначала ухаживал, навещал. Она называла себя любовницей Гитлера, не Евой Браун, а другой, совсем молоденькой, о которой еще не знают историки. Извивалась в руках санитаров: «Он хотел подарить мне Польшу, а я, дура, отказывалась. Теперь вот локти кусаю». Цветан не выдержал, бросил ее... А вдруг она действительно была любовницей Гитлера? Пойдите-ка. Фюрера расстреляли в Милане в 48-м. А Кристина родилась в 49-м. Мда, нестыковочка. Но ведь существуют так называемые пренатальные привязанности и увлечения. Как с ними быть? Игнорировать? Господи, о чем я... Так сходят с ума. А эта все тряндит и тряндит по телефону... А может быть, они уже не в Вене, а в Праге, пьют наравне с новыми чехами, осматривают Ста-

* Попробуешь с черным — других не захочется. (Здесь и далее примечания автора).

рый город? И с холма по ту сторону реки спускается небритый мужчина в кремовом пальто и говорит упавшим голосом: «Всё кончено». А внизу все: «Что, что кончено?» А он им: вы что, оглохли? Я же кажется ясно сказал: всё.

История, бесконечная, как греческий танец «Сиртаки». История, не переходящая в повествование. История о том, как русская женщина у болгарина деньги воровала, пока тот курил на балконе, а болгарин восстанавливал status quo, пока она стирала белье.

ДЕ КУНИНГ

Незадолго до развода с Вероникой Сергеевной Петр Андреевич с головой ушел в свои абстракции: наловчился стрелять по баночкам с гуашью, каковые баночки расставлял на равных расстояниях друг от друга перед холстом, прикреплённым к стене гаража на два автомобиля, темно-вишневый BMW супруги и собственный неопределённого цвета Carpi. Баночки разлетались в разные стороны, краска разбрызгивалась по холсту, образуя всевозможные абстрактные фигуры: перистые облака в виде всадников, похищающих тучных сабинянок; виноградные лозы, смахивающие на тонконогих твистующих модниц; фижмы кизилового цвета, от которого рябило в глазах. Петр Андреевич и раньше любил визуальные искусства и даже немного лепил по выходным, но перспектива существования без супруги заставила его всерьез взяться за кисть, точнее, за ружье, чтобы по-новому осмыслить, что же на самом деле есть искусство, а что жизнь. Жена как модель, как объект желания, лишенный третьего измерения, но с авоськами и в бигуди, абстрактная жена а la де Кунинг, неулыбчивая и редко дающая, стала доветь над всеми его помыслами. После стрельбы Петр Андреевич относил холсты в сарай, где тщательно, иногда неделями, дорабатывал их, привнося элемент дизайна, а стало быть, и смысла, в априорно хаотические продукты акционизма, которые он, то ли в шутку, то ли всерьез, стал именовать арт-артом (или артиллерийским искусством).

Вероника Сергеевна давно намеревалась бросить курить. От плебейского «Парламента» хотела было перейти на ментоловый «Данхилл», но ее близкая подруга, преподавательница йоги Кимберли Болик, сообщила ей однажды за фрапучино, что мен-

тол еще более вреден для здоровья, чем обычные сигареты, и вот тогда-то полнощекая и зубастая Вероника Сергеевна решительно затушила последнюю сигарету в чашке садике при «Старбаксе», поскольку так себе пообещала годом ранее во время пятиминутного приступа кашля в салоне красоты, где работала менеджером. Она разлюбила мужа прошлой осенью и так и сказала ему об этом. Я тебя не люблю, сказала она Петру Андреевичу с брутальной откровенностью. Тот пал духом, но виду не подал, отшутился. Достал из холодильника запотевшую бутылку Carlsberg'a, сделал два больших глотка, потом пошел по банкам стрелять. Это была для него своего рода арт-арт-терапия.

И вот тут в ожидании более мощного электронного микроскопа появляется в повествовании некий профессор иммунологии, из немцев. Откуда он взялся (Вупперталь?) и как оказался в наших широтах («Люфтганза»?) не помнит никто, но на именины к себе он зазвал всех, хотел со всеми сойтись покорооче, чтобы и его все к себе приглашали. Он чувствует необычайный прилив сил на новом месте и раскачивается на каучуковых своих подошвах, приветливо улыбаясь гостям и насвистывая арию Росины из «Севильского цирюльника», а мы стоим с Клер в углу как бедные родственники и не знаем, можно еще вина или нет, можно тостиков с гусиным паштетом или неловко это, можно пригласить жену немца на танец и кружиться с ней по гостиной, а после, взяв под руку, говорить двусмысленности, пока внизу пытаются этого «австро-венгра», бьют его по заросшему щетиной лицу (тапками, но все равно больно), а Петр Андреевич рассказывает зевающему в кулак брату виновника о том, как Рональд Рейган ему часы в свое время пожаловал за то, что тот спас жизнь президенту, когда в секретной службе в отделе баллистики стажировался, а Вероника Сергеевна с мамой жили в Джорджтауне, где они и свели знакомство, и он спросил ее на первом свидании, скажите, кто ваш любимый режиссер, только честно, а она смутилась, но нашлась: Билли Уальдер, говорит. Но ранний.

Не так ли и пожилые рассказывают о своей жизни молодым, думая, что молодым это интересно, а молодым это не интересно? Не так ли и вы им о себе, думая, что это о жизни и потому о них тоже, и им это интересно, а это о вас, и никому и даром не нужно? Они кивают, но каждый кивок их — скрытый зевок, не ободряйтесь на этот счет, прошу вас. Ваша жизнь прошла, и не нужна никому,

и не потому лишь, что место было другое и нет его, но и потому, что время было другое, и тоже нет его. Место изменилось, а время прошло. А вы как функция и того, и другого тоже отсутствуете, точнее, другие, и не нужны ни здесь, ни сейчас. Тем более, что то, в чем вы пришли, давно не носит никто. И воротнички сейчас другого фасона, и цвет другой: ярче или вообще салатный. И вторые подбородки младше тридцати пяти не носят, и мешки под глазами в стиле ретро. И грусть, и усталость, и разочарование.

Она симпатичная, эта немка.

На следующий викенд договорились у Петра Андреевича. Он снова будет показывать часы, которые ему пожаловал Рейган, он всегда их показывает. А Вероника Сергеевна бросила курить и на нервной почве настаивает, чтобы ее прижимали в танце. Я готов, но только с Петра Андреевича любезного разрешения. Дело принципа. Потом абстракции пошли.

На полотне фонтан, в фонтане рыбки, на скамейке женщина с коляской, «И один в поле воин» читает, это про разведчика книга. Надо же: стрелял Петр Андреевич по баночкам и наобум, а настрелял маму с книгой, меня настрелял шестимесячного, городской сад с фонтаном, велосипедистку в черном. Или это мальчик на самокате с вытекшим глазом шустрит, не разобрать, но красиво всё и жизненно очень.

Негодяй бьет свою венгерку-жену и приговаривает: «От так! От так вот! От так вот это вот!» И как таких земля носит на своей зеленой сутулой спине? И куда смотрят соседи в телевизор?

Девушка с букетом принарядилась, ждет жениха. Притопал хромой чертяка какой-то, долго не отпирала, но засахарилась и воленс-ноленс села к нему на хвост. Он в бумажный стаканчик пискнул только.

Петр Андреевич в шуточной форме принимает комплименты. Иммунологу работы нравятся, Клер тоже. Хотя тут ее склонность не обижать людей скорее сказывается. Отношение Клер к абстрактной живописи я знаю. Что высралось, то и абстракция, заключила она после недавней экспозиции Макса Уолленштайна в Вашингтоне. Тихо, чтобы никто не услышал, заключила.

Теперь так. Давно стало общим местом подтрунивать над современным искусством, лить воду на мельницу апологетам мимесиса и катарсиса, вяло и беспомощно злословить по поводу молниеносного взлета хорватского перформансиста, имя выскочило, ну,

усатого этого, того, что на Гималаях целый месяц в мегафон против глобализации чихал. А жизнь не стоит на месте. Если еще вчера можно было бездоказательно проводить параллели между удовольствием от скульптур Дж. Кунса начала 90-х и удовольствием Дж. Кунса от его итальянской супруги Чичиолины, то сегодня эти ласковые: fuck that cock! fuck that cock baby! настоятельно требуют более вдумчивого подхода. «Медведь и полицейский», о чем это? О детерриториализации? О сумме прописью? Да, смешно. И всё? «Мартышка и очки» на Патриарших тоже смешно, но внятно, и мораль есть.

Но где же хозяйка? Вероника Сергеевна что-то показывает брату профессора в гараже, уже минут 20 показывает. Неужели она не выдержала, и они там курят вдвоем? Брат профессора, совсем еще молодой, неискушенный в житейских вопросах человек, часто краснеет, когда к нему обращаются дамы. Кажется, ему нравится Клер. Он здесь третий год, учится на офтальмолога. Это он задержал «австро-венгра» при попытке перейти границу, причем, совершенно случайно.

Сравнивают землю без урожая с женщиной, оставленной мужем. А с чем сравнить мужчину, оставленного женщиной? С урожаем без земли? Но откуда ему взяться — без земли?

Исчезают люди. Одних находят, других и не ищут. Еще людей крадет время. Вот она молодая-привлекательная, а вот у нее уже седые волосы в самых неожиданных местах.

Черт в белом трико разгуливает по веранде, всем сулит вечную молодость. Один дурак клюнул. Второй дурак клюнул. Третий не дурак вроде, а ведь тоже клюнул. Сейчас грустит: все друзья померли, позвонить не к кому.

И еще: двое навеселе, останавливаются, один другому: «Знаешь, что самое главное? Самое главное...» и идут себе дальше. А я стою, но что самое главное — не слышу. Не идти же за ними.

ОДИН ДЕД, ДВЕ СУДЬБЫ

1.

Уверен, что некоторых из моих новых читателей — старая гвардия к недосказанностям моим попривыкла — заинтересует именно в этом месте следующий подкожный вопрос: кем был мой дед до октябрьской революции. Кем был, кем слыл... Будто все на свете упирается в род занятий господина Бинденмана до большевистского переворота, когда эти преступники, эти мерзавцы взяли в свои грязные руки все, что плохо лежит, плюс фабрики и заводы.

Не все на свете упирается в это, но многое, очень многое упирается в это.

Ну что ж. Вот вам ответ в виде легкой головоломки:

1. Бумазея — 4 аршина.
2. Коленкор — 3 аршина.
3. Атлас — по обстоятельствам.
4. Сукно (хорошее) — 3 аршина.

Совершенно верно, мой дедушка до революции был портным, имел ателье на Средних Куличиках, неплохо зарабатывал. Будни портного хорошо известны: примерки, бесконечные претензии заказчиков, пальто перелицевать сыну городского (бесплатно). Я и после революции, когда власть в городе переходила из рук в руки чаще, чем часы на Екатерининском бульваре играли «Боже, царя храни», стеснялась дедушкиного ремесла. Не столько стеснялась, сколько боялась: с одной стороны, зарабатывает старик своими руками, с другой — собственник. Иди доказывай этим головорезам, что очень мелкий и полуслепой, они же не окулисты, они звери.

Поэтому, когда дедушку арестовали и долгое время не отпускали, я не находила себе места. Мне шел девятый год, но я видела бабушкины слезы, слышала разговоры отца с соседом-следователем и понимала, что в семье несчастье. Дедушку в конце концов отпустили, на него было жалко смотреть, особенно когда он узнал, что ателье успели национализировать, то есть попросту отобрали то, что кормило его, жену и пятерых детей, точнее, четверых, самый старший, дядя Матвей, не вернулся с германского фронта.

Что есть человек? Игрушка в руках Фортуны или же хозяин положения, пусть ахового порой, но вершитель собственной судьбы? И то, и другое, и третье. Когда мы поняли, что лучше не будет, а будет только хуже, причем не кому-то, а именно нам, мы собрались за три недели, сели на пароход и через месяц были уже в Америке. Тут нас встретил младший брат дедушки, он бежал из России еще во время кишиневских погромов. Я, конечно, никогда его не видела, но глядел он самым настоящим американцем: говорил по-английски, курил вонючую сигару и очень громко сморкался. У него было свое дело: цветочный магазин на Деланси. Он называл меня бойчиком, (меня многие принимали за мальчишку), часто к месту и не к месту похлопывал по попе и обещал сделать главной рассыльной. Я счастливо улыбалась. Перспектива в десять лет самостоятельно зарабатывать на жизнь была мне по душе.

И все, казалось бы, складывалось благополучно, если бы неожиданно дедушка не приказал долго жить. Сделал он это элегантно, как и все, что делал.

2.

Наши покумекали и постановили: снять с дедовой шеи камень, выудить из глаза бельмо, дать бутылку самогонки, пусть шипит, если в горле такая Сахара. И то: шесть лет по лагерям, шесть по исправительным колониям, два года в спецназе, трудодни, один на один с вечной мерзлотой. Окно завесили, солнцу не проникнуть, крысы по углам — вот и вся недолга.

Дед прищурился, бо много на своем веку повидал, даром что близорукой, на перешейках судьбы-индейки, на склоне лет особенно, но не сугубо: человек стал что кал для него, раз вступил, а вонища! Но жену не забыл. Тело не забыл, душу, живот, титьки

обвислые, зад, истосковавшийся по Мухиной. Она ему и Володьку родила, и близняшек, Боруха с Нинкой. Из-за Боруха и замели. Имя подвоняло, не наше оно, иди с таким лучше построй нам, чем без дела сидеть, водохранилище какое имени отца народов или ГЭС, чтоб всем светло было, киловаттно. Дед работник был тот еще, утонул с понтом на стройке, вертухаи обосрались, он хитрован был, разрушил глаз специальной кислотой-настойкой, только чтоб отлынивать, дезертирствуя, только чтоб баклуши это самое. В лазарете прижил ребенка с одной, она всем почти давала, покладистая пава, но дед знал, что от него — старый пень любил детей, любил манькаться с ними, игрушки им из козявок лепить. Я не помню его почти, только и знаю о нем, что рассказала американская тетька Эстер.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Второму мужу моей кузины Марины Теодоровны, бывшему рационализатору Алеше крупно не везло, и он это понемногу начинал сознавать. Как ни гарцуй, отдельная неудача может быть случайной, но что, присоветуйте, делать с неудачной полосой шириною в юность и длиною с Проспект Ветеранов Труда? Игнорировать? «Непрушник я хронический», сокрушался второй муж моей кузины Марины Теодоровны, бывший рационализатор Алеша, но все равно она очень любила его и ревновала к другим программерам. Спину регулярно чесала волосатую, по субботам готовила гренки (он их с медом любил), а ночью соглашалась почти на все, что он стыдливым шепотом требовал от супруги, тяжело дыша в ее белый затылок.

На заводе спертых газов рационализаторов кабинетных, вроде второго мужа моей кузины Марины Теодоровны, особо не жаловали. И когда однажды он превысил полномочия и ему впарили три года химии, взяв подписку о невыезде, а путешествия за бугор продолжали манить модной, удобной обувью и сухариками к баночному пиву, разве мог он надеяться на кассацию? Постоянным местом жительства там (там-тарам, там-тарам) — кого угодно смутить этим чуть ли ни Дантовым искушением... Но все описанное сзади осталось выше, в далеком Новочеркасске, где зимой бывало так тоскливо и ветрено, что простым работягам спертых газов — и тем хотелось плакать навзрыд и петь, подражая Визбору и Окуджаве.

А сейчас, семь лет спустя и уже в Сан-Хосе, где у Алеша после безвременной кончины моей кузины Марины Теодоровны (инсульт), появилась молодая женщина (интернет), которая на каб-

луках была выше его на целую голову, а босиком он мелко-мелко любил целовать ее ключицы и живот, вдовец Марины Теодоровны, бывший рационализатор Алеша работал мясником в Силиконовой Долине. Только не ухмыляйтесь: возможно, это и не так престижно, как ваша новая специальность, но тоже очень неплохо оплачивается, правда, вставать нужно рано. Помните туши Сутина, особенно т. н. зеленого, протухшего периода? Точно так же и вдовец моей кухни Марины Теодоровны, бывший рационализатор Алеша, но не маслом на холсте, а уже, получается, тесаком по мрамору.

А потом он с этой женщиной (Валентиной «через не могу» Отс) расстался. И с тех пор ее перетрахало полгорода. А пока они жили вместе — тоже, правда, другая половина.

Когда бывший рационализатор Алеша в очередной раз обвинял Валентину в измене, она поначалу отпиралась, потом принималась плакать или дерзить, поостыв и смекнув, что улики бойфренда неопровержимы, во всем сознавалась и, чтобы задобрить рогоносца, великодушно позволяла трахать в попу. Ей самой так нравилось, но она, плутовка, умышленно кричала во время соитий, чтобы дать партнеру понять, что для нее это сушая пытка. Так исподволь она приучила Алешу к анальному сексу, о чем впоследствии с юмором писала подруге в Миннеаполис.

Но рассказ не об этом, а о том, как Алеша переехал в Нью-Йорк, где он снова встретился с этой самой Валентиной Отс на тусовке у одного парализованного гиперреалиста в Челси, и она, намекнув на возможную близость (а у него как раз был период вынужденного воздержания, и это было написано на его нестаром еще лице жирным шрифтом), подбила Алешу на ограбление некоего бакинского мультимиллионера, что жил на углу Парк-авеню и 79-й стрит, и ограбление это прошло относительно успешно. Правда, что делать с телом они не заранее не согласовали. А кто знал, что он окажется дома и станет сопротивляться, богач этот?

Что с бабками делать будем?

Делить, как что?

Пополам?

Не-а. Давай так: мне все, тебе расписка.

Не смешно.

Пополам, пополам. Пола-па-пам.

А труп?

Мож в «Армию Спасения»?

А может, хватит шуток дурацких? На сегодня, по крайней мере?

Труп — родителям, все равно ни хера не делают, сериалы смотрят.

Прошу тебя, Валентина. Я устал.

Бедняжка. Ты и мясником, когда вкалывал, уставал, Алешенька.

Да, уставал. И что?

И меня мало трахал.

Достаточно.

Мне мало было.

Достаточно.

Интересно, потому что не любил мало трахал? Или потому что не хотел?

А когда он тебя трахал, миллионщик этот, это как было? Много?

А какая разница? Это для пользы дела было.

Нет, ты колись. Как это было?

Да он через минуту уже кончаловский андрон. Я и не чувствовала ничего.

Это с сожалением говорится?

Нет, ты явно ябнутый. Ревновать к трупу в багажнике!

И все же?

Это с пренебрежением говорится. Бесстрастно. Равнодушно говорится. Успокойся.

Равнодушно отсасывала? Индифферентно в рот брала?

Замолчи, дурак. И не пропусти тоннель.

Ты и в Сан-Хосе мужиков в дом приводила. Пока я туши разделял, чтоб мортгидж выплачивать, приводила. Дрянь.

Ты понимаешь, что эти разговоры сейчас ни к чему, Алексей? Ты меня вывести из себя хочешь? Считаю, что уже вывел, приду-рок! У нас брюликов в бардачке на лимон с копейками. Попробуй в своей вонючей лавке столько заработать! Сутин кот. За всю жизнь не заработаешь! Что ты можешь без меня? Ну что? Что?

А нафиг я тебе тогда понадобился? А? Не могла другого с машиной найти? У тебя ж хахалей пол-Квинса.

Я тебе скажу зачем, мудила. Мне жалко тебя, понял? Жалко. И дала я тебе тогда, в первый раз, из жалости. И жила с тобой, неудачником, из жалости. Из жа-лос-ти!

Из жалости? А где ж любовь? А в зад тоже из жалости заставляла, засранка??

Нет, я умру сейчас, люди. Любовь? Где ж ты слов таких понабирался, пидор?

За пидора ответишь.

Пидор и есть.

Сейчас остановлю машину и высажу. Этим все кончится.

Хрен с два этим кончится. Я в полицию заявлю. Понял?

А сама куда? В Тимбакту? Ты ж сама его раскрутила. А потом замочила.

Да? А улики? Там везде твои отпечатки! Твои пальчики, милый. Ха-ха-ха.

Замолчи. Клянусь, пиздану сейчас. Вот этой рукой пиздану.

Как тогда? Как в Сан-Хосе? Ты и тогда меня бил.

Потому что бегала в кусты с кем попало.

Потому что ты никакой был. И ебал мало. Поэтому бегала. Вот так. Больше ебал бы, меньше б бегала. Импотент!

Пизда.

У этой истории есть продолжение, точнее, конец. Валентина застрелила Алешу там же, в машине, недалеко от г. Элизабет, штат Нью-Джерси. Вот как это произошло: он замахнулся, но бить не стал, хотел напугать только, она вытащила из сумки пистолет, чтобы его остановить, левой рукой он схватил пистолет за дуло, но неожиданно для себя (так она заявила на следствии) она спустила курок. Раздался выстрел, машина резко свернула на обочину. Полиции понаехало. Две скорые. Ее арестовали, судили. Она ему в грудь выстрелила волосатую. У него спина и грудь волосатые были. Пришлось брить перед аутопсией. Процедура на любителя. Но и мясником работать — не для всех. Почему он не попробовал устроиться в Америке по специальности? Не стал программистом, как все? Две причины: язык, точнее, его отсутствие. Вторая: он ненавидел программирование, хотел пойти другим путем. И пошел: связался с шальной бабой, 34 года авантюристке было, — и лишился жизни. Мог еще жить хороших 15 лет. Изобретать, рационализировать. Усовершенствовать тостер. Я к примеру. Чтобы не 2 тоста сразу выскакивало, а 10-15. Для больших семей, для многодетных. У него же фантазия была феноменальная. Мог сам миллионером сделаться. Жить на Парк-авеню. Зачем он свя-

зался с ней? В ней еще в Таллине была эта авантюрная жилка. Я не морализирую, я рассуждаю вслух.

Зачем ты меня бросил?

Это я тебя бросил? Когда бросаешь, все равно кажется, что бросили тебя. Предали, обманули в ожиданиях. Не обманули бы, не бросил, — это она могла так философствовать, а не хвататься за пистолет. Если б не задумала избавиться от него всеми правдами и неправдами, когда подбивала на это дело, хитрая женщина: она то с миллионером этим покойным полтора года состояла в интимной связи, и если б не его скардность, она на это злополучное ограбление не решилась бы.

Положим. Но ты, ты никогда не любил меня, — а Алешу она решила (на ходу, на выставке, или еще в Сан-Хосе, возможно, с нее станется) взять в сообщники, поскольку хотела, если что, свалить всю вину на него. Она знала, что он неискушен в жизненных вопросах, а на хорошего адвоката денег у лоха не будет.

Любил, не морочь, — он и вправду Валентину по-своему любил: ревновал, трахал сами помните куда, и без презерватива. Потом хуй говном пах, но кто принюхивался?

Не любил, — ну вот, пристала к человеку, а все для того чтобы вывести из себя. И вывела.

Как ты это докажешь? — Действительно — как?

А как докажешь, что любил? — тоже справедливый вопрос. Много в любви (и в не-любви) принимаешь на веру.

Как доказывают чувства? Словами. Поступками.

Я не знаю, — он мог ответить. Хотя иногда поступками ничего не выразишь, кроме самих поступков. Я потом поясню.

Подарки дарил? — Вот. Если бы он ей напомнил о подарках, а он действительно задаривал ее в Сан-Хосе, возможно, она опомнилась бы и не хваталась за оружие.

Дарил, — и недешевые. Я в конце перечислю.

В поездки брал? — Еще как: в Амстердам, где они накурились до чертиков, пару раз были в Индии, в Венеции блевали в канал.

Брал, — попробовала бы она отрицать такие самоочевидные вещи.

И что? — это опять Валентина его доставала бы. Хороша девушка. А что она еще хотела?

И все.

И все?

А что ты еще хотела? В Венеции омаров ели на набережной? в канал блевали? блевали на закате. В Сан-Диего устрицы ели на веранде? На рыбалке с Крамаровичами трижды были? (Крамаровичи это его друзья, тоже из Новочеркасска, у них очень приличный дом в Сан-Диего). Камбалу поймали величиной с воскресную «Кроникл»? В галереях тусовались? Вот это уже сомнительно, в Сан-Хосе галерей не так много, а в Нью-Йорке к моменту их встречи он месяц жил у приятеля, искал квартиру, все жутко дорого стало — что Бруклин, что Квинс, что Вильямсбург, дорого, дорого, дорого. Все очень и очень дорого. Не до галерей.

Миллионера Алеша разрубил. Адвокат Валентины выкрутил дело так, будто преступление было Алешей задумано из ревности, а Валентина была сообщницей. Она получила десять лет.

А подарил он ей в свое время: лампу из «Тиффани», перчатки и шарф дорогие, кажется «Диор». Плоский телевизор на куриной ноге: Сараундсаунд. Шифоньер. Серебряный набор для фигурного катания. С какими-то бубенцами. Игральные кости редких животных (сказалась мясницкая жилка). Зарабатывал не ахти, а щедрым был. Все, нет Алешки. Пиздец рационализатору. Похоронили его.

СЕНЬКИНА ЛЮБОВЬ

Кто звал его Ибн-Сина, кто гребаный Сеня, мама звала Вовкой-заколкой, девочка Света, рано повзрослев, звала: иди сюда. Он шустрый был веник, атлетического телосложения, хотел устроиться где-то здесь, где-то неподалеку, чтобы работать где-то рядом и зарабатывать, как все.

Что он нашел в Илоне? Курила, вертела задом и курила. Училась на дизайнера. На ловца и зверь бежит. Вот и Сеня побежал. Аж слюни по ветру летели.

Брился Зунига каждое утро. Каждое утро чистил обувь на 6-й и 12-й. А потом понял, что здесь это не нужно никому.

Первая работа его была совсем простенькой. За небольшую плату Сеня знакомился с худосочными дамочками на нудистском пляже. С такими, что задаром никто не познакомится. Так Зунига привлекал клиенток. Пляж-то платный. Чтоб назавтра пришли и сели там, где вчера.

А в их районе не было мух. И почти не было комаров. И Сеня стал задумываться: здесь всегда так или сезон такой. И только прожив больше года, узнаешь. Правда, на своей шкуре.

Илона была сложена, как богиня. Как Афродита, или та, вторая, которую отец трахнул. Вот только поменять лицо и зад местами — и под венец можно. Но Сеня не искал легких путей к женскому сердцу.

Они познакомились на дне рождения у Сениного друга-программиста, тоже Сени.

У программистов на торжестве самый почетный гость — доктор.

— Доктору налейте, — шумят все.

— Доктор не ест ничего.
— Ага! А вот и доктор!
— Где доктор?!
— Да вот же, в пиджаке, под деревом.
— У бабушки память отшибло, — курила и жаловалась Илона. — Детей не узнает, внуков не узнает. Меня не узнает. Только Джонни Карсона узнает. Правда называет его Джимми Картером.

— Илона, — сказал Сеня.
— Ау? — откликнулась грустная обольстительница.
— Красивое имя у вас.
— Спасибо, — сказала Илона.
— А отчество ваше? — спросил Сеня.
— Францевна. У меня же папа Франц. Из ГДР, — поспешила уточнить девушка.

Программисты и доктор, не сговариваясь, стали в круг и повели еврейский хоровод. Сановного вида отец именинника, в прошлом зам. директора обувного магазина, ел, отдуваясь, клубничное мороженое прямо из картонной банки. Было весело, но потом стало темно.

— Илона, можно я вас провожу? — спросил Сеня.
— Нельзя, — сказала она и почему-то укусила Зунигу за плечо. Сеня улыбнулся ее выходке сквозь слезы.

— Илона, — сказал Сеня.
— Илана, — поправила девушка.
— Скажите, Илана, вот вы давно в Америке. Здесь что, действительно летом совсем не бывает ни мух, ни комаров?
— Ну почему же, — уклончиво ответила Илана и закурила.

И Сеня стал с ней встречаться. Дарить цветы, недорогие браслеты. Однажды они купили абсолютно одинаковые джинсы. Зеленого цвета! Им было так хорошо вместе, так весело, что он сначала и не сообразил, что ей всего 24 года, а ему уже 36. И даже когда через два года они расстались, он не сразу понял, что у нее впереди вся жизнь, а у него, в общем-то, нет.

Лет через пять после их размолвки она ему позвонила. Оказывается, он ей приснился, а она была суеверна. Вспоминали прошлое по телефону. Смеялись. Он вспомнил, как однажды на Рождество Илона (Илана?) купила ему в подарок мухобойку. И Сеня бил ее мухобойкой по маленькой попке, а она с визгами кончала.

А жила она теперь с мужем в Дюссельдорфе, и у нее уже ребенок. Работает дизайнером. Вроде, довольна. Ни о чем не жалеет. Да и Сене она, в общем, тоже безразлична. А ведь была любовь.

Безразлична-то безразлична, но когда Сеня рассказывал мне эту историю, он случайно зажег сигарету с того конца, где фильтр. И целую минуту так и курил. Целую минуту!

Выходит, не совсем она ему безразлична, я так полагаю. А вы как считаете?

БАБАЕВ И ДЕВУШКА

Я снова про Бабаева. Внешне его можно было сравнить со школьной партой: верх зеленый, низ темно-коричневый, на боку непристойность. Внутренне же Орест Бабаев, за вычетом недожеванного бутерброда с докторской и отгрызка яблока, был совершенно пуст. И он еще спрашивал, почему его не замечают женщины! А что там было замечать?

Вот смотрите: на втором этаже в Доме книги одна девушка (Даша Шапочникова) легонько задела его сумочкой. Увидев, как она хороша, Бабаев покраснел. Брюнетка, короткая стрижка, матовые пальчики, бордовое, расширяющееся книзу пальто, идентичные ножки. А Бабаев был в зеленом берете и темно-коричневых вельветовых брюках, и на боку его была непристойность.

— А Фукидид-то кусается, — сказал Бабаев девушке, чтобы что-нибудь ей сказать такое. А она, конечно же, вечером была занята — шла с подругами в театр. И завтра у нее зачет. И послезавтра. А в субботу тоже не могла — в субботу на ней племянник висел. И через неделю не могла. И через месяц. И когда потеплеет не могла. И когда дни станут длиннее, а ночи короче. И через год.

Бабаев, а Бабаев, слышишь, угомонись. Не нравишься ты ей, дядя. Случайно она тебя сумкой задела, успокойся уже. Мало ли на свете брюнеток с матовыми пальчиками? Мой тебе, Бабаев, совет: закрась-ка ты «хер» на боку, переваривай, давай, свой черствый бутерброд и яблоко, и ищи себе другой объект желания, менее недоступный. Нет, не шлюху валютную, а кого-нибудь попокладистей, что ли. А то скоро весна уже, а тебе тридцать пять, Бабаев. И ни семьи у тебя, ни профессии. Ну что это за занятие для мужика в самом-то деле: торговать у гастронома туалетной бумагой и смесите-

лями? Постеснялся бы ты, Бабаев. Хоть бы хобби какое у тебя было, хоть бы взрослый сын от первого брака. Внешность — нуль, здоровье — так себе, настроение — ниже нижнего предела.

«Ну, неужто с появлением подруги с двумя идентичными ногами в жизни моей все круто переменится? — думал Бабаев, выходя из Дома книги. — Неужели с нею рядом я стану вновь себе приятен, походка моя делается упругой, а речь будет литься молоком?»

Да, Бабаев, да, тысячу раз — да! С появлением подруги с двумя идентичными ногами, с влажной, по-домашнему теплой сердцевиной, с восприимчивыми губами и матовыми пальчиками, с речью, льющейся парным молоком, поздно вечером перед сном, который и освежит, и ободрит, и Фукидид, и Гераклит, и Геродот, и я уже сам не знаю кто, Бабаев. И разве это так много, разве это, стоя на коленях, нужно вымаливать у судьбы, разве этого ты не заслуживаешь?!

А через пять дней его не стало... Точнее, он удвоился. Его сфотографировали, его не стало, ОН УДВОИЛСЯ, и все, навзничь. А если по порядку, то метался он под мокрым одеялом, и не ждал уже ни рассвета, ни чая с лимоном и вишневым, как в детстве на даче, вареньем, и многое сделалось ему омерзительным: и жизнь с ее притворными всхлипываниями, и та — с причитаниями. Распустил он остатки воли, они уже, собственно, и материализоваться-то, как положено, не могли. Эх, пустота, отчаянье! Где наполненность? куда там!

...бараках первой любви захоронил всю подноготную вождельний, покупая шоколадку девушке с мутными от предчувствия близости глазами, сладеньким смешком болезненной третьекурницы без лифчика на полу в деканате Строительного ночью во время майского дежурства. Не бредом — каким бредом? — но болью дрожала под ним землетрясением в женской бане, другого сравнения не подберешь, я уже пробовал.

...мусолил край подушки, температурил, стена; маленькие грудастые тифозники с крылышками смывали один другого в сумраке его глоссолалий, катодная трубка желаний болталась рядом, обезвреженная, никчемная. А родиться он даже и не успел как следует, школу со скрипом окончил, социум его затрахал...

...из глубин нечеловеческого выползает мама-папа, приличные, прищуренные, лобастые, по-своему доброжелательные люди в летах. «Ты не наш», — шептали они, но не зло, а чтоб он кончился

побыстрее. «То есть? А чей же это?» — не понимал Бабаев. Его бросало от стенки к краю и назад — к стенке, и не хотел он, хоть и дробил его озноб, крыть шифером ассоциаций хаос, что из недр беспамятства обволакивал смрадом распада — тут явный перебор, а впрочем... — ошметки его мыслей.

«Какая разница — чей? — хохотал мама-папа. — Не наш — значит: ничей».

Тогда он заметался, раздулся, погрузился и тут же всплыл в пустоту пузыря (если бы пузыря!), мгновенно раздвинув границы сущего и сдвинув их вновь.

И если это смерть, а это была она, — то смерть есть отнюдь не избавление и кризис, но оползание, торможение, медленное угасание, и все, навзничь. Да, я не оговорился: оползание, торможение, и медленное угасание.

Конец же моего рассказа счастливый. Бабаева не стало, его сфотографировали, он удвоился, перешел в другую плоскость. А в той плоскости девушку из Дома книги не подстерегало ровным счетом ничего хорошего, кроме Бабаева Ореста Петровича, русского, тридцати пяти лет, холостого, без прописки. И тут-то начинается совершенно другая музыка. Мелодия ее должна быть вам знакома. Помните песню «Чай для двоих»?

Пикчур ю апон май ни
Ти фор ту энд ту фор ти...*

Вспомнили? Да, Дорис Дэй, все правильно. Ладно, я буду закругляться, а то Бабаев и девушка уже начинают сердиться.

Короче, Бабаев удвоился, уединился, перешел в качественно другую плоскость, где он на какое-то время ушел в себя. Девушка какое-то время была немного простужена, но скоро поправилась, перешла улицу и купила у Бабаева два рулона туалетной бумаги.

— Чего так дорого? — спросила она на всякий случай.

— Дешевле Фукидида будет, а удовольствие такое же, — нашелся Бабаев, и не расставался с ней уже никогда.

Недавно они открыли совместное, кажется, с финнами, предприятие. Чем они торгуют — понятия не имею.

* Чай для двоих и двое за чаем,
Мы одни, но мы не скучаем... (слова И. Сезара).

РЕПЕТИЦИЯ

Писатель Лев Николаевич Кафка был ужасный идиот. Предположим, что некто этим предложением хочет выразить свое отношение к реальности, которой нет. Что такое реальность, которой нет? Это, прежде всего, реальность, которая есть, но взятая со знаком минус. Например, едешь на эскалаторе в метро «Александровский сад» в направлении со знаком плюс, а навстречу тебе: студенты МГУ, девушка-фтизиатр, группа молодых бизнесменов с целым чемоданом колготок, и все они движутся со знаком минус. Другими словами, они и есть часть того множества, которое я назвал реальностью со знаком минус.

Теперь, почему выше написано, что «некто» предложением «Лев Николаевич Кафка был ужасный идиот» хочет выразить свое отношение к реальности со знаком минус, и если это утверждение справедливо, то каково это отношение, и может ли вообще предложение выражать отношение? Однако прежде чем ответить на эти вопросы, предложу вам прочесть небольшой текст, озаглавленный мною «В луже».

«Калеки считали его сумасшедшим, сумасшедшие — калекой. По сути, он был ни тем и ни другим. Он лежал на пересечении двух кривых улиц, его обнюхивала бездомная дворняга, он плакал. Небо отражалось в его глазах, слезах, луже, автором которой он, если бы отдавал себе отчет в происходящем, мог бы назвать себя. Как он дошел до такой жизни? А вот послушайте...

В 1989-м году его здорово звездануло в пах, в 1990-м ему случайно отрезало три пальца на правой руке, кровь залила его пиджак и новые брюки, но Бог с ней, с одеждой. С тех пор рассудок его помутился.

Если прошлое условно принять за женщину — бежишь от него, бежишь, а потом оно от тебя, а потом как остановится посреди улицы, ведущей к морю, как повернется на тонких каблучках вечно давящих босоножек, как высунет язык и скорчит смешную рожицу; а настоящее, условно же, считать мужчиной, всячески старающимся подчеркнуть свою уверенность в себе, и залысины тут не помеха, залысины суть временное явление, это ведь не лысина в конце-то концов, вот с лысиной поспорить уже сложно, и одышка в тридцать с хвостиком тоже еще ни о чем не говорит, — то это, если хотите, соитие прошлого с настоящим на остывающем песке пустынного пляжа ночью, неподалеку от медицинских весов, причем прошлое долго артачилось, но настоящее уж очень настаивало — и глазки строило, и что-то там такое из Данте выпендривалось, — соитие это состоялось.

Конец, знаете ли, мая. Еще холодно, но уже тепло, ну, вы понимаете. Все вокруг не такое какое-то, да и Леонид Григорьевич внутри тоже несколько видоизменен: слизистая поистерлась, легкие поистрепались, кишечник — говно. “За собой следи, а то не женишься”, — этот лейтмотив ему исполняла мама по любому поводу и на всевозможных примерах: из жизни друзей, из жизни незнакомых ему людей, безо всяких примеров, одними лишь взглядами, с укоризной, без и т.д. А он лишь отшучивался. Год отшучивался, два, пять лет отшучивался, а потом взял да и купил неплохой костюм, всю месячную получку отдал за него и глазом при этом не моргнул, зубы стиснул, а глазом ни-ни. И вот, в этом костюме стоял он на пирсе и смотрел вдаль; волосы его путались на ветру, а полы пиджака делали похожим на крупную птицу при галстукке, или, что точнее, на молодящегося морского льва, волею судеб заброшенного в наши южные широты. Стоял он и, повторюсь тут, чувствовал, будто прошлое его сливается с настоящим, и было ему это ощущение по душе. Остаток жизни (он собирался дожить до пятидесяти одного) виделся ему вот как: ребенок (три штуки), супруга (двадцать три года, шатенка, некурящая), счастье (оно, вообще-то, у каждого свое, но в двух словах: не верьте тем, кто утверждает, что его нет; это неправда — счастье есть, я сам испытал его где-то двенадцать лет назад во время баскетбольного матча, но не хочу о себе — это неинтересно), интересная, высокооплачиваемая работа буржуазным писателем, производящим годовые к употреблению культурные ценности, а значит и призна-

ние публики, и какой-никакой статус, ну и случайная смерть в пьяной драке, но это уже в самом конце. Жена кладет на могилу цветы, дети моргают, силясь понять, где же все-таки папа, а папа лежит под землей и думает: «Господи, наконец».

В самом же общем случае, а это он и есть, уверяю вас, можно утверждать следующее: проходит время, проходит место, проходит боль утраты; выносим за скобки «проходит», получаем: проходит (время, место, боль утраты); но время минус место и есть боль утраты; подставляем «время минус место» вместо «боли утраты», получаем: проходит (время, место, время минус место); раскрыв скобки, получаем: проходит время, проходит время, т.е. проходит в два раза больше времени. То-то я смотрю вдаль отсюда. Там, вдали, в скором будущем, стоит Леонид, тоже смотрит вдаль и думает: как быстро все же идет время, и еще думает: может быть, потому прошлое и стало сливаться с настоящим? Ведь где-то это время братъ надо, а в прошлом его было больше чем достаточно. И еще думает: все пока — тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить — неплохо, дай Бог, чтобы дальше было не хуже. Потом он трижды стучит кулаком по деревянному поручню пирса, потом он слышит, как где-то в тумане пароход издает звук “у”, и ему делается грустно, но не настолько, чтобы об этом писать, а совсем чуть-чуть.

«Май, а холодно», — думает наш герой, к которому мы, согласитесь, уже успели немного привыкнуть, потом он издает звук «б-р-р» и куда-то пропадает из поля зрения.

ДЕВОЧКА ХОЧЕТ БЫТЬ ПОЛИТОЛОГОМ

Когда-то я мечтал стать писателем, потом плюнул и пошел на экономический. Правильно ли я поступил? Судите сами. Вот рассказик, сочиненный до этого наваждения:

«— Изверг, уйди, не мучь меня, что ты хочешь от моей жизни?

- Ничего.
- Зачем ты мучишь меня, ничтожество?
- Кому ты нужна?
- Оставь меня, дай мне спокойно дожить до смерти.
- Кто тебя трогает? Живи себе сколько влезет.
- За что мне эти мучения, почему у всех все как у всех?
- Не болтай ерунду. Что у всех как у всех?
- Все.
- Что “все”?
- Все. Ну, все!
- Заладила.
- А? Что ты сказал?
- Заладила: все, все! А что — все? Ну-ка перечисляй живо!
- Не хочу, не приставай!»...

Ну и так далее. Я этот шедевр продолжу чуть позже, а сейчас надо описать то, что происходит в данный момент, сию минуту, это важнее.

По поверхности письменного стола еле слышно скользит небольшой металлический шар, в котором отражаюсь я, стоящий на коленях перед удивительной женщиной с приспущенными голубыми трусами. Я вдыхаю сладкий запах волос, покрывающих ее лобок. Она задумчиво гладит меня. Шар достигает края поверхно-

сти стола и падает на паркетный пол со стуком. Через несколько минут женщина вздрагивает, спрашивает: «Что это?»

— Не беспокойся, — отвечаю я. — Это шар скатился со стола и упал на пол.

В ее голове на долю секунды возникает образ молодого человека в черном сюртуке с горящими безумными глазами.

— Кто это? — задаю я ненужный вопрос.

— Так, один знакомый, — отвечает моя любимая.

Я научился читать ее мысли в тот день, когда мы попали в автомобильную катастрофу. Потеряв дар речи, она была вынуждена объясняться с врачами только с моей помощью. Но что толку? Врачам не удалось спасти ее. Она умерла на операционном столе.

Мне очень нелегко без нее. Мысли ее после смерти сделались туманнее, темнее. Там, в больнице, она делилась ими со мной; сейчас я не могу избавиться от ощущения, что читаю их силой, помимо ее посмертной воли. Мы прожили вместе семь лет. Шар с нашим отражением я получил в подарок от судьбы. Побольше бы таких приятных сюрпризов.

Не знаю, смогу ли забыть ее. Понимаю, что только в этом мое спасение, а поделаться с собой ничего не могу.

Мы явно превышали скорость, да и она была навеселе. Зачем я доверил ей руль, ее жизнь? А если бы погиб я? Ведь я — это всего лишь отражение настоящего себя. Того, что было рядышком с ней. Теперь же, там, сейчас, да и, впрочем, тогда тоже. И вот мне снова делается не по себе, а причины, где искать их, в каком мутном потоке, на илистом дне какой реки, в каких еще камышах?

А с этим, в сюртуке, мы дружили. Я его, кстати, не сразу припомнил, но теперь вижу — мы с ним дружили. Он к нам заходил с тортом «Прага», мокрый, без зонтика, веселый, с вечными прибаутками, анекдотами, один запомнился: «Стоят двое пьяных и писают. Один говорит: “П-почему у тебя с-сурсшит, а, а у меня не шур-шшит?” А второй ему: “Потому что ты — на забор, а я — на твой плащ б-болонья». Тогда «болонья» были последним писком. А что сейчас носить — понятия не имею.

А вот продолжение рассказа, написанного до этого наваждения:

«... — Перечисли: что ”все“?

— Не приставай, слышишь?

— Не перечислишь — зарежу!

- Ага!
- Что ”ага“?
- Проговорился...
- Кто?
- Да ты!
- Каким же это образом?
- Самым наипростейшим: сказал — зарежешь.
- И зарежу.
- Ну и режь, если нет в тебе ни грамма жалости.
- К тебе — нет.
- И к другим тоже.
- Ну, об этом не тебе, стервь, судить...

И он, ожесточившись, схватил со стола нож и ринулся на бедную Веру. Женщина заорала. Кровь хлынула как из опрокинутого стакана. Внутренности Веры посыпались на линолеум: печень, почки, селезенка, кишечник, желудок, мочевой пузырь, легкие, сердце, душа, чакры, ее обаяние, осязание, обоняние, женская хитрость, страсть к накопительству, лицемерие...

Придя в себя, Вера кинулась было искать мужа, но вскоре поняла, что очень ослабла и не в состоянии шевельнуться. А он в это время сидел у соседа,пил горькую и разглагольствовал о паранормальных явлениях. Сосед ему доказывал, что это все враки, а он не соглашался и приговаривал: “Взять хотя бы мою лучшую половину...”

А Веры в тот момент уже не было в живых. Похоронили ее на еврейском кладбище. Муж ее был удушен в тюрьме сокамерниками. Их дочь в этом году заканчивает школу. Воспитываю ее я. Девочка хочет быть политологом, я ее отговариваю, но она упрямая — вся в мать».

ЖИВНОСТЬ

Этим рассказом открывается целый цикл моей американской прозы, потому что у меня уже вот где сидят упреки читателей, что, мол, как застрял я на российских реалиях, так из них — ни тпру, ни ну. В ответ скажу: да ерунда это! А доказательство несостоятельности подобных обвинений — ниже. И не подумайте, прошу вас, что рассказ мой — какая-нибудь лишенная красок и выпуклостей притча или аллегория. Напротив — это чистейшей воды реализм. Кошмар нашей с вами жизни. Будни огромного города. Тем паче, что знаю я его лично. И живем мы с ним почти рядом: я на Брум живу, он — на Мотт.

У клоуна Ц. в паху временами заводилась живность. В запущенном, нечесаном заводилась. Он себе жонглировал-жонглировал, зверюшек детям из сладкой патоки делал-делал, а в паху его жила своей жизнью живность и в ус не дула. Размножалась в геометрической прогрессии, кишмя кишела, чесалась, но уходить никуда не уходила. Похоже, на сей раз она решила обосноваться там на всю зиму.

Ц. нелегко зарабатывал на жизнь. Его девушка, работавшая в офисе одного шепелявого старичка-бухгалтера по фамилии Лейбовиц, советовала Ц. вернуться в колледж, получить диплом учителя и преподавать историю или алгебру.

— Ведь тебе нравятся дети, — говорила Хайди.

И это было чистой правдой. Два часа он тер пах шампунем, я не преувеличиваю. Вот теперь другое дело. Давно бы так: живность ускакала в лес. Многие погибли. Какие-то — самые выносливые — выжили. Они шевелят усами, потирают лапки, перемигиваются. Зябко им.

А из всех номеров его мне почему-то запомнился человек-блоха. Ц. становился на четвереньки, руки просовывал так, потом откуда-то сзади вытаскивал из-под пиджака своего старенького, двубортного, латанного-перелатанного, батон или багет, я уже не помню, что именно, но, по-моему, все-таки багет, а не батон, и откусывал от него здоровенный кусок. Зрители только рты раскрывали. Дети визжали и топали. Хайди качала головой.

— Ну, хорошо, тебе сейчас тридцать. А что будет в сорок? А в пятьдесят?

Потом оставшийся багет Ц. просовывал вот сюда, второй, полусогнутой рукой зажимал его вот так и начинал проворачивать, проворачивать, одновременно делая стойку на руках. Обалдеть! Зрители неистовствовали. Чайки с воплями кружились над пирсом. Туристы из Небраски фотографировали Ц. на память и расходились по автобусам.

Живность сидела в лесу, выжидая. Она хорошо знала рассеянность Ц. Ведь стоило ему на недельку-другую забыть о гигиене — и все. Пиши пропало. Это, кстати, тоже огорчало Хайди.

«Он неопрятен, — думала девушка. — Он клоун. Он беден, он не очень красив, он плохой любовник. Время от времени у него в паху заводится живность».

Чайки все кружились и кружились над пирсом. Видимо, багет не давал им покоя.

Ц. кланялся, обходил зрителей с раскрытым чемоданчиком, потом, отойдя в сторону, несколько раз пересчитывал выручку, громко вздыхал и, взяв Хайди под руку, отправлялся с ней домой на Мотт. По дороге Хайди высвобождалась: она стеснялась его на людях, да и дома тоже стеснялась. Но, увы, кроме Ц., у нее никого не было. Впрочем, это неудивительно. Она была очень непривлекательной девушкой, и к тому же с очень дурным характером; и пахло от нее дурно, и в паху у нее тоже иногда заводилась живность, помельче, чем у Ц., и не такая кусачая, но заводилась.

ПРОИГРАННОЕ ПАРИ

Наконец-то раздался выстрел. Это застрелился Коллин. Все облегченно вздохнули. Вечер продолжался. Следующий тост был за Новый 199... год. Грэг, блондин из Калифорнии, всем уже успел надоест своей видеокамерой. Он приехал в Нью-Йорк на пять дней, и когда ему сообщили, что Коллин поспорил со мной на 10 тысяч долларов, что под Новый год он застрелится, Грэг, приглашенный на Новый год к родственникам в Бэй-Ридж, приглашением этим решил пренебречь и пришел на праздник к нам со Стейси. 10 тысяч долларов в случае проигрыша я должен был отдать сестре Коллина Уне. Она встречала Новый год у родственников Грэга. Она работала в магазине женского платья где-то в Сохо, на Мерсер, по-моему. О споре она ничего не знала.

Из присутствующих о споре знали только я (Стейси об этом даже не догадывалась), Роджер со своей новой женой из Массачусетса, мой племянник из Квинса (брат с женой оставили его на нас, а сами укатили в Париж), разумеется, Грэг — и все. В Париже я был лет шесть назад и тоже, кстати, под Новый год, поэтому по просьбе брата я составил внушительный список мест, где они обязаны побывать, а также советы: что лучше делать в Париже, если пойдет дождь или снег. В кафе сидеть, конечно же, на толпу глазеть. Что может быть лучше? Хотя Стейси со мной не согласна: она считает, что ничего лучше музея д'Орсэ в непогоду на свете нет. Ну, она у меня на XIX веке вообще немного двинута: хлебом ее не корми — дай полюбоваться на Делакруа или Курбе.

На прошлый Новый год Грэг пригласил нас в Калифорнию — он там заканчивает юридический, а в свободное время (хотя откуда у будущего юриста может быть свободное время?) бегает по

Сан-Франциско со своей полупрофессиональной видеокамерой и снимает что придется: набитые туристами трамваи, бездомных на Маркет-стрит, парад лесбиянок, ярмарку в Чайна-тауне. Он нам все это в канун прошлого Нового года демонстрировал, сопровождая фильм обильными пояснениями. Сначала мне было интересно, потом стало неинтересно, потом меня стало клонить ко сну. Стейси исподтишка все время толкала меня в правый бок и громко спрашивала Грэга: «И как часто у вас такие парады?», или комментировала: «Ваши бездомные намного жизнерадостнее наших, нью-йоркских. Я права?»

Теперь я понимаю, для чего Стейси задавала вопросы таким громким голосом — она опасалась, что я засну и тем самым обижу Грэга. Она у меня человек деликатный.

Тот Новый год мы отмечали у его друзей-художников в Монтее. Праздник имел явно концептуальный оттенок. Вместо елки в углу спальни стоял обрубок с двумя ветками. На одной висел зеленый шар, на другой — красный. Мы все здорово накурились и пошли танцевать под REM, Run DMC и LL Cool J. В самый разгар плясок Стейси вдруг бухнулась на колени и закричала: «Немедленно освободить перекресток! Я с кем разговариваю?!» Дело в том, что елка в какой-то момент показалась ей светофором, но без желтого света. После полуночи к нашему веселью присоединились соседи художников. Они были одеты в черную кожу, а из задних карманов брюк у них виднелись наручники. Их было человека три, не больше, но непонятным образом им удалось заполнить собой весь дом. Потом, уже в самом конце, я помню, как вмазал кому-то из них по морде, и на обратном пути вел раздолбаный «Шевроле» Грэга одной рукой — на второй была повязка со льдом. Грэг был очень многословен (кокаин и, если не ошибаюсь, «экстази»); Стейси мирно посапывала на заднем сиденье.

— Не забывай, Эл, что ты накурен, — давал Грэг никому не нужные советы. — Веди машину не слишком быстро, но и не слишком медленно. А главное — старайся избегать полицейских.

— А это еще почему?

— Сейчас не время острить, Эл. Слушай, что тебе говорят: если нас остановят, не вступай ни в какие дискуссии. Вспомни самого последнего двоечника, вылетевшего из твоей школы за хулиганство. Вот такие ребята идут в полицию. Я эту братию хорошо знаю.

Водить машину под такой аккомпанемент в три часа ночи в накуренном состоянии одной рукой по незнакомым дорогам очень нелегко. Двумя, при прочих равных условиях, было бы легче.

«Почему я дал одному из гостей в черной коже по морде?» — вспоминал я под легкий храп супруги на следующее утро и наконец вспомнил. Мне, вроде, показалось, будто он заигрывает с моей Стейси.

— Не нужна ему твоя Стейси, — успокаивал меня за завтраком Грэг. — Он скоро год как женат на том парнишке, что пришел с ним. Ох, погубит тебя твоя ревность, Эл. Вспомнишь мои слова: погубит. Так чай или кофе?

Грэг уже года три встречался с сестрой Коллина Уной. Время от времени он названивал мне в Нью-Йорк из Сан-Франциско и справлялся, как, мол, она там. «Приезжай, сам все увидишь», — шутил я, но он обижался, и тогда я менял тон:

— Работает, дочка в школу пошла, — говорил я, хотя с Уной мы виделись раз в месяц, если не реже, и я был уверен, что «новости» эти Грэгу и без меня известны.

Как люди могут встречаться на расстоянии? Ну ладно, один-два раза в год она к нему приедет, два-три раза — он к ней, и все? В Калифорнию переезжать она, насколько мне известно, не собиралась. О его переезде в Нью-Йорк до того, как он получит диплом, также речи быть не могло. А что если он не найдет работу в Нью-Йорке?.. Да, жизнь вдвоем — сплошные компромиссы, это я уже хорошо понял. Стейси и я как-то притерлись друг к другу, научились понимать друг друга, что ли. Я, к примеру, пока не готов заводить детей — и она меня не торопит. Она, скажем, второй год подряд приглашает к нам в гости Коллина из Новой Зеландии — пожалуйста, места много, я не возражаю.

Когда Стейси вышла на лестничную площадку встречать очередных гостей, Грэг заканчивал устанавливать на штативе видеокамеру. Подключив к ней две дополнительные лампы, он прищепил одну из них к спинке стула, а другую сунул мне в руки и попросил направлять на Коллина. Затем Грэг включил видеокамеру и, ни на кого не глядя, произнес: «Так. Дальше что?»

Коллин растерянно улыбался, я старался сохранять спокойствие, хотя 10 тысяч долларов в случае его проигрыша мне очень не помешали бы. В голове моей уже прыгало: приличная стереоустановка? задаток за новую машину? отпуск где-нибудь в Индонезии

или Новой Зеландии — вот и Коллин приглашает — а то что мы все Париж, да Париж?

Коллин вытащил из рюкзака пистолет 45-го калибра и взвел курок.

«А ведь он не шутит», — успел подумать я и взглянул на Грэга, поправлявшего объектив.

Коллин торопливо всунул дуло пистолета в рот и спустил курок. Раздался выстрел. Красная жижица шлепнулась о стену рядом с дешевой копией ренуаровских «Купальщиц», и тут же поползла вниз. Коллин рухнул на ковер.

«Ну, дай Бог, чтобы все плохое, что было в прошлом году, так в нем и осталось, а Новый год приносит нам одни только радости», — кажется, это Грэг произнес с наигранной бодростью в голосе.

Где я теперь возьму 10 тысяч долларов для Уны — об этом я даже задумываться не хочу.

ЭТО У НЕГО НИКАКАЯ НЕ ПАРАНОЙЯ

Меня раскусили торопливо сказал он так что вышло меня скусили а ей послышалось меня укусили а? переспросила она глядясь в зеркало прихорашиваясь модница такая бледная красивая чуть усталая такая хорошая такая немного бледная он повторил кто спросила она повернулась к нему немного усталая чуть грустная не знаю ответил он но меня раскусили и за мной следят только не говори глупостей ты мне напоминаешь этих безумцев по телевизору твоя вечная беспечность начинал кипятиться он твоя вечная уверенность что все будет именно так как этого хочешь ты что все происходящее к тебе отношения не имеет тебя не коснется не заденет на столике перед ней стояли полупустые скляночки баночки коробочки гуччи ланком шанель пасьон и целый полк помад поблескивающих мундирами она не любила косметики я не холст для живописцев из ревлон и л'ореаль я женщина я не хочу прятать свое настоящее лицо говорила она и все-таки покупала и покупала все подряд и прятала прятала для чего спрашивал он когда находил а для чего тебе твои галстуки ведь какие-то ты ни разу не надевал а ты их все покупаешь и покупаешь и покупаешь половину из них подарила мне ты а ну да значит опять я во всем виновата никто тебя ни в чем не винит мне казалось ты всегда одобрял мой выбор а что я должен был по-твоему сказать какой омерзительный цвет убери эту гадость или широкие уже полгода никто не носит? и они рассмеялись она прильнула к нему поцеловала ну кто кто тебя раскусил глупенький кто не знаю вздохнул он но я не могу избавиться от ощущения что за мной постоянно кто-то следит и на работе и в такси и во время деловых встреч и в баре с друзьями после работы и дома и даже когда мы занимаемся любовью

казалось бы одни казалось бы при закрытых дверях казалось бы бедный мой бедный ты просто переутомился нам необходим отпуск нам немедленно нужно в отпуск сколько можно позволять им сидеть у тебя на голове когда ну когда ну когда они обещали дать тебе отпуск на рождество? на день благодарения? на день поминовения? на день труда? тебе все обещают и обещают но приходит день поминовения проходит день труда приближается день благодарения а там и до рождества рукой а ты все работаешь и работаешь если б ты только знал как я ненавижу ее эту твою проклятую работу из-за нее у тебя мешки под глазами из-за нее у тебя общая вялость хоть ты и пьешь тонну кофе все пьют без кофеина ты пьешь с кофеином у тебя стали выпадать волосы что значит нет вот зеркало сам посмотри сам тут и тут и тут а это что? ну? а этот живот когда ты последний раз был в спортклубе ну когда? волосы и живот это не от работы пытался возразить он она сидела у него на коленях поглаживая его действительно не по летам выпирающий живот живот и волосы это от возраста глупости не говори глупости она перешла на шепот: в тридцать два года (нрзб.) у мужчины быть не должно (нрзб.) работа дает нам возможность жить работа дает нам возможность выплачивать квартиру в одном из самых престижных районов города работа дает нам возможность (нрзб.) работа лишает нас половой активности работа заставит меня изменить тебе когда-нибудь вспомнишь мои слова сколько ну сколько раз за последние три месяца у нас был секс ну сколько она стала расстегивать ему ширинку раз шесть-семь сказал он неуверенно три сказала она и стала медленно делать ему массаж неправда только не три сказал он три сказала она я записывала даты продолжительность позиции я все записывала да ты у меня настоящая мастерс и джонсон ай только не сейчас перестань слышишь она продолжала забавляться почему почему не сейчас сегодня суббота если не сейчас то когда же? скажи когда? когда бы я ни начала ты всегда не сейчас а чем сейчас хуже чем потом я тебе говорю что не могу избавиться от чувства преследования даже сейчас даже сейчас? именно сейчас! это отговорки это все твои отговорки и эти твои отговорки уже не действуют это не отговорки отговорки нет неправда отговорки нет да нет да нет да это отговорки не отговорки сейчас же перестань не перестану перестанешь отговорки не отговорки нет да нет да не отговорки за мной следят за мной следят за мной следят кто не знаю знаю что следят следят

следят днем и ночью следят не переставая за мной за мной отговорки ты просто избегаешь секса я не могу когда следят я не эксгибиционист в конце концов сказал он и застегнул ширинку а знаешь кто за тобой следит спросила она и резко встала с его колен не знаю еще как знаешь понятия не имею ответил он знаешь знаешь сказала она кто спросил он сам знаешь кто закричала и одним махом сшибла со столика все свои флакончики баночки коробочки флакончики баночки бутылочки коробочки они посыпались запрыгали по полу (на этом месте запись прерывается).

Неделю они были в ссоре. Потом помирились. Вскоре после того, как нами была получена и транскрибирована видеозапись ее ссоры с мужем, с ней был установлен контакт одним из наших сотрудников. По предварительным данным, вербовка проходит успешно. Он согласна с нами работать, однако деньги, по ее словам, ее не интересуют.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

— Нет, ну действительно, поспорить с утверждением, что в XX веке экономическая информация занимает место, равное по значимости военной и дипломатической, трудно, — так развлекал нас хозяин, добродушный толстяк в шелковом бирюзовом халате с кистями. Он стоял посреди гостиной, широко расставив короткие ножки, и попыхивал ароматной сигаркой. Я был по уши влюблен в его двадцатилетнюю дочь, но всячески скрывал от нее свои чувства. Она, гадкая, сидела у камина. Щеки ее пылали. Я решил занять ее разговором.

— Знаете ли Вы, Клавдия, — начал я, прочистив горло, — что писатель Лев Вениаминович Никулин, родившийся, кстати, в вашем родном Житомире, называет Ленина Кормчим чуть ли не на первой же странице своей «Мертвой зыби»?

— Что вы говорите! — оживилась девушка. — А я вчера мертвого во дворе видела.

— Врете Вы всё, Клавдия, — насупился я. Мне было досадно, что предмет моей любви опять переводит разговор на пустое.

— Правда-правда! Он наполовину сгнил уже, и вонял жутко. В промежности у него копошились черви, и ползадницы кто-то успел отгрызть.

— Клавдия! — прикрикнул на нее отец. — Девушкам не пристало говорить о подобном.

— Так то ж девушкам, — тонко улыбнулась Клавдия.

Эти слова ее задели меня. Мне думалось, что Клавдия была невинна.

— Клавдия! — снова повысил голос хозяин дома. — Неужто ты полагаешь, что нас в такой степени занимают...

Тут в дверь постучали, и хозяин поспешил впустить последнего гостя. Это был молодой человек, лет двадцати шести, бледнолицый, светловолосый, с серыми смеющимися глазами. Клавдия проворно вскочила с места, бросилась ему на шею и стала целовать. Тут внимание мое привлек один из гостей, приходившийся, как мне казалось, дальним родственником хозяину дома. До появления молодого человека он с довольно безразличным видом следил за рассказом отца Клавдии. Однако, как только новый гость уселся рядом с Клавдией, лицо дальнего родственника преобразилось. Он высунул изо рта черную блестящую коробку длиной в три пальца, шириной в палец и толщиной в полпальца и стал пускать из нее искры сиренево-зеленые и ярко-красные; из ушей его вдруг брызнула пена; ноги сами собой вытянулись и обвилились вокруг туловища молодого человека; на спине выросли три крыла; голова непонятным образом отделилась от шеи и стала быстро вращаться, а тело сделалось дымчатым. Недолго думая, я бросился вон из комнаты. И правильно сделал. Ибо гость этот был диавол. Причем не какой-нибудь там оперный чертик в трико и с погремушкой, а самый настоящий диавол, средоточие Абсолютного Зла, Дух Разрушения, Концентрация Мирового Хаоса, Негативности.

Он прибыл в гости к отцу предмета моих вожделений, поскольку давно охотился за тем самым молодым человеком, что явился последним. Молодой человек был великим актером и, стало быть, соперником диавола, который, кстати сказать, никаким родственником хозяину дома не приходился и приходиться не мог. И это по его наущению Клавдия завела разговор о мертвецце, якобы виденном ею накануне того злополучного вечера.

Три дня спустя я снова был на приеме у отца Клавдии. О неприятном эпизоде никто не вспоминал. Клавдия была как всегда обворожительна. Отец ее снова занимал нас разнообразными историями из практики мирового промышленного шпионажа. И только обугленный труп молодого актера, покоящийся в том самом кресле, где три дня назад сидел Дух Разрушения, напоминал нам о случившейся трагедии.

— Клавдия, — обратился я к девушке, все еще не теряя надежды добиться ее благосклонности.

— Я вас слушаю, — холодно отвечала она.

— Знаете ли Вы, Клавдия, что отец Вашего земляка Льва Вениаминовича Никулина был театральным деятелем?

— Как покойный Станислав? — кивнула она в сторону обугленного актера.

И тут меня словно ударило: и это ее покачивание, и шорох ее легкого платица, и едва уловимый запах пота, исходивший от ее подмышек, и пристрастие, с которым она смотрела на меня искаса и покусывала нижнюю губку, и снова и снова оглядывалась на Станислава, и бирюзовый цвет халата ее отца, и не только халата, но и чайного сервиза на двенадцать персон за стеклом серванта, и хриплый голос Дилана, поющего о том, что человек дал имена всем животным много лет назад, и неожиданный конец песни в том месте, где нечто ползущее исчезает среди деревьев у озера, — все это совершенно определенно указывало на то, что, как бы ни тщился я, как бы ни тужился пленить Клавдию своими рассказами из жизни писателей, каким бы частым гостем я ни был у них в доме, и какими дорогими винами ни потчевал меня ее отец...

СМЕРТЬ САМУСИСА

Сразу после обеда пошел дождь. Четверо рабочих на крыше небоскреба напротив возились с огромной буквой «А». Пестрые точки внизу темнели и увеличивались в размерах — прохожие раскрывали зонты. Он стоял у окна, держась за сердце. Ему было плохо. Начальник отдела бросил, проходя: «Отдыхаем?» Он схватился за подоконник, стал приседать. Сотрудники окружили его, кто-то кинулся к телефону. На лбу у него выступили холодные капли пота. Когда-то он мечтал: «Вот окончу курс наук, женюсь, и жена будет любить меня таким, какой я есть».

Он лежал на полу. Кто-то расстегивал ему ворот рубашки. Когда-то он мечтал: «Жена у меня будет хозяйкой». Кто-то залез к нему в карман и вытащил бумажник. Дыхание его участилось. Кто-то сказал: «Это приступ. Где же врач, черт бы его побрал?» Он хотел возразить, но звуки не складывались в слова. Какой-то шутник из отдела кадров расстегнул ему ширинку и стал делать массаж. На него зашикали. «Это массаж Шиатсу», — пояснил тот.

Умер Самусис — так звали покойного — с эрекцией. Последние девять лет своей жизни он проработал в корпорации, где на его этаже в одной из кабин мужского туалета время от времени появлялась надпись: «Смерть капитализму!»

«Вот-вот, — думал он, сливая воду за день до своей кончины. — Критика существующего строя возможна исключительно в местах для отправления естественной нужды. На унитазах — все мы радикалы».

На следующий день он уже с утра был не в духе. Возможно поэтому, когда позвонил сын и попросил денег на зонтики, он наго-

ворил ему кучу грубостей и обозвал никчемным кретином, которого не следовало ни рожать, ни воспитывать.

«Можно подумать, это ты рожал и ты воспитывал», — вспылал Самусис-младший и бросил трубку.

Ну, это более или менее стандартное начало рассказа — смерть героя, предшествующий ей конфликт, потом описываются мысли одного из участников конфликта, потом другой участник затягивается, к примеру, марихуаной, и тут уже можно допустить небольшой поток сознания, ослабить причинно-следственные связи и т.д. Однако мы здесь преследуем иные цели, нас психологическим реализмом уже не прошибешь, верно? Да и от модернизма, признаться, воротит. (О моих взглядах на постмодернизм и новую сентиментальность мне уже приходилось писать на этих страницах).

Так вот, телефонный разговор с сыном оставил неприятный осадок у Самусиса-старшего, но мысли и поступки его мы описывать не будем, а вместо этого давайте лучше перенесемся в 1970-й год, когда нечесаный и тощий Самусис-старший сам был не дурак скрутить хрустящую долларовую бумажку трубочкой и, предварительно измельчив бритвой белый порошок на поверхности зеркала, зажать одну ноздрю указательным пальцем, а другой ноздрей втягивать порошок через эту самую долларовую трубочку под звуки песни «Внутри тебя и вне тебя», доносящиеся из единственного динамика его плохонькой стереоустановки. Перенеслись? Очень хорошо. А теперь мысленно перенесемся на два с половиной часа вперед, когда Самусис-старший в одних трусах бежал по темному коридору общежития за хохочущей брюнеткой с нежно-голубой жилкой на левом виске. Потом брюнетка, закрыв глаза, кудахтала на облезлом коврик в своей комнатухе, а Самусис-старший, задрав ее мини-юбку, трудился над Самусисом-младшим и громко при этом сопел, сжимая ее талию обеими руками. Теперь (снова мысленно) перенесемся на двадцать с чем-то минут вперед. Самусис и будущая мама Самусиса-младшего, изможденные, лежат на кровати, все в той же комнате, и курят, счастливо улыбаясь друг другу.

Через двадцать три года Самусис разругался с сыном по пустяковому поводу. Собственно и повода никакого не было. Разве дело в этих несчастных 750 долларах? Просто взаимное раздражение, накапливаемое неделями, вдруг само собой выплеснулось

в крупную ссору. Хотя, надо сказать, что Самусис-младший был по натуре юношей мягкосердечным и отца по-своему любил. Через пять минут после телефонного разговора он уже раскаивался в своей бестактности, и винил себя и только себя за конфликт с отцом.

Надо сказать, что майские дожди всегда навевали на него грусть и ожидания из разряда тревожных. А тут еще этот глупый разговор! Самусис-младший стоял на углу, в замешательстве пощипывая свои редкие бакенбарды. Зонтики у него почему-то не покупали, хотя торговля в такие дни обыкновенно шла бойко. Средств на закупку новой, летней партии у него не было, а поставлять товар в кредит дистрибьютор из Гонконга наотрез отказался.

«Не имел я права ехать в Амстердам», — думал молодой человек.

Дело в том, что свой день рождения неделю назад Самусис-младший отпраздновал вот как: слетал в Амстердам, заглянул в любимый им дом терпимости, провел там часа полтора в обществе гладкокожей Селесты и вернулся в Нью-Йорк вечерним рейсом того же дня.

«Ах, хорошо иметь деньги, молодость, здоровье, косую сажень, два аршина, семь пядей и все такое», — думал Самусис-младший на борту Боинга-747, откидывая спинку мягкого кресла в отделении для некурящих. На губах его играла бессмысленная улыбка. Как давно это было! Да нет, не по времени, время тут как раз ни при чем — по самоощущению.

Самусис-младший достал из кармана плаща бумажник, нашел в нем сморщенный бычок марихуаны, повернулся лицом к перекрестку, прикурил от пластмассовой зажигалки «Vis» и, пряча бычок от дождя, затянулся. В легких он ощутил приятный холодок.

«Наверное, я все-таки неисправимый романтик», — подумал он.

— Эй, приятель, почему твои зонтики? — раздался над его ухом голос полицейского... Так мы и оставим Самусиса-младшего в этом, мягко говоря, затруднительном положении, и дело тут не столько в марихуане, сколько в просроченной лицензии на уличную торговлю. Короче, попал парень, и крепко попал. Ну, а что делать? Сам влип, пусть сам и выпутывается — не ребенок.

Оставив Самусиса-младшего под дождем с растерянным выражением на покрасневшем лице, расскажем лучше о Зое Самусис — мысленно переноситься для этого мы никуда не будем, все

происходит в настоящий момент. Зоя в свои сорок шесть лет все еще сохраняла былую привлекательность, хотя и располнела заметно. Узнав о кончине мужа, она мигом добралась до мидтауна, тяжело дыша, вбежала в офис на двадцать втором этаже, увидела на полу труп супруга с выглядывающим из ширинки бордово-синим естеством, громко всхлипнула, задрала сарафан, спустила трусики, и при всех уселась на Генри Самусиса. Кто-то прошипел: «Совсем стыд потеряла!» Она ответила не сразу. По ее пухлым щекам текли слезы, она вытирала их галстуком покойного, ни на секунду не прекращая любить мужа.

— Не суди — да не судим будешь, — наконец промолвила она.

Бумажник покойного сам собой нашелся.

Утомившись, Зоя легла рядом с Генри. Они по-прежнему были интересной парой. Что она будет делать без него? Образование — художник-иллюстратор. Не работала лет двенадцать. Двое детей, старший непутевый какой-то. Замуж, что-ли, попробовать? Но за кого? А впрочем, рано об этом... Она поднялась с пола, поправила сарафан, подошла к окну. За окном рабочие продолжали возиться с буквой «А».

— NAM*, — прочитала Зоя все, что осталось от слова.

— Миссис Самусис, — окликнул ее начальник отдела. Она обернулась. Перед ней стоял тучный седой мужчина в дорогом костюме бутылочного цвета и темно-желтом галстуке в белый горошек. Его коричневые туфли на толстой подошве были начищены до блеска поистине ослепительного. Запонки его — его запонки это отдельная статья. Зоя таких запонок раньше никогда не видела. Сразу видно — дорогие запонки. Одна такая запонка долларов триста стоит. Оправа очков, дымчатые стекла — тоже дорогие. Запах одеколona — дорогой. Дорогая стрижка. — Миссис Самусис, я прошу вас, миссис Самусис, принять мои самые искренние соболезнования. Поверьте, для всех нас, для всего отдела, утрата эта невосполнима. И в этом году я лично собирался выдвинуть его кандидатуру на повышение. Более того, ни на минуту не сомневаюсь, что совет директоров мое предложение принял бы. Миссис

* В 1981 году крупнейшая авиакомпания США “Pan American World Airways” продала офисный небоскреб “Pan Am” страховой компании “Metropolitan Life Insurance Company”. В 1991 году, когда авиакомпания объявила банкротство, здание было переименовано в “MetLife”.

Самусис, если я что-либо в состоянии сделать для ваших детей — я знаю, ваш старший — начинающий бизнесмен, — одно ваше слово, и я сделаю все, что от меня зависит. Эта смерть — удар для всей компании... А сейчас, ради Бога, простите, но рабочий день у нас до пяти. Будьте добры подождать внизу в вестибюле. За телом сейчас приедут, я уже распорядился. Еще раз, простите, но... Бизнес есть бизнес», — закончил он эту тираду тоном несколько смущенным.

Зоя Самусис стояла у окна и, казалось, не слышала его. Или слышала, но не понимала. Или понимала, но не считала нужным ответить. И только голубая жилка на левом ее виске билась часто-часто. Не проронив ни звука, она окинула взглядом офис, резко повернулась на 180 градусов, и ни на кого не глядя, устремилась к выходу. И только у самых дверей Зоя оглянулась и, обращаясь ко всем сразу, процедила сквозь зубы:

«Ублюдки, вы не стоили его мизинца! Если б вы знали, как он вас всех презирал! Всех! Без исключений! Всех!»

Она хотела демонстративно хлопнуть стеклянной дверью, но это ей не удалось — дверь оказалась бесшумной. Грязно выругавшись, Зоя подбежала к лифту, несколько раз энергично нажала на кнопку с надписью «вниз», но лифт, как назло, и не думал останавливаться. И вот тут с ней случилась настоящая истерика.

Что еще остается добавить? Прошло, разумеется, время. Как сложилась дальнейшая судьба Самусиса-младшего, сказать затрудняюсь. Вышла ли Зоя впоследствии замуж — не знаю. Самусиса-старшего похоронили на небольшом кладбище в Форест-Хиллс, неподалеку от домика, где по сей день живут его престарелые родители. Что касается шутника из отдела кадров, который на глазах у всего отдела издевался над умирающим, то к чести корпорации, которой Самусис отдал лучшие годы жизни, могу сообщить, что негодяю был сделан строгий выговор, и зарплату в том году ему повысили всего лишь на 2.5%, а не на 5%, как он рассчитывал. Что ж, в следующий раз будет шутить умнее.

СОУЧЕНИК

Толик забыл уже и перманентное и сакральное. Вечное Толик забыл. За бабой одной семенил по второй, потом по третьей, она обещала ему и радость нездешнюю, и толику неги. Толик задумался: он ли это. А кто еще? Больше некому. Соученика встретил, вместе заворачивали.

Стали вспоминать:

гудели у Джоанны, там тракторист, Питер Бокк, шустрил, что сможет пять стаканов зараз завернуть. Стали считать:

раз — стакан.

два — стакан.

два пальца в рот — стакан.

Потом танцевали: Толик с Бокком ногами раз-раз. Джоанна подзуживала: эй, не робей, вынимай. Веселей. Потом из окна вернулась. Правило?

Соученик притих: полицейский в штатском заворачивал негра, без миранды, без ничего, одной дубинкой.

Холка звала в оперу. Толик воспрял: давай у тебя сперва? Он любил завернуть перед оперой. Но Холка: дрим он, охломон. Холка считалась кузиной Питера. Трактористам тут тоже несладко: ни грязи, ни хуя. Многие переучиваются, сапоги ушивают. А призвание?

В Мексике с архитектором заворачивали, потом стукались: его жена танцевала с Толиком, пока архитектор давил карасей. Негр тоже не лох: выхватил из кубыры наган и пять раз в упор завернул полицейского. Без миранды, без ничего. Соученик притих.

Толик стал вспоминать Джоанну, Холку. Холка полная была как карась, а Джоанна сухая как кубыра. Но когда хотела, и цвела и пахла что-то особенное, и изнемогала в истоме. В Толике пробуждался свержчел в такие экстазы, который может, если что, и карася, например, давить. Это любовь его так проворачивала, в корне меняя.

Соученик думал:

То ли бросил им кто вослед пустое ведро, то ли сами они его подцепили, но скакало оно, качаясь, по ступеням парадного гулко и долго за ними. А они — наутек, и заливаться, и корчиться, как два юнца в начале лета только и могут. Да, впереди выпускные, и что? Жизнь — она тоже там же, так что так на так получается. А сейчас оглянемся, ну-ка, ну-ка: ведро катится? экзамены кончились? жизнь? Как жизнь? Так я и думал.

Толик думал: больше с девочками гулять нужно было, приглашать их в кино, покупать им мороженое, целовать. Авось, не прошла бы жизнь скоротечно так. Авось, и запомнилась бы. Жизнь она тоже как смерть, но без запаха. Смерть все одно что кал, товарищи, персональный: другим воняет, вам — похуй. А разделили их, жизнь и смерть, свое и чужое, Силовые Структуры чтобы в страхе держать население. Умереть — плохо. Жить лучше, жить веселее. Свое — плохое. Лучше чужое. Тогда въебывай в поте, чтоб чужое хоть на чуть-чуть, но твоим стало. Чтобы смерть не воняла так. Чужую смерть нельзя, посадят. И чужое нельзя, завернут. А свое — плохо. А своя — страшно.

А я так скажу, думал Толик: своя смерть — не страшно, не бздо. Свое — не хуже чужого. Запомни это, и жизнь во сто крат лучше покажется. Чужая жизнь — не лучше. Чужая смерть — ведро. Хотать: да. Бежать: а куда это?

КОНОПАТАЯ МОЯ ЗАЙКА

Невольно — особенно в свете последних событий, хотя при чем тут события, надо прежде всего себя уважать — мысленно перелистывая воспоминания о прошедших трудах и днях, не могу обойти молчанием следующий очерк о моей второй жене. Ее уже нет в живых, она умерла три года назад — а не надо было курить как паровоз с сиськами, мода приходит и уходит, а дети остаются, балет, музыка, каток, все на мне — поэтому и считаю, что в праве говорить о ней вслух и публично, в том числе и о прижизненных ее недостатках.

Мы познакомились на приеме у Сэма Балабана, того самого, что сделал состояние на уобле. Так назывался его продукт — уобла через w. В Америке важно найти свою нишу, правильно? Нишей Сэма оказалась таранька (или: уобла), по которой сох наш брат-эмигрант, променявший Родину на самое дорогое, что только может быть у человека сразу после Родины — сервис (включая уоблу) с человеческим лицом.

Не помню, чем больше поразила меня будущая жена — откровенностью или чистоплотностью. Будучи еще аспиранткой экономического, она настолько тщательно подмывалась, что однажды заснула на биде. Причем во время ограбления. Разбудили ее мужские голоса. Говорили двое.

— Что делать? — спрашивал один тосеньким таким голоском, натуральный кастрат или прикалывался.

— Посмотри, — выдохнул второй сипло.

— Куда? Не видно ж тут ни хера...

— Сюда. Но сначала... она там, в ванной.

— Ладно. Чичас.

И голоса смолкли. А Светка (так назову здесь жену) дала деру. Через окно. Гори огнем эти тостер и стероустановка. У нее было какое-то животное чутье на опасность.

И вот ее краткая история.

Плыли в летнем мареве вдоль Бродвея стозевого шумные толпы туристов и туристиков; и озабоченный финансами немногочисленный в этот час местный люд следил, задрав головы, за лентой Nasdaq'a; и хип-хоповского типа high school drop-out tripped over a foul-smelling homeless girl with a cardboard sign that read, Brother, can you spare a rhyme? Huh? Say wha? Spare what? A rhyme? What is this crap? Who do you think you are? A latter-day Ms. Emily Suck-My-Dickinson? A teen-mom poet-in-residence whose welfare dough ran out ere her inspiration kicked in? Or an East Village idiot-savant who don't know her ass from her skinny elbow, don't know better than to mix pathos and humor with less than mixed results — и ее пустой стаканчик был печальным тому подтверждением? Big City? Love it! Площадь Времен! И каких! Наших! С вами! What a name, Times Square!* Не Согласия, как где-то, не Красная, как где-то там, — Времен! Что сказала Пизанская Башня Биг-Бену? Не знаете? Если у вас есть время — у меня есть склонность. А что сказала Площадь Времен Бродвею? Извините, но я должна вас времен-но перебить. А это я уже сам придумал.

«Вот и распрекрасно, ну его, импотентика, к свиням собачьим, не больно-то и хотелось», — на все лады повторяла замызганная и уже слегка попахивающая (три дня без душа в такую жару — и это при ее чистоплотности!) Светка Ручная. Оптимизм свой безграничный, не обсиженный покамест слепнями повседневности, она унаследовала от бабки, громовой старушенции, похоронившей двух мужей и дважды двух любовников и теперь закатывающей компоты из белой вишни на одесской даче, доставшейся ей от первого мужа — зам. директора завода «Антресоль».

* Исключенный из школы девятиклассник споткнулся о дурнопахнущую бездомную с картонным плакатиком: «Приятель, лишней рифмы не найдется?» Что-о? Лишней чего? Рифмы? А это еще что за фигня? И кто ты, интересно, такая? Новоявленная мисс Эмили Сак-Май-Дикинсон или несовершеннолетняя мать-одиночка в программе poet-in-residence, чье пособие кончилось, прежде чем пришло вдохновение? А может, деревенская идиотка-савант из Ист-Виллиджа, которая не знает, откуда ноги растут, не знает, что смесь пафоса и юмора в лучшем случае даст смешанные результаты... Большой город? Обожаю! Вот это название — «Площадь Времен»!

Бабка была огонь, и Светка тоже была огонь.

Оказавшись в Нью-Йорке, Светка решила не торопиться обзванивать знакомых и родственников, она захотела осмотреться сама, узнать, как говорится, почем фунт изюма в американском шоколаде «Херши», но вышло так, что связалась она на первых порах с каким-то ментально неадекватным ювелиром, подцепившим ее в «Дяде Ване» и проматросившим с неделю на матрасе под шорох вялых от июльского зноя тараканов в однокомнатной квартирке неподалеку от ООН, а потом попросившим в спешном порядке съехать, поскольку квартира оказалась не его, а дружка его, и дружок его должен был вот-вот возвратиться из Поканос, где проигрался в «Бинго». И денег не дал ювелир ни гроша, хотя имел ее и на португальский лад, и на лаосский, то есть с выдумкой, искринкой, электроприборами и химическими препаратами, от которых потом три часа свербило повсюду, и хотя бы за это мог частично рассчитаться, жидыра зажавшийся такой. И вот она на улице. Язык в жопе. Что делать?

Она позвонила подруге бабушки — Софии А. Пунктуальнер. В Америке София жила со времен Форда, но не автомобильного короля — а покойного президента, того, что часто спотыкался во время саммитов. У госпожи Пунктуальнер зубы были в состоянии аховом, аховом. Я знаю, что говорю, моя первая жена Олеся была без пяти минут ассистенткой дантиста. София и не пользовалась ими почти — только во время еды и беседы. Так, по крайней мере, она жаловалась в письмах Ане Ручной, своей одесской подруге с прошлым. Что есть одесситка с прошлым? — вы меня спросите сейчас. А фиг ее знает — я весь в настоящем, уже год скоро. Но ведь их, одесситок с прошлым, не спутать ни с подмороженными минчанками, ни с квелыми киевлянками. Так или нет? София назначила ей встречу в «Русском сеновале».

В «Сеновале» Светку сразу же попытался ухватить за зад Венька С. — друг Саши Колкера, Оси Боярского, сэра Исаяи Ремблера и других деятелей русской культуры в рассеянье. Венька был очень интересным мужчиной — в руках у него была трубка, а в ногах Жучка, сестра лауреата двух государственных премий поэта и перформансиста Саввы Мутятина, хлебнувшего в свое время лиха из-за нестандартной ориентации, да и сейчас остро переживающего невысокий спрос на второсортный ретро-эпатаж. Однако находчивой Светке быстро удалось поставить Веньку С. на ме-

сто вот какой фразой, брошенной сквозь зубы, как научила ее в свое время бабушка Аня: «Клоп замшелый, убери свои культы от меня подальше, если хочешь жить оставшийся тебе год с небольшим, заслуженный рахитос 3-й волны!» У Веньки С. отпала челюсть. Даже Саша Колкер, допускавший в обращении с нелауреатами известные вольности, не смел разговаривать с ним подобным тоном. Светке сделалось весело. Кто-то уже наливал ей рюмку рябиновки.

Блядей в «Сеновале» в тот вечер было не больше, чем обычно в четверг, — и в основном у бара. У белого рояля восседал блистательный Жорж Турбин и хмельным тенорком пел о русише поле, иногда в шутку заменяя «колосок» на «волосок», иногда всерьез. Ему вяло аплодировали. Контуженную минетчицу-куплетистку Цию Блинн в зале для поэтических вечеров и прочих торжественных мероприятий чествовал, помогая себе пулочкой, Майк Аркан, он был у них чем-то вроде поэтического завхоза. Майк елозил по выдававшему лучшие времена животу Цили Блинн, а сама куплетистка скользила по теплой тарелке с остатками холодца — мое любимое у них, кстати, блюдо, они его шикарно готовят, остальное не смейте там брать — отравитесь за милую душу. Одинокий, кем-то забытый на тарелке хрящик, пребольно впивался в копчик куплетистки. Пропуская стоны Ц. Блинн мимо ушей, Майк, которого покойный Саша Колкер некогда представил самой Сондре Зонтик как «мужчинку очень даже в соку, жаль только, что хер в основном на боку», месил пальцами алебастровый зад бедной девушки. Последний, третий год кряду, если не считать пятидневный роман с немцем на гавайском, средней паршивости курорте Club Med, не знал мужского внимания. Блинн благодарно целовала безволосую грудь Майка, самозабвенно подмахивая.

Светка от этих *tableaux vivants** пришла в уныние, тушь зелеными ручейками потекла по ее раскаленным щекам, и ее вырвало (так там было душно и отстойно), после чего молодую женщину попросили очистить помещение, где некогда выступал со своими поэмами сам Слепой «Братский Газ» Джексон, любитель несовершеннолетних художниц и анемичных поэтесс.

Так Светка и не встретилась с бабушкиной подругой Софией А. Пунктуальнер, которая могла оказаться ей весьма полезной:

* Живые картины (*франц.*)

по совету и рекомендации Пунктуальнер она тоже могла стать без пяти минут ассистенткой дантиста, как моя Олеся, или же, получив гринкарту, спокойно пойти на курсы бухгалтеров, что тоже довольно перспективно здесь. Но тогда бы мы с ней не встретились, и вы не читали бы эти упрямые факты из ее биографии.

А в это время в Америке проходили гастроли популярной российской поп-звезды Изабеллы Трэнс, давшей ряд концертов в Атлантик-Сити, «Миллениуме» и Клубе Любителей Авторской Песни в продвинутом Вильямсбурге. Мне посчастливилось в тот день быть на ее концерте, хотя цены, доложу вам... После шоу в переполненном «Миллениуме» я постучался в дверь уборной, осаждаемой пожилыми фанатами (Боже праведный! эти постные лица лысеющих бизнесменов с мобильниками! эти вымороченные улыбки их ослепительно оголенных дам, недавно выписанных из стран ближнего зарубежья! Боже, зачем ты дал мне покинуть мою Россию? Молчишь, Боже? Задумался?) и задал Изабелле несколько вопросов по поручению иллюстрированного еженедельника «Без базара».

ББ: Изабелла Борисовна, расскажите о своем творческом становлении.

ИБ: Сейчас. Сколько себя помню, всегда либо хотела петь и танцевать, либо уже всю пела и танцевала. Закончила питерский институт театра, музыки и кино, куда приехала поступать из Запорожья. Конкурс был 12 человек на одно место. Потом работа на радио, в кино. Снималась у Саши Писаровского в «Охоте на длинного-2». Клипы, призывы, гастроли. Не замужем, мальчишки.

ББ: А как вас принимают у нас?

Ну и дальше целый разворот этой позорной гламурной лажи...

А Светка тем временем шла мимо концертного зала в подавленном умонастроении. Недельку в Америке, а где она, эта гребаная новая жизнь? Брайтон ее совсем расстроил. Ну, чем не Кишинев, где в 1974-м году она отдыхала с родителями? Правда, Кишинев практически без молдаван, но зато с продуктами питания.

И вдруг она увидела Изабеллу Трэнс в окружении троих телохранителей и полутора десятка поклонников и поклонниц. А тут уместно будет сказать, что Светка знала Изабеллу со школьной скамьи, или даже раньше. Они познакомились и подружились тем памятным летом, когда в Одессе была эпидемия холеры, старожилы должны еще помнить это стремное время. Беллочка с мамой

застряли в городе до самого октября. И тут не в силах были помочь ни связи, которыми кокетливая Вера Трэнс успела обрасти на 8-й станции Большого Фонтана, ни безупречные анализы мочи и кала мамы и дочери Трэнс

— Елы-палы! Белка-целка! — завопила Светлана Ручная и, расталкивая телохранителей, бросилась на шею подруги. Слезы ручьем брызнули из ее глаз. Боже, как она обрадовалась случайной встрече! Шутка ли! Столько лет пролетело.

Потом был вечер в пентхаузе у Сэма Балабана. Пресса в моем лице тоже была. Нетвердой походкой я приблизился к Светке, окруженной с нескольких сторон т.н. живыми пепельницами. Сэм собирал их. У богатых свои привычки. Были они и у Сэма. Пепельницы он собирал. Но живые. Каждая пепельница — пол-лимона. Две пепельницы — лимон.

— Зачем вы столько курите, девушка? — задал я прямой наводкой свой коронный вопрос. От меня не ускользнула ее реакция, я-то чувствую, когда они хотят меня в себе. Потом мы танцевали. В ней я увидел себя. Точнее, ее в себе. То, чего мне так не доставало в первой жене Олесе, — осязаемого обаяния, чувства локтя под ребром, милый, ты не голоден? Немного, совсем чуть-чуть.

Мы расписались во Флоренции, я забыл улицу, кажется, виа Макиавелли; мы прожили вместе шесть с половиной долгих лет; над диссером она работала потом, беременная, бледная, конопатая моя зайка. Студенческие годы, Принстон, гастроли с Изабеллой Трэнс, я стал ее пиар-мэном, или агентом, называйте меня продажным журналистом, называйте меня кем угодно, но не говорите, что мы с ней не были счастливы. Мы были с ней счастливы, были.

Она подарила мне столько всего на память. Светка, спасибо тебе, огромное, как белый свет, хорошая, конопатая моя зайка. Зачем, ну зачем ты столько курила, глупая девочка?

ТАКАЯ ДИСТОПИЯ

И тут, значит, самый старший из них встает и говорит:

— Этот праздник, это застолье, эти свечи в черепах несовершеннолетних обоюбого пола, этот таз моей головной жены Заазы, а в нем и гранаты, и сахарный чернослив без косточек, и клиторное пюре самрагне — дело рук безотказной Фаины, и псевдоелизаветинские сонеты, которые она, многогранная и терпеливая, сочиняла в свободное от междоусобиц и родов время, — все устанкнится, соратники и сотрапезники, все будет смоделировано за милую душу без жучков и проволочек, вот увидите. Все. Но... не будем торопить события. Пусть события, если на то уже пошло, торопят нас. Ибо сказано было: поспешишь — сам посмешищем сделаешься в глазах любопытных, а те и рады...

Многие из сгрудившихся за этой праздничной посудой, которую так тщательно скоблила моя лучшая и большая половина Назы — сидячий образ жизни и на вас не замедлил бы сказаться, роженицы, ничего с вами не будет, сказал: без анестезии — значит, будет без нее — если б не бегали, не суетились так из-за куска мяса — моя боль и моя же радость, мой маяк, как хорошо когда-то выразился покойный Илюшка-Берцовая-Кость, на горизонте жизни, мой тайный порок сердца, ставший явным знамением свыше, явным недоразумением, чуть ли не судьбоносной проверкой на вшивость, дорожным таким перстом судьбы, происшествием, если пораскинуть, с красивой самкой лося (сбита пьяным автомобилистом на большой скорости в гололед), но не для меня и не со мной, только не для меня! — я люблю ее, как и прежде, как безусый безумец пью яички ее петушков, как безудержный юноша без денег и имени, не сойти мне с этого камня, ставшего подобием

ем стула, стула преткновения (я поясню)... черти вы полосатые, комок, черт его дери, в горле, к старости нюни стал распускать, и-эх... передай сюда печень, Тыбыза. И председательский колокольчик, я кажется, увлекся. Сейчас напомню сам себе о регламенте, так-то.

Все собравшиеся могут и не знать (а откуда им?) о той поре и невзгодах, кои нам с коллегами — и говорю это на правах равного среди лучших — пришлось пережить на пути в пещеры, после того, как нашей фракции дали оторваться по полной, но и они, ушедшие, если б только могли дожить до этого благостного момента во времени, уверен, утроили бы бдительность во время торжеств и особенно бед, не полезли бы за словом в карман, можете там не тарабанить? Внуки! Утроили бы, говорю, удесятерили б необходимые усилия, направленные на цель оправдывать, оправдываясь, средства, в том числе, массовой информации, масса остается необработанной. Масса, с ней работать. Век не тот волкодав. Уйму всего пришлось пережить (невзгоды, ну это я уже говорил, потом лишения, смех завистников, равнодушие почитателей — о, злые языки страшнее пистолета! — вот так вот взял и поотрезал бы вас всех, чтоб не болтались без пользы для дела всей нашей почти уже прошедшей жизни), пока шли обыски, бои, дармоеды, чума на ваши глаза и уши, пока мы писали Большую Книгу о Славном — что, что делали вы? Что? Шушукались в кулуарах? Если бы! Хотя, уверен, есть среди вас такие, что слышали краем уха звон, но не знали конкретно, где он, подробности, подробности — они зачастую решают все, выпрастываясь, ускользая, но не от всех. И не навсегда.

БКС, в четырех томах, с аннотациями отсутствующего сегодня Константина Петровича. Костя собственноручно собрал всю, что надо, поэзию, всю, что надо, прозу, весь, что надо, творческий потенциал — а он у нас есть еще, у нашего великого, трудолюбивого народа на две трети уже того — и издал на свои деньги три тома поэзии и три тома прозы. Мы ему помогли как умели и чем могли. Кто приносил нитки, кто спички, кто фонарики, ведь там у него в высотке рано темнеет и поздно светает. Кто работал без выходных, кто бесплатно, кто за совесть, кто за страх. Не будем о них. Будем о лучших, о заслуженно вошедших в историю, в одну из них, скажу осторожней. Мы-то знали, насколько важно для КП завершить сей скорбный, сей бескорыстный труд и как это важно для

нации в целом. Нации, давшей миру.. необходимы, повторяю — необходимы великие люди, большие дела, при этой температуре меньше воняет, я поэтому выключил. И при чем тут мыть ноги?

Но давайте о главном.

День рождения у Константина в мае. Я взял с собой подругу близкого друга и отправился к нему. Он, мой друг, был в отъезде и не приветствовал эти ее вылазки в свет, но мне он доверял, полагаясь на мою лояльность и относительную неопытность в обращении с женщинами. Мы встретились у «Кулинарии». Она была в парике, тогда носили парики. Ведь я ее съел потом, я тогда уже был не дурак полизать девчонкам петушки ихние, а тут забылся, стал надкусывать, надкусывать... Инстинкт-то один: ам-ам и чмок-чмок. Она так стонала, пока я лизал ее петушка и лизал. Всего дочиста вылизал. Петушка ее масляного, гребешка ее шелкового. Она на скамеечке стояла и гладила мою голову, пока я ее дочиста, дочиста. А другу мы ничего не сказали. И друг другу тоже. В пол-одиннадцатого она была уже дома, обглоданная, он в одиннадцать позвонил проверить, все ли в порядке. Все ли в порядке! На две трети только, а треть ее я того. Треть. Константина же я умолял подтвердить, что мы у него были, нам алиби с Ф. необходимо было. Алиби. Ее парень (мой друг) был страшный ревнивец. Однажды он избил ее. Ему показалось, что она, Ф., Илюшке-Берцовой-Кости глазки строила. А Илюшка-Берцовая-Кость тогда уже два года как в могиле вонял трупом вонючим. Ревность — преомерзительная черта. Заставляет людей закрывать глаза чуть ли не на наипростейшие несоответствия. Ну, зачем Ф. с трупом заигрывать было, когда она сама на одну треть самый настоящий труп была...

...над книгой мы трудились шесть лет и четыре месяца, я курировал слова, предложениями по абзацам ведал брат Илюшки-Б-К., Фаина укрывала меня и Костю, когда нам было холодно и гасила свет, а парень Фаины сидел на телефоне. Переворот произошел, как все помнят, в конце того же года и явился прямым результатом выхода в свет первых трех томов нашего труда. И это не преувеличение. Пусть А. Деббин и иже с ним утверждают, что литература не влияет на жизнь. Это его проблема. Еще как влияет, не соглашусь я. Передайте, пожалуйста, зубы и челюсти Василия Аркадьевича. Это для Большой Мозаики, в музей Реанимации. Благодарю вас. У всех налито? Ну, с Богом.

БРАК МАТЕМАТИКА

Наш друг, профессор математики, некий С., был страшный сельчак. Юмор у него был очень абстрактный, а подбородок мужественный. Летом он сбрасывал бороду, и тогда нам с женой становилось ясно — подбородок у С. был очень мужественный. Я бы привел тут для примера одну-две шутки С., но, к сожалению, порядком их подзабыл — уж очень они были абстрактны, а глаза его помню прекрасно: глаза у С. были карие, лучистые.

Как-то он упал с мотоцикла и сломал ключицу и ногу. Ему прописали костыли. Он много и абстрактно шутил на эту тему, что-то про косинус бедра и заднее число, но что — запомнил. Еще он увлекался философией. Его волновала проблема смерти. А кого она не волнует? Нас с женой эта проблема тоже занимала, хотя мы с ней были художники и поэты. Я даже стихотворении про это дело сочинил. Начиналось оно так: «Смерть живет в районе сердца или в области мозгов...» — а дальше там были такие строки: «Смерть, уйди, ты неопрытна — взять хотя бы запах ног...» И еще: «Я хочу на свете жить, близоруко улыбаясь, с милой девушкой шутить...» и т.д. Я бы привел это стихотворение полностью, но не хочу чрезмерно нагружать чем попало ось моего повествования.

С. долго смеялся, когда я читал ему эти свои стихи, а потом на радостях стал жонглировать костылями. Через неделю ему должны были снимать гипс. За месяц гипс его покрылся множеством надписей, якобы сделанных друзьями С., а на самом деле сочиненных им самим. Нам с женой было хорошо известно, что, кроме нас, больного никто не навещал — друзей, кроме нас, у него не было. Но нам не хотелось огорчать его своими догадками. «Выздо-

равливай, Эвклид Лобачевский», — читала грязно-фиолетовую надпись на гипсе моя жена и спрашивала у С.: «Ой, а от кого это?»

— А это мой друг Зигфрид, вы его, кажется, не знаете, — отвечал С. и чесал подбородок.

Однажды у нас с женой кончились деньги, даже пиццу не на что было купить. Голодные, мы побежали на блошинный рынок и загнули там штук десять книг, а на вырученные деньги купили в *Blondie's*, что на Телеграф-авеню, огромных два куска пиццы с маслинами и пепперони. Доедаем мы эту самую пиццу, на глазах у нас слезы — так иной раз бывает, когда долго не ешь, не ешь, а потом как наешься вдруг, — и видим как улицу переходит наш друг С., да не один, а с девушкой. Мы с женой переглянулись: «Наконец-то! Кто-то у него появился!»

Подходят они поближе, я вглядываюсь в спутницу С. и про себя отмечаю, что она очень даже ничего. А дело уже было поближе к осени, и С. снова стал отпускать бороду. Короче, через какое-то время они поженились, мы были у них на свадьбе свидетелями. Потом они отправились в свадебное путешествие; вернулись оттуда загорелые, веселые, глазастые.

Глядя на них, мы с женой даже решили не разводиться пока, хотя грешным делом подумывали об этом частенько. Уж очень мы друг другу надоели, да и неряха она была страшная, а хозяйка — никакая. Ну и из меня муж — одно название: по дому палец о палец не ударю, заработать не умею. Решили еще полгода потерпеть, а вдруг выправимся. Ну, что сказать? Месяц терпим, два терпим, что дальше будет — неясно, прошло только два с половиной месяца.

А друг наш, математик С., получил работу в университете, продал свой мотоцикл — жена настояла — и, как я слышал, покупает машину, кажется, «Хонду». Вот и вся история.

ЛЕОНАРДА, POST MORTEM

Давайте, оборов брезгливость вкупе со шепетильностью, заглянемте, милые друзья, на некоторое время к нам сюда, посмотримте, дорогие, что у нас и как, чем живем мы, с кем дышим и на ком дружим, а еще о чем грезим себе в ненастные дни. Здесь расставимте домики давайте, там посуду, тут холодильник «Sub Zero», хороший, новый, фарш и овощи расположимте в специальных таких лоханочках, недавно был сбор урожая и все танцевали танец урожая «Урожай, урожай, кого хочешь выбирай». На нас глядели старухи почти без неприязни. Оно и понятно. Танец-то, как ни крути, и ихней молодости давно прошедшей, они-то ему и обучили нас в детстве, он-то и им навевает много всякого, когда и им было чем гордиться по осени. Время-то ой, не стоит на месте. Оттанцевали свое, вот и шамкают. А старики — почитай, все померли без остатка в битвах-баталиях. Значит, наше время подоспело. Значит, мы теперь должники рассказывать истории, самая главная из которых о том, какие мы в быту, какие мы хорошие, какие мы задумчивые и какие мы покладистые.

Когда приехали на грузовике заказчики и весь подъезд завоняли своими газами, он как выскочит, как станет здоровкаться со всеми, хлопотать, доставать провиант как станет. Она за рулем осталась сидеть — мол, вот кто у нас за рулем сидит, всем заправляет и брюки узкие носит. Ишь, блоха. Не вышла. Хотя мама повторяла ей, и не раз повторяла:

Не будь такой злокой, Леонарда, здоровкайся вперед него. Путь он рулит, если груздем назвался. Фаэтон ли, кибитка ль — не чванься, доця. Здоровкайся вперед него всегда.

— Что это, груздем, мам? — Леонарда маму до свадьбы за лацкан — хап!

— Выйдешь замуж — смекнешь, чай, не дура — был таков ответ матери.

— Но смотри — чтоб заработать умел как надо. И гвоздь куда надо вбить — таков был совет. Матери. Прислушиваться к которой испокон.

А вчера-позавчера — они на пять дней приехали, хотя вонять — она — на третий стала, она вдруг к нам: оставьте бабочку, блоху и пейзаж под ними, картина от такого минимализма только выиграет, — от художница-писсюка выискалась, ей-бо, ишь, блямба. Башляет, может, да, она — но мимесисом, извините, мы тут ведаем.

Картина как картина: не Леонов, но сужжетно-суггестивная и сработана ладно.

Летят. Блоха на бабочке-конкорде, бабочка ей и пилот, бабочка ей и самолет с пылью. Зеленое море тайги, блямс. Блоха ножки вытянула по одежке, «мимозу» посасывает, скоро Франция, там вообще шампань, Лувр, зашибись. Ка-ак свистнет от предвосхищения. Бабочка аж вздрогнула от звука такого резкого. Блоха — хлюп! — и в Окиян. Умерла там, утонув, через свой же свист, получается.

Этот слабый наш труд мы посвятили людям труда и борцам за хорошее, правдивое в искусстве и в воздухе.

Ибо сказано было:

Да все-то теперь разбежались,
Да все-то теперь раскучались
И со того со двора со нашего
Да со того со поместья со нашего.

Мама ей говорила: смотри. Лучше, чем до женитьбы, после женитьбы навряд будет. Не теряй голову. Она и не послушалась, правдоподобием погнушались. Противу правды поперши, горячка.

Мы ее и замочили, пока он в сортире блевал. Ножом пырнули, мясорубкой оглоушили, голову отрезали, пока он всю ночь под душем блевал.

Наутро выходит, мокрый, ой, а где жинка. Где жинка! Вспомнил. Мы: отведай — и голову вареную на тарелке под нос ему под соусом. Он с бодуна, блямс. Стал ухи резать ей. Съел. Губы попробовал под грибным соусом. Глаза съел, грешный, язык. Мы никогда ее не любили: строила из себя.

Пролетели пять дней и пять ночей как один день и одна ночь. Для него, для мужа Леонарды (для вдовца) почти незаметно. Он сидит-сидит, да как пойдет грустить. Как пойдет грустить да и кручиниться. Буйну голову подруги жизни съел. Съел буйну голову и не поморщился.

У нас и другие истории есть, из прошлого, но это уже исторические. Откуда мы такие, да кто мы. В другой раз непременно расскажем и с удовольствием. Положено же у нас песней дело венчать, песней и повенчаем.

Как приехали в ландо
Муж с женою заодно.
Он был парень хоть куда
Забавлял нас как всегда.

И одет он был с иголочки
Новые защитного цвета панталончики,
Перстень на пальце с изображением гиперборейского божка,
Короче, производил хорошее впечатление на.

А жена плохо себя вела
Приставала к незнакомым людям
Претензии предъявляла необоснованные
И то ей не нравилось и это.
Они и решили ее проучить.
(Художники, самолюбие, запальчивость).
И проучили. Теперь, небось, не выкаблучивается.
Голову ей отрезали, уши-губы муженьку скормили.
А остальное вы уже знаете.

ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

Одно потянет за собой артачащееся другое, а иначе и не бывает оно, так много лет спустя седеющему путнику, вернувшемуся восвояси, — а там и пусто, и только бродят среди старых голых лип табунчики беременных кошек — обернется скатертью-самобранкой живых картин несовершенного прошлого обычный, грубой работы сервант или того хуже — стол, за которым сиживало летними вечерами целое семейство: совсем еще юный путник, его отец, только-только с работы, пропахший пылью и помидорами, готовые внимать историям отца о производственных битвах родственники жены — благодарные слушатели, поддакивающие особенно ретиво, особенно после второй, тем паче, что жаркое сегодня вышло мировое, чудо что за жаркое, а все потому, что казан волшебный и мясо не прилипает и не пригорает мясо, в пижамных брюках, светлом пиджаке и парусиновых туфлях, чищенных зубным порошком, разведенным на молоке, не успевший еще переодеться дядя, ему под восемьдесят или за, и он почему-то — хоть убей — не седеет, лысеет — да, но не седеет, и сие есть тайна великая. И мама. Молодая, умная, загорелая, в халате. У мамы отпуск. Мама с утра на пляже, иногда на базаре, а потом на пляже: клубника, черешня, смородина, когда витамины, как не летом, а шелковица у них и так растет. Дяде тоже есть что рассказать, начало месяца, был в городе, одиссея за пенсией, рассказ обстоятельный, подробней, чем у отца, — у отца сезон второй месяц, а у дяди пенсия раз в месяц, трамвай, скандал на конечной, там женщина на задней площадке кричала, что, мол, Гитлера Сан Сергеича на вас, дармоедов носатых, нету, ну ничего, — отольются мышкам кошкины слюнки. Так навозные мухи за сутки суматошной жизни об-

растают липкими крошками, так бегут они освенцима мухобоек, так чистят спазматические лапки на скатерти — задние, потом передние, потом снова задние, так жужжат они что твой перпетуум мобиле у мусоргской ямы, там их две, одна возле уборной, и это громко сказано: уборной — халабуды с дырками для большой нужды, а под нею, под халабудой, притаился сам-друг продукт большой нужды и ждет не дождетя randevu с кишкой ассенизатора, а вторая — там, где с утра до вечера глинка-шостакович, там, где дача первой скрипки Давида Батьковича с оттопыренной нижней губой и глазом-стеклярусом, отмеченного синяками, государственной премией и гастрольной поездкой в дружественную Польшу, откуда привез он сервиз на двенадцать персон и шубу из куницы для красавицы-жены Лионеллы, которая бьет его, неблагодарная, смертным боем. Сидит-сидит себе на веранде и вдруг как пизданет его ни за что, просто, чтоб боялся ее как огня.

Враг моих врагов — мой друг, говорит дедушка, смеется дедушка, плачет недавно овдовевший дедушка и протягивает — тогда еще даже не путнику, а ведущему довольно оседлый образ жизни — молодому человеку плитку шоколада. А в прошлый раз, еще когда с бабушкой приезжал, книгу надписал о шахматах: внуку Виталику, на добрую память, желаю играть лучше дедушки и не хуже Ботвинника, и вы знаете, первое оказалось много легче осуществимо, чем второе.

... И вот, через небольшой промежуток времени туфли эти дядины назовут говноступами и жизнь эту назовут говняной, и хлам этот порекомендуют выкинуть в форточку, которых здесь на западе нет и быть не может, все они на востоке остались. Так куда же это все выкидывать тогда? Вот вам и вопрос в ответ на другой вопрос, некорректный — восток Россия или запад она, и если восток, то чем же это? Форточками восток Россия, скифские вы морды с раскосыми и жадными до чужого добра глазами; неизбывностью окон восток Россия, открытых на одну восьмую; робостью жеста, двусмысленностью посыла восток Россия: открыть, но ненадолго, захлопнуть, но не до конца.

А сейчас? Жизнь в доме, где поселились сплошные бывшие знаменитости, и даже швейцар, если верить лифтеру, был в свое время фокусником не без имени — это ли не счастье в последней инстанции? Это ли не то, ради чего ехалось и врасалось, терялось и вживалось, это ли не тюрьма народов в одном, отдельно взятом,

поставленном на попа, пенале? И вот, он, лилово-ливрейный, вместо того, чтобы помочь с чемоданом из Сент-Барта или пакетами из «Д'Агустино», женщину пополам распилить норовит — и лучшую половину вам всучить. Что ж, с ней так и гулять, так и представлять случайным знакомым: вот она, моя лучшая половина? Как, где вторая? Вторая, та, что похуже, — та дома, с детьми.

В ГОСТЯХ У ДЕВОЧЕК

Однажды Володю пригласили в гости две женщины свободных взглядов, одна работала в книжном магазине товароведом, а с другой он когда-то учился в техническом вузе и частенько согревал ее зимой, когда дуло, но исключительно на платонических началах. Как он узнал про их свободные взгляды? На лбу ведь у них не написано, каких они там взглядов. А у них обувь была легкомысленная очень, без задников, такую женщины только свободных взглядов и носят. Очень откровенная обувь. Большие пальцы сквозь специальные щелочки проглядывались, напоминая толстых, взбудораженных пивом креветок. А те и рады ими шевелить призывно.

Что было на столе в тот памятный вечер у товароведа Риты и инженера Саши? Белое вино было, недорогое, три бутылки, пирожки с мясом и картошкой, еще теплые, и шоколадные конфеты с орехами. Рита была рыжеволосой девушкой, играющей на свирели украинские народные песни в свободное время. Инженер Саша, брюнетка с маленькой и очень упругой грудью, предпочитала трип-хоп. Она суетилась больше подруги и зажигательней смеялась, поскольку желала Володю больше. Ей очень хотелось с ним попробовать, она слышала, что в постели он настоящий лев, грозный, раздирающий добычу на куски, истекающий горячим семенем, подрагивающий судорожно некоторое время после оргазма. Так оно и случилось. Всю тахту ей заляпал, гривастый, пока девчата по нему скакали.

А встретились они случайно, в трамвае. Володя ехал на работу в свой тир, и вдруг: боже мой, Вовка, сколько лет! Рита, Саша, куда вы, девочки? На работу. И я на работу. Да, да. Такая взрослая,

скучная жизнь. А помните... а давайте... сегодня вечером у Саши. Это предложила более смелая в любви Рита.

И солнце дробилось в заднем стекле трамвая. А в трамвае они одни были, будто во сне. И Саша пила молоко из бутылки. И след оставался на ее верхней губе (белый). Кто-то скажет что-то смешное. Она так и прыснет. Звуки свирели. Володя смотрит в окно на деревья. Конечная остановка улица Льва Толстого. Деревянная калитка. Пожилой человек в пижаме и соломенной шляпе смотрит вдаль, высматривает кого-то. Володя идет мимо. Старика зовут дядя Андрей, и он ждет «скорую помощь». У жены снова сердечный приступ.

А Володя идет дальше. Аллея. Мальчишки играют в футбол. Очень толстый мальчик на воротах. А кто там у них полужащитник?

Девочки, Рита и Саша, играют в бадминтон. Движения их плавны. Волан висит в воздухе.

Володя! Володя! кричат девочки.

БУДУЩИЙ РОДСТВЕННИЧЕК

Тулуза почти никто не звал «Крем-брюле» как когда-то. Цвет кожи, извините, с годами того. Его или Архипычем таперича величали, или Арцыбашевым-истопником. Заводская мелюзга звала его Ураганом, те, что покрупней да пожестче — Шелухой однобокой. Он ехидный был, часы у фитьмаршала на пасху свистнул: стремно, да жить по-людски дюже хоца. Загнал их на птичьем рынке, за зад его мент цап, у самого глазки злые, колючие, зуб на зуб это самое, дяденька больно! ну малолетка, ну что ты с ним будешь? Он представлялся девочкам так: заслуженный мастер спорта (вранье) по альпинизму (трижды вранье, он и гор-то в глаза ни разу не видел) Александр Рябинчик. Рябинчик? Мы аж плакали от смеха, а угомонившись, ставили раком и поучали.

У Его Величества Тулуза сейчас смутно на сердце и покалывает. В райкоме комсомола ему объяснили, кто он есть и зачем, и задело его это за живое. Так-таки вонючка? — насупился Архипыч. Ага, не нашего поля сосенка, и на дверь авторучкой указали. Нужны ли тут комментарии? Наверяд ли. Сегодня Шелуха попокладистой будет, не сучит уже ногами без пользы, устроился монтером. И доволен пока, ну и им довольны. По выходным уютит рубашку в горошек, панталоны из чистого шелка наденет, вихры свои прилжет и идет себе фланировать в парк культуры с моей двоюродной сестрой К.

К: Щекотно, дурак.

Тулуз: Я нечаянно.

К: Нечаянно? Ничего себе нечаянно. Люди же.

Тулуз: Сама ты, Клавка, дура. Сказал: нечаянно.

НУ БУНИН

Мне было восемнадцать или около того, и я был влюблен. Предмет моих поползновений обладала полными икрами и оттопыренным задом, о котором были наслышаны многие люди нашего места. О нашем месте мне уже приходилось писать в другом месте, однако тем, кто взял меня в руки впервые, напомним: оно было покрыто молодняком и на вкус было терпким как пизда пионервожатой Алеши. Алеша брила ее раз в месяц, а иначе дядя Роланд отказывался ее лобызать, а она только о том и грезилась тихими летними летними.

А я любил Дыню, так звали Грушу, так звали герлу, висящую и не падающую, сочную такую девочку-перезрелочку, у которой что ни мини, то пара ног, что ни кофтуля, то ой большие какие, и колышутся вразной как гаубицы при норд-осте все одно.

В усадьбе моего дяди-богача-дяди она маялась с ветки на ветку и пахла промеж оконечностями как грачи прилетели. А грязь на клиросе брусчаткой запеклась, и, чавкая, телега, ну, Бунин, ну, как две капли! А ковыль, ну короче, когда все разъехались и в доме мы одни остались, она пздзвониклавкльчик: дзыунь-трэзвыунь-трень. Я вышел, загораживаясь, поеживаясь, предчувствуя... От укусов клопы, вшей. Распогодилось. А Груня, так звали Тыкву, она за поляка вышла из Львова, и поминай как ее бишь. Груня чи Дыня?

И только на станции вспомнилось, как студентом снимал номер в П***, но только — боженька! — прости за жизнь исковерканную, непутевую, гедонизму исполненную.

Кучер только присвистнул от изумления, по-чеховски деликатничая. Да и забыл я ее, пизду бритую такую. И плюнул, и растер, и по-бунински хлестнул коренную. Стало накрапывать.

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ

Поливали абрикосы и груши из шланга два бугристых дедка-непоседы: дедок из 12-й хаты и дедок, что под ним сразу жил. Дедок, что под ним сразу жил, де юро под ним только жил, де факто же он числился другом Трахтенберга, что снимал у меня угол с видом на вокзал, и таким и посейчас мне видится его нутро (дедка нутро, у Трахтера нутра почти не было, он плоский был, Трахтер, у него что на витрине, то и в магазине; плоским он и в наброске этом будет представлен — так искусство порой подражает жизни, потому что больше особенно нечему): покрасневшее, гниловатое, затхлое, скользкое, муторное и покосившееся набок нутро. Им бы (нутром бы) и всеядный малый голландец, полагаю, погнушался бы, нос свой мясистый поморщив и кисть опустив. А первый дедок, от которого лучики лунные отпрыгивали, ибо восьмой час уж близился, — пел, гнусавя под грушею, звяк-трэзвоня мудями своими и отпрыгиваясь пречастенько — изжога, гастрит, против них не попрешь, брат:

Бзы-бзы-бзы-бзы (бом-бом, бом-бом)...

Бзы-бзы-бзы-бзы (бом-бом, бом-бом)...

Бзы-бзы-бзы-бзы (бом-бом, бом-бом)...

На-аво-одит он (БОМ, БОМ).

О юных днях...

Картина эта, как и все они, впрочем, была бы неполной, если бы в дело не вмешался сам Трахтер. У него, как назло, полотер забарахлил, расфыркался, а то как же: чистое дело марш. Так он вручную, ублюдок, тереть стал. Наташа, та с первых заморозков не

подмывалась — все ждала чего-то, ждала, когда дуб обратно распухнет — все в ней будто говорило в голос: хочу его ветвистого, столетнего и незамедлительно.

А вот и он, да на коне — ну чем не герой, я вас спрашиваю?

А у случайного прохожего, назовем его здесь Человеком, фурункул в белой кепочке с козырьком на задку выскочил и не позволял присесть на скамью и кормить белок орешками и семечками ни на минуту, а он это страсть как любил. Так он, Человек, их стоя кормить изловчился, а к стоящему, известное дело, белки не так охотно приближаются, а с опаскою, опасливо оглядываясь, словно опасаясь чего-то такого опасного-преопасного: опасность, осторожно, Человек стоит.

Тут прояснилось, разгулялось, хорошо на небе и на сердце, и как мы с вами этого прежде не замечали, и деревья опять же все политы и дуб распустился... И тогда два дедка стали петь в наступающих сумерках про любовь к женщине, и охать, и ахать, и умирать не хотелось нисколько им, хотя по годам пора уже вроде — отпердели свое старички, отхаркали.

ЛАКМУС ПОПАЛ ПОД ОМНИБУС

Эта история начинается несколько необычно, хотя конец у нее обещает быть довольно заурядным, обыденным, каких много, не претендующим на скандальность и головокружительность. Без фейерверков, шутих и петард, будничным и серый конец у нее будет. И с него мы, пожалуй, начнем (это я прямо сейчас, на ходу передумал), а закончим уже мажорно и, по возможности, непредсказуемо, как и предполагали начать. Итак, в конце (а теперь, значит, уже в начале) нашей истории герой ее, Ричард Лакмус мл., так звали нашего героя, ложится, вернее, бросается, под колеса автобуса, точнее, омнибуса, а не автобуса, автобусов тогда еще в помине не было, а были омнибусы, конки, и Генри Форд только-только начинал подумывать о Модели Т, которая, позволим себе напомнить читателю, уже к 1920-му году чуть ли не ежеминутно будет выкатываться из ворот фордовского завода в Хайленд-парке, блестя на солнце черными боками.

Ричард Лакмус! До сих пор меломаны помнят это имя. Дебюсси, Лакмус мл., Стравинский и Кохоганопуло, но последний не так, как первые три, а в значительно меньшей степени — фамилия трудная — запомнился меломанам. Эх, Лакмус, Лакмус, под омнибус ты угодил, какой удар, тебя любила я еще девчонкой, а с трупом спать не буду, так и знай! — это по Лакмусу плачет хорошенькая девушка лет эдак двадцати пяти, она любила его девчонкой и после концертов в Карнеги-Холле, привстав на цыпочки, позволяла целовать себя в губы, шею и запястья.

Лакмус ей (уже с того света): Не хочешь и не спи, насильно мил не буду. Мне сон предсмертный снился будто я... Проснулся я тог-

да в поту холодном. Проснулся я и сразу занемог. И будто справочник-реестр непогоды, играет ветер и поет-поет...

Хелен, дочь перчаточника: Ах, Лакмус, Лакмус! Как тебя любила я! Ловила взор, да что там взор! Всего. Теперь могила лишь, одна могила лишь по-над тобой захлопнет свой оскал и все.

Лакмус (сухо): Не знаю. Праздный разговор. Меня уж нет, я под омнибус бросил свои кости.

Хелен, дочь перчаточника: Бросьте! Чем я хуже? Иль у меня стан не уже? Иль у меня обильней, чем у других людей, потливость? Или мой стон не вызывал известную возбудимость? Ответчай, маэстро, сделай милость!

Лакмус: Меня уж нет, уж я далече. Меня хоронят и поют. Найди себе кого-нибудь другого. Он, а не я, украсит жизнь твою.

Хелен, дочь перчаточника: Холодно как! И ветер воеет, будто справочник-реестр непогоды, это он хорошо сравнил. Надо уходить, только не уйдешь никуда от этого. Я уже пробовала уйти, но разве от этого куда-нибудь уйдешь? Не уйдешь от этого никуда, я уже пробовала. Не уйдешь. Захочешь уйти и не сможешь. Я уже пробовала. При чем, неоднократно. Пробовала уйти и не смогла. Может, еще раз попробовать? Чем я рискую? В крайнем случае, опять не уйду...

Лакмус (забывшись, глуповато): Ла донна э мобиле, ин аутомобиле, спешит без оглядки, едет на танцы... ла-лаа-ла-ла-ла-лаа!

А конец этой истории, то есть теперь уже ее начало, а не конец, как мы и обещали в самом начале, будет довольно заурядным: Лакмус и Хелен будут сидеть в гостиной и пить чай. Он будет на свистывать свой новый менуэт; она, внимая, будет улыбаться, даже скорее смеяться, чем улыбаться; он рассеянно (композиторы очень рассеяны) положит серебряную ложечку в нагрудный карман и тут же спохватившись, смешавшись... О, если б Хелен могла знать, что через три дня Ричард Лакмус мл. отправится к праотцам! Но, увы, будущее неведомо смертным. Это мы, одни мы...

Но почему, почему, спросите вы, композитор Лакмус решил свести счеты с жизнью? Ведь ему едва минуло 37 лет и он пользовался взаимностью очаровательного создателя, и талант его был в самом расцвете, а слава в самом зените? А почему так рано ушли из жизни Рембо, Бизе и Лиза Сиделкина, и тоже в зените и расцвете? Не потому ли, что, как сказал по-другому, правда, поводу отец Хелен, перчаточник: Вы только, ради Бога, извините меня за

прямоту, но с вашим размером вам будет холодно намного чаще, чем другим покупателям?

Бум-м! Бааабаах! Буумм! Трахх! — это в Хайленд-парке устроили грандиозный фейерверк в связи с выпуском первого фордовского автомобиля новой Модели Т. И вот, блестя черными боками на солнце, он выкатывается из ворот завода.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ НЕЗДЕШНЕЙ

1.

Захочешь забыть, да разве забудешь, как пару лет назад весь слабый пол стал комбинации носить вместо платьев? С кружевами, с бретельками, полупрозрачные — как забыть это все? Жанниванна, естественно, чуть ли не первая (из наших) разоблачилась. В «Распутине», у сына Вадьки Гитцеля на дне рождения, народ не сразу въехал. Один диспетчер-белорус, интересный, кстати, мужик, салфеткой пытался ей бюст прикрыть, чтобы не прыгал так во время макарены. Так она возьми и за палец зубами его. Вроде, в шутку, но вышло до крови, а с кровью какие шутки?

Ни от кого не секрет, что Жанниванна любила (и умела, тут одной любви мало, тут еще уметь надо) красиво и дорого одеваться. Ну, красиво — это ладно. Женщина — она и в эмиграции женщина. Но чтобы дорого? А на какие, извините, шиши дорого? Окститесь, Жанниванночка. Или выходите за дантиста. Но чтобы без студенческих долгов и мортгиджей желательно. Как где взять такого? Искать, давать объявления в газеты, я не знаю, где взять такого. Вам же надо — не мне.

Каждый ланч по распродажам как угорелая бегала, перекусить не успевала. Возвращалась в офис с пакетами, взмокая вся. Я для нее пол-сэндвича всегда держал со «Спрайтом» про запас, чтобы не так у Жанниванны в животе урчало. Мне из-за стенки кубика все слышно было, как у нее урчит. От сэндвичей отказывалась. За фигурой слежу, говорила. Ишь ты, за фигурой.

2.

Жила с каким-то грязным типом, кажется, из Вильнюса. Нет, чтоб пойти как все на общих основаниях работать, так этот гений на дому поэму сочинял о том, как древние евреи Америку задолго до Колумба обнаружили, случайно сбившись с курса в поисках торгового пути в Святую Землю. Ну не кретин? Супруга его бросила пять лет назад, и правильно, по-моему, сделала, что бросила, — он у нее уже вот где сидел с профнепригодностью своей хронической. А Жанниванна жалостливой оказалась, ну и чтоб мужик под боком находился ей тоже важно было. Короче, она к нему в Форт-Ли с пожитками перебралась, чуть ли не сразу после третьего свиданья. Так Жанниванна извелась в тоске по счастью в самом основном.

3.

А этот Анатолий Пищевлок по выходным в «Трех сестрах» подрабатывал, в кондитерском отделе. А по викендам гуляет же народ, не мне вам объяснять — у одного бат-мыцва у ребенка, у другого просто на душе хреново. Шашни с Аликом из обувного у нее, короче, сами вытанцовываться стали. Ну, Алик никому старался спуску не давать по мере сил, а тут такое, и само плывет в татуированные руки: всегда одна, всегда стройна, всегда подчеркнута элегантно и крепка в бедрах, а балык на тарелку — и то положить некому. А кроме того, выдам аликин секрет один: у него на бывших ленинградок имелся своего рода фетиш неполноценности. Она его за туфли полюбила, выходит, а он ее за питерский прононс.

4.

Алик шнурками ее задаривал сначала, он с юмором был, одессит. Она же «Маноло Блаником» все больше интересовалась. О чем и намекала ему прозрачно и неоднократно. И вот случилось так, что между Сциллой поэтического безденежья и Харибдой пикников-шашлыков со жлобоватыми друзьями Алика, Жанниванна выбрала последнее. Выходит, она отдушину искала в «Саксе» ну и по молодости лет, опять же в сексе. Хотя у нас как говорят? Кот-

леты отдельно, мухи отдельно, вот как у нас говорят, дорогая и незабвенная Жанниванна!

5.

Она и мне однажды предоставила счастливую возможность перси ей немного послушаться после службы. Сладкие, большие, как кавуны, не сойти мне с этого места!.. У меня антошка враз воспрянул по такому торжественному случаю. Мой антошка-медалист. У него похвальный лист. Мой антошка выпускник, скоро будет специалист. Но мы с антошкой забегаем вперед. Тут ведь все по порядку надо, как в старину, когда собеседник, когда слушатель, когда читатель были во главе угла, но не критик, не зав. по распределению грантов и престижных премий, и не эксперт по легитимации текстов для повседневных нужд популяции. А то, что этот Пищоблок, замочил ее из-за угла после питерского балета на роликах, так он же псих был на всю лысину. И Ж. Ивановна сама отлично знала, что он припадочный. И нищий. И завистник. По-этом можешь быть после работы. А бабки приноси домой как все. Если не хочешь, чтоб твоя телка у каждого второго, извините, производила, вы уже поняли что, на почве материальной заинтересованности то есть. Я так понимаю.

6.

Вот что этот горе-Пищоблок втирал приемщице Буцефаловой Галине в начале мая, когда они с ней партию зефира в шоколаде поджидали у грузового лифта «Трех сестер»:

«Запретное-незапретное, Галочка, где грань эта, а ну-ка ответьте мне быстренько? Одно от другого не так-то легко отодрать. Помните, на этот счет у Осипа Эмильевича: попробуйте меня от века отодрать? Забыли? Тогда возьмите любую книгу, любое кино. А хоть для дошкольного возраста, мне без разницы. Гарри Поттер. Та же порнуха. Те же, в большей или меньшей степени актуализированные игры с вуаеризмом и скопофилией, и где, ну, скажемте, сцена, где герой, ну я не знаю, идет по длинному, сужающемуся коридору — это же не просто сцена, где герой идет по длинному сужающемуся коридору, а вы уже поняли, что это и куда он это идет, да?»

«Как вам не стыдно говорить такие вещи, Пищоблок? — краснела Буцефалова. — Я же все-таки старше вас. И женщина.»

Он ей здорово успел надоесть своими глупыми сентенциями, она прямо не выдерживала от него.

7.

Жанниванна с Аликом, обливаясь потом, сосут друг друга. Это надо видеть. Она его головушку под язык кладет, как витамин С, чтоб он там рассосался, но он там наоборот. А сама задом, козочка, на лицо его поудобней усаживается, на рябое, точь-в-точь как Непипелова на штрафную скамью в одноименном детективном кино про хоккей со шведами. Он языком ее на вкус пробует осторожно так. Ничего, вкусненько, ням-ням, вроде осетринки, но без душика, а с белым хренцем для пушей пикантности. Его дядя-мультипликатор мурлыкал ему в ранней молодости на ушко, усадив на колени и щекоча затылок: «Маленький хуек, Алька, — в пизде королек, заруби себе это». Алька и зарубил. У дяди премии были престижные. Дача в Пушкино. Туда бомонд съезжался весь, чечеточки, Рыкунин на персональной «Волге», на пенсии уже. Маленький одессит Алик смущался чрезвычайно, чуть не плакал, подкоркой ощущая свою провинциальность и незначительность — все-таки Госцирк, полуслепой Румянцев-Карандаш с облезлой овчаркой, запах опилок и тройного одеколлона. Дядя и Сталина рисовал в свое время, и Микояна. И дорисовался. Дружеские шаржи: друг детей, враг народа, свои люди — сочтемся, если не в этой жизни, то через одну — всенепременно.

8.

На смертном одре переполох вышел: наследство, веснушчатая аспирантка Шура, Саша Черный, полет шмеля, и эта осока, и эта весна, и это наша смена? Не дожить.

9.

Жанночкаиванна и Алик Постный скорым шагом приближаются к зданию театра, где сегодня дают «Красного Авеля» в постановке Б. Кичмана, чья труппа «Шалом с берегов Невы» вновь — уже в который раз — на гастролях в Нью-Йорке. Жанниванна облачена в темно-синие пух-и-перья от «Вебе», Алик в строгом костюме от «Армани» и контрастирующем свитере «Эмиграция как состояние души». Народу перед входом — тьма, весь цвет русскоязычной общины уже тут: показывая полудрагоценные коронки городу и миру, озорно хохочет неугомонная Фаня Пчелка, хозяйка «Славянской дыры». При ней ее новая пассия — ресторатор дядя Толя Хромой, тот самый дядя Толя, чей зять с легкой руки Черномырдина вывез из города Череповца большую часть города Череповца, за исключением недвижимости и нищих череповецких старух, а чуть поодаль — бывший гитарист новороссийского театра кукол, а ныне брокер, или, как в шутку его величает супруга Неля, владельца салона Little Nell's Nails, — шмокер Вениамин (Бенджи) Шпинозер. Шпинозер дымит ароматнейшей, размером с детородный орган небольшой лошади, сигарой и демонстрирует желающим новые дорогостоящие часы «Патек Филлип» с боем. О последнем его жена даже не догадывается.

Но вот раздается последний звонок, и завзятые балетоманы, вежливо работая локтями, устремляются в зал, где уже гаснет свет и медленно поднимается тяжелый занавес... На сцене — картины жизни нездешней. Евреи, сбившись с пути в поисках земли обетованной, перебирают сухими пальцами священные книги. Если не мы, то наши дети, рассуждают они в танце. А если не наши дети, то уже их дети. А если не их дети, — то их дети, а если не их, то их, или уже их, или их, или же их, или их дети, или ихнии дети, или их, или их дети, или их. И так — до второго антракта.

КОГДА УМЕР ПОСЛЕДНИЙ БИТЛ

Вам это тоже любопытно. Вы с ней тоже танцевали под эту музыку, под эту мелодию, под нее еще потом халвой торговать стали. Ла-ла-ла... бери халва... Из головы выскочило, я французский учил. Вы потом еще женились на ней и какое-то время были счастливы. Так когда умер последний битл? Кто помнит?

И еще вопрос: Ричард или Джон? А может быть, все-таки тихоня Стюарт?

Любители энцефало-бита бились над этим вопросом, бились, будто в падучей, будто на все остальные вопросы давно были получены исчерпывающие ответы: это предметы туалета или сам туалет? Тогда почему неясно М или Ж? Детали ландшафта или сам ландшафт? Тогда почему на указателе «хребет», а на горизонте одна вершина? И еще: это ящерица на камне или у меня близорукость?

Так как все-таки звали всемирно известного битла, вы не помните? Того, что погиб в авиакатастрофе, а нечего пить за штурвалом. Нечего нажираться как свинья за штурвалом и лететь наобум, сквозь тернии к звездам. И нифига не видеть в полете. Спать и видеть сны. Обманывать ожидания миллионов фанатов во сне.

Битла звали Стив. И он ушел из жизни последним. Ушел так же тихо, как жил. Да что там так же — тише. Ушел из жизни тихомирно, тише, чем жил. Умер во сне, от разрыва сердца, за штурвалом, в состоянии интоксикации, за три минуты до взрыва, оставившего поклонников ливерпульской шестерки ни с чем.

Хотя поклонников, без дураков, у пятерки к моменту взрыва оставалось не так уж и много. Память к 80-ти дает сбои. Помнили звон, Ринго, но сказать конкретно, где он — не могли. Помнили,

что жизнь прошла, — не помнили, с кем и зачем. Шамкали эту песню про халву — не знали, какая она на вкус...

Айм нот халва мэн аюз туби... Ну, конечно же, Господи, Боже Ты мой, это она, эта песня, та, что была с нами вчера, сегодня и будет еще какое-то время потом. Песня, тающая, словно сладкая халва во рту. Песня, под которую прошли миллионы жизней, заключенных в концлагеря поп-культуры.

IMMIGRANT SONG

Каким образом я оказался собеседником этой пожилой пары, расположившейся на скамье у главного входа в здание мадридского железнодорожного вокзала? Гудела голова от целого кувшина сангрии, выпитой быстро и натошак. Через час мой поезд отправлялся в Сеговию; там, у подножья акведука, я должен был встретиться с Фрэн. Следующий поезд подходил только к шести. Не хватало еще опоздать! А старик все говорил и говорил. Быстро, однако, сходятся русские американцы за границей! Даже удивительно. Быть может, причиной тому опознавательные знаки, по которым они легко признают друг друга?

— Молодой человек, ке ора, который час, вы ведь говорите по-русски, я же вижу! Только не притворяйтесь испанцем! Здесь этот номер у вас не пройдет. Это в Америке нас все принимают за испанцев-мексиканцев... Как вам эта жара? Мы только с юга, там было прохладнее. Вы можете себе это представить? Я не могу. В кои-то веки увидеть мир! Так погодка должна была подкачать. Хотя побережье, между нами девочками, — мечта!.. Коста дель Соль, о соло-о ми-ио! Мечта! Что-о? Что значит, вы там не были? Тамила, ты слышишь? Он там не был! А где ж вы тогда были?

Русских американцев, или, если угодно, американских русских, это брызжущее неумной энергией племя *nuovus americanus turisticus*, узнаешь сразу, особенно в Европе, особенно во время летних отпусков. Не столь заметное среди местных жителей, как их старшие американские кузены и кузины, русские эмигранты тем не менее выделяются из толпы европейцев, и не в последнюю очередь скулами «ван-гог жил, ван-гог жив», тяжеловатым ретро-макияжем «ромашки спрятались», похабными голубыми джинсами и бе-

лыми кроссовками «да-да, петровитч, айн момент!» Вступают в разговор молниеносно, цепляются за собеседника как за соломинку, стараются обменяться полезной информацией и телефонами, жалуются на наглость этих новых русских, захвативших европейские курорты. Не шадят и своих, «америкосов». Нет, не укрыться от них, от русских эмигрантов, наконец-то на свои, на кровные, на программистские позволяющих себе первое или второе грантурне по двум европейским столицам — Парижу и Мадриду («какой еще Лиссабон? Что я, дура, смотреть на это убожество, вы еще спросите, почему мы Бангладеш не захватили! Павлик, вы смее-тесь!») Столкнулся я с этим забавным бородачом и его горбатой половиной, как я уже сказал, на площади у мадридского вокзала.

— Мы, Нудельманы, в Америке уже жили один раз, но дед, а за ним и баба, прониклись новомоднейшими идеями, что витали в воздухе на тот момент, да и общий спад в стране был такой, что и врагу не пожелаешь, такой тогда был общий спад. Такая тогда депрессия охватила все отрасли, что нищие бизнесмены — и те яблоками торговать с лотка не гнушались, все ж работа — вот какой тогда был самый настоящий кризис. А им ведь не понять этого, велферщикам-черножопым этим, ну они и повертались назад до родного Херсону, дед да баба то есть, где я успел народиться на страх надменному соседу снизу, чуть ли не от него же от самого. Он и настучал, чтоб следы отцовства замести как можно бесследней. Вот тут-то комиссары в пыльных шлемах и взяли предков в оборот, тут-то большевички и показали предкам, где именно пролетарские раки проводят зимние отпуска задом к солнцу. Дед да баба от горя за детей чуть не повесились друг на дружке, так жалко им сделалось своего необдуманного шага в сторону возвращения на землю, откуда вышли. А сами и виноваты. И хорошо еще, между нами девочками, что я к тому моменту успел народиться в тюрьме на свет. Я честно. Что было дальше в историческом разрезе помнят многие и по сей день, и вы не исключение, и повторять это особой нужды не вижу: водоворот, где мы оказались, и Гольфстрим социальной среды также не мог не наложить своего отпечатка, и война, и договор о перемирии потом тоже сказались почти на всем, что нас окружало аж до самого переезда опять же сюда. Где мы быстро встали на ноги, где много ума не надо, чтобы жить по-людски, где нас уважают за вовремя уплаченные дяде Семе налоги и хорошо развитые покупательские способности, а что?

Горбатая старуха с лицом известной пианистки внимательно изучала микроскопическую карту города. О голубе при желании можно было сказать: издерган. Лениво справлял большую нужду лысый калека, его почти не было видно. Накрыв голову выгоревшим пиджаком, ворочался на скамейке мой собеседник.

— И-эх, американская, едрить, мечта, Паша. Цыпленок в каждой кастрюле, авто в каждом гараже. Все верно, о чем, как говорят в стране победившего пофигизма, базар, так? Но смотри сюда. Ежли на плите у тебя *уже* кастрюля, а в доме *уже* гараж, значит до мечты тебе — рукой. Так? Так какая ж она тогда мечта, ежли вот она? С гаражом особенно неувязка. В кастрюле и борщец, и компот из слив и ягод при желании соорудить можно, так что цыпленок тут не в принудительном порядке. Но ежли в доме у тебя **УЖЕ** гараж, так зачем же он там тебе **УЖЕ** как не для машины? Или я не улавливаю?

Подставив солнцу морщинистый затылок, коротконогий старик в кепке крепко задумался, а его горбатая супруга заговорила. Сначала смущаясь, потом смелее.

— Философ-самоучка. Оставь человека в покое. Паша, послушайте. Мы — перегной. А из нас здесь, то есть в Америке, а не здесь, — я не знаю, как здесь, — произрастают дети. И мы уже можем ими почти гордиться. Наш сын получил образование здесь, то есть, в Америке, а не здесь. Он профессор, Стивен Нуделман, заведует лабораторией генной инженерии при Стенфордском Университете. Его группа длительное время разрабатывала проект по клонированию Элвиса Пресли, покойного рок-певца. Когда проект был почти завершен, комиссия проголосовала против клона образца середины 70-х и большинством голосов остановилась на более молодом, привлекательном варианте Элвиса до призыва в армию. Вы, думаю, читали об этом. И с этим у них пока проблемы. Послушайте, и вы поймете, к чему я. Элвис, как вы знаете, был уничтожен наркотиками и депрессией в 77-м, а не в 58-м году. Пришлось демонтировать всю верхнюю часть. На сегодня клонирование осуществлено на 65 процентов. Сдана в эксплуатацию нижняя часть звезды. Меня мой Стивушка позвал на демонстрацию. Этот (она указала на мужа), конечно, остался на диване смотреть свой хоккей. Я сидела в третьем ряду в огромной аудитории и видела все вот этими вот глазами. На сцену внесли небольшой белый мешок, в котором оказались ноги и, простите,

задница, секс-символа в кожаных брюках. Началась демонстрация. Это надо было видеть. Это не передать словами. Это было нечто.

Я вполуха слушал горбунью и одновременно рассматривал под ногами крупную расплюснутую гусеницу, облепленную группой небольших муравьев. Они осаждали ее со всех сторон. Казалось, между муравьями не было согласия. Некоторые из них лакомились ее светло-зеленой головой там же, на месте, другие (их было подавляющее большинство) пытались оттащить ее мохнатое тело в сторону муравейника. О таких вещах следует договариваться заранее, подумал я.

— Ноги и пелвис Элвиса могут делать все или почти все, чем был славен рок-певец и чем приводил в восторг миллионы поклонниц. Я его в молодости о-бо-жа-ла. И обожествляла. «Хот-Дог», «Дедди-Бейр»... Наука умеет много гитик, Паша. И те, кто получил образование здесь, то есть в Америке, а не здесь, и в том числе из семей эмигрантов, — делают американскую науку. Американская мечта — не пустые слова. Она постоянно меняется. Цыпленок — это из 30-х, из Рузвельта, гараж — из эпохи оголтелого фордизма. Сегодня последний рубеж — генная инженерия. Когда клонирование Элвиса будет успешно завершено, а я в этом ни на секунду не сомневаюсь, моему сыну будут открыты все двери. Своя частная компания — пожалуйста. Работа ученым в большой корпорации — без проблем. Тинк-тэнк — пожалуйста.

На посеревшем небосклоне стали собираться тучи. На меня упало несколько капель дождя. Я взглянул на часы. Пришло время прощаться.

— Вы симпатичные люди, Лев и Тамила, — сказал я. — Я бы хотел продолжить наш разговор по возвращении в Америку. Обязательно позвоните мне. А еще лучше: я позвоню вам сам. Вы знаете, я бы не прочь познакомиться с вашим сыном, может быть, взять у него интервью. Я ведь журналист, работаю на НТВ. И сам когда-то увлекался Элвисом. Только не Дедди-Бейр, а Тедди-Бер, игрушечный медвежонок, плюшевый мишка, названный, кстати, в честь президента Теодора Рузвельта, дяди того самого. I want to be your Teddy Bear. I don't want to be your tiger. Tiger's way too rough...⁶

* Хочу быть твоим медвеженком Тедди. Не хочу быть тигром. Тигр слишком груб... (слова К. Манна).

Ах, Элвис... Ладно. А на прощание — песня, если не возражаете. Она о многом, и в том числе о нас с вами.

И я затянул рэп-песенку, которую сочинил в Барселоне, после того, как мы с Фрэнсис поцапались из-за Миро.

А в животе в детстве часто урчало от голода,
 Это да. Хотя от голода — это лишнее, просто урчало.
 Ведь не от голода в животе не урчит.
 Там только от голода, собственно, и урчит.
 Кошки скребут, но скребут они от предчувствий,
 И на душе.
 Но это они фигурально скребут
 И потому беззвучно.
 Все фигуральное — беззвучно.
 Все. Вот так. Йе-Йе.
 But seriously*
 Who gives a rat's ass
 About where you coming from
 Or where you goin to.
 You goin to die
 This much I can tell you
 And that's where you goin to —
 You don't have to take my word for it —
 Coz you know you're goin to.
 You scum of the earth
 You goo of the sea —
 Lookit what happened
 To Nicole Simpson — see?

* По правде сказать
 Кого должно сношать
 Откуда ты припер
 Куда канашь.
 Куда куда в могилку прямиком
 Бля буду
 Прям в могилку вот куда
 Бля буду бля
 Сам знаешь тебе дорога в жмуры
 Как всем таким морская слизь
 Что вышло с Николь Симпсон ты прикинь
 Она-то ведь была прикинь

And she was one big blonde mama
 And then some
 And you — you iz obscure
 And ugly
 And overweight
 And you master bait —
 So no one's gonna shed no tears for you
 Or commiserate
 Believe you me you pig
 You make me sick —
 Your stinkin body
 Gonna lie rottin in the coffin
 If you lucky
 Or in the rain
 If you ain't
 And no body gonna give no flyin JFK
 About your whereabouts
 So let's just drop it
 Stop it
 You stoop it...

Сисястая прикинь
 Блондинистая телка
 Ваше улёт
 А ты кто такой?
 И мордорот
 И мешок с дерьмом
 И дрочила
 Сука буду
 Кто станет по тебе страдать?
 На тебя всем насрать
 Бля буду хряк
 От тебя мудло с души воротит
 Твоей вонючей туше
 Гнить в гробу
 Коль подфартит еще
 Сойдет и под забором йе йе
 Коль не покатит
 Ваше кого е...т
 Где ты сгниешь
 Достал отвянь
 Катись ты в жопу
 Тормоз...

Lo and behold
 You madagrabbin little asshole
 U jealous of big girls' fat butts
 And u got no guts
 And no bread-grabbing tick-neek
 To git you from A to B
 And that's where you want to be —
 You wretched refuse
 Of the land of de dead
 Newly arrived
 To da land of da free (ze)
 It's da police.
 Put you hands
 Up in the air
 I said:
 Put you hands
 Up in the air
 Stop playin with you self —
 We'll show you de pitcher perfect
 Americain way
 You scum washed ashore

Чу!
 Ты поскребыш мамолап
 От филеев рыхлых баб
 Роняешь слюни ты
 И без яиц
 И без понятия как срубить бабла
 Чтоб допереть
 Из пункта А в пункт Б
 Как до усрачки хочется тебе
 Царства жмуриков ты
 Отброс позорный
 Салага ты
 В стране самостоятельных
 Полиция
 Стоять тебе
 Сказал
 Руки вверх
 Я чо тебе сказал:
 Стоять
 Руки вверх
 Завязывай прочить
 Мы ша тебе распишем в красках чмо
 Америкосский образ жизни
 Прибитый к берегу

Beg for mo'
 Change of clothes
 In the soot case full o'
 Rags to riches
 Some rich ass iz
 Gonna tell you stoop it crap
 About upward mobility
 Though the way he personally got there
 Was through his great-granddaddy's
 Railroad dough,
 So don't say No,
 Coz it IZ so —
 Upward mobility —
 Up yours, what indignity!
 Gimme liberty
 Or give me death —
 I must confess
 You is a little too short on finesse
 AND civility
 Progress my ass
 Face it, lass:

Кусок дерьма
 Мечтаешь хрен
 Чтоб завелась фирма
 Взамен блин тряпью
 В твоём говенном чемодране
 Какой-нибудь зажравшийся мудака
 Тебе фуфло задвинет
 Так мол сяк —
 Карьера путь наверх
 А сам бы хрен-два туда забрался
 Когда б его прадед жлоб
 Не заработал бабок впрок
 Да ты не гоношися
 Наверх
 Куда ж еще переть
 А в жопу не хочешь?
 Ох ох позор!
 Свободу мне
 Свобода или смерть
 Бля политес
 Ты усвоил чувак херово
 Как есть мужлан

You aint no robber baron
 If it happened to Enron
 It can happen to anyone.
 SO don't give me none of your stupid populist shit
 about democracy
 If you can't package it — it ain't worth shit.
 What meritocracy?
 Backwards
 runnin down
 you mama fire-ass-cape
 Get a head without tryin'
 Wish fulfilment
 Ain't no denyin
 Bullshit.
 So pray don't shoot 'im
 He's just a little baby boy
 Wrapped in his mama's
 Silky parachute in...

Какой еще в задницу прогресс
 Так точно ласточка?
 Чо возомнил
 Ты разбойник-барон?
 Уж если попал «Энрон»
 Ясный перец попадет вроде тебя гандон
 Я лох тебе?
 Про демократию
 Мне лапшу нехрен вешать
 Что не товар
 Тому дерьмо цена
 Честь по заслугам ну ты даешь
 Хана
 Вниз кубарем
 Мамашиной лестницей
 Поссательной
 Ты выломись на корпус
 Легко
 Сбылись фантазмы
 Чо нет?
 Дерьмо собачье
 Але погоди в него шмалять прощу
 Он всего пацан
 В кульке
 Из мамкиного парашюта...

Slo-mo
 Hand in hand
 Like a man possessed
 With a bride impressed
 In your brain
 Down the drain
 Or the aile
 Tryin to go for that
 Xtra mile
 Build yourself
 A merry little xmas
 While you can
 Reinvent yourself
 Like hell you will
 Coz the futures
 Don't look half-bad
 If the gov't bonds
 Will let you alone,
 The mere eff idea sets me on fire
 Tho it's the past that I know
 You know

Рапид
 Рука в руке
 С избранницей своей
 Как еб...е оба
 Твой выбор весь
 Или в сраке
 Или в браке
 Чо тебе мало?
 Так не бзди ты
 Устрой себе
 Типа веселенькое рождество йе йе
 Пока не хекнулса еще
 Смени-ка шкуру
 Выйдет хрен-два!
 Твоя надежда на вонючий
 Фьючерс
 Коль государство не зажмет
 От такого вот
 Всего дерьма
 Твоя соображалка задымилась
 Тебе б только прошлое дрочить
 Сам знаешь
 Что я знаю что ты знаешь

How to handle best
 Coz it's useless
 And lifeless
 And a biohazard
 Like a douche bag
 In the rain
 It's the game you came to play
 Though you thought different (did you not, sucker?)
 Well welcome to reality
 Ms. Congenitality!

Ah, like hell you will
 Like hell you did!
 Creep! don't give me this shit.
 I got something to tell you
 And you beta believe it
 It's authentic
 Like a patient
 Etherized upon that T. S Eliot table
 You know the kind,
 The English 101 kind, ain't it rite?
 Can't run away from your old self

Оно бля уже мертвец
 Ему пи...ец
 От него здоровью один вред
 Как в дождь
 Спрыцнеться телкам
 По этим что ль правилам намылился играть?
 Хорош себе парень мозги засирать
 Ну пожалте в реальность
 Мисс Конгенитальность.

Прокатит — хрен
 Ты что ль для этой херни сюда приперся?
 Мне пидор не сношай мозги
 Вынь бету из ушей
 Мне п...дить запаadlo чувак
 Ты распялился как пациент в отключке
 На столе у Т.С. Элиота
 Смекни на каком
 Который из инглиша для первачков-студентов
 Замучаешься когти рвать
 От собственной природы

A castle in the sky
 Don't ask you mama why
 (A pumpkin pie
 Tastes better
 If you keep the seeds o' desire
 To speak of things to think of
 Bad taste to write home about face it:
 I don't).
 Do you personally think
 I give a rat's ass about your identity?
 Uh-huh. Not me.
 So why dis enmity?

So why the fuck do you act surprised then?
 Why the long face?
 Sad huh? Embittered huh?
 Fuck you.
 Don't invite me over to your stupid place
 With green walls and wood burning fireplace
 Throw pillows all over the floor,
 Curtains billowing in the morning breeze

Воздушный замок
 Не стремай мамку почемучка
 (Лакомей пирог
 Коль выковырять из тыквы семечки
 Моды балабонить гнушаться
 И домой строчить на тему кругом на месте:
 Сознайся но не я).
 Меня колышет кто ты есть?
 Да ни хера
 Тогда чо ты вызверился пидор?

Чо харю скроил мудло?
 Чо зенки вылупил?
 Поди тебе херово? Херово поди?
 Катись ты
 Хорош тащить меня на свой мудацкий флет
 Где бля тебе камин в натуре
 Зеленые стены все в ажуре
 Нежный ветерок ласкает занавески
 Не затевай
 Со мной бухалово кираялово ужор тебе сказал
 И не стремай сказал
 И не кидай

And get me all fucked up stinky bamboozled Pleeze!
 And abuse me
 And take advantage of me
 And make fun of my accent & my stutter
 And give me all that crap about glorious hereafter.
 Your beaming phallus and your cavernous cunt
 Wrapped into one
 And laugh at my shyness,
 Your Royal F. Highness,
 And my bellyaching ineptitude
 And scream at me
 The fuck you will the fuck you will the fuck you will
 You know what that boils down to, right?
 I don't like this shit, alright?
 etc. etc.

И над моим хреновым англишем
 Нефиг уссываться
 И тюльку гнать про лучший мир
 Твой хер торчком вагина ямкой
 Впендюрены один в другую
 И нефиг ржать что я задроченный
 Твое Гребанное Высочество
 Что руки у меня растут из жопы
 И не наезжай сказал
 Да хер те в зубы хер хер те в зубы
 Ну чувак ты понял меня
 Не по сердцу мне такая фигня
 и т. д. и т. п.

(Перевод Александра Давыдова)

ТОЛСТАЯ КРАСИВАЯ ТАНЬКА

В самый разгар застоя — чтоб не пропасть поодиночке — к нам привозили знаменитостей: певиц, поэтесс и кинорежиссеров. Мы встречали их аплодисментами, скандировали: «“На-деж-да! Вале-ра!”, “Нежность” давай!”» Но не все. Наш сосед дядя Захар, к примеру, считал гастролеров брежневскими наймитами и отпирался на концерты с пакетом тухлых яиц подмышкой, покупал, не считаясь с расходами (его спонсировали силы реакции), билеты в первом ряду — и выжидал. Мертвая бабушка парикмахера Савелия также нередко привлекалась для глумления над деятелями искусства, одним своим неаппетитным видом срывая культурные мероприятия. Кутерьма затевалась страшная. «Благодарю тебя за песенность города» — и хлоп помидориной в взопревший лоб народного артиста с двойным подбородком. Я отговаривал, клянусь здоровьем хроменькой Тани, и дядю Захара, и мертвую бабушку, точнее, тех, кто за ними стоял, а еще точнее, сидел. Но, увы. Колючие они были, неуступчивые, что хотели, то и делали, не считаясь с социумом и нормами в нем поведения, шли напролом к своей цели посеять рознь между диаспорой и метрополией. Недоумки. Я не злюсь, я и, правда, недоумками их считал и продолжаю считать.

Почему мы прозвали бабушку Савелия «мертвой»? Я знал, что без пояснений не получится. Сейчас. Она как прослышала о том, что внук на китаезе решил жениться, взяла и заперлась, гипертоничка гребаная, в туалете, где хлопнула три четверти бутылки дезинфицирующего средства «Скоп» на голодный желудок. И билась на кафельном полу в судорогах, тревожа тараканов и исходя салатного цвета пеной. Старую каргу еле откачали. Зато запах от нее все

лето очень свежий исходил. Очень, очень свежий запах. Я принялся хихикал: свежий. Вот так и стала она считаться «мертвой бабушкой». Почему? А потому что Савелий, который, к слову, решил той осенью уйти от Жан-Луи Давида и принимать клиентов на дому (по деньгам тоже самое выходило, а зимой по сугробам скакать, извините, фраеров нет), увлекся о ту пору месмеризмом, и бабушку оживил за милую душу, после того, как старушечка все ж таки преставилась из-за эмоциональных осложнений после инцидента со «Скопом». Группа поддержки, отложной воротник, второе кладбище, голубая вспышка. Я сжато, но иначе нельзя: формат. Короче, стала считаться у нас старая «мертвой бабушкой». Сидела в партере перед миниатюрной Балабановой, недостойно расставив ноги, нагло скаля протезы и периодически выкрикивая (это Савелий в нужном месте включал магнитофон): «Фурцевская подстилка!» Это Белла-то! Да она баб, кроме второй жены Петуха, на дух не переносила. Ну да ладно, что обижаться на выжившую из ума мертвую старуху. Я о бабушке.

Но однажды на радость эмигрантам — любителям изящной словесности доставили в Нью-Йорк раненого и хмельного Пал Андреича Ворсукова, лауреата Сталинской премии, автора нескольких эпопей, крепкого прозаика. Второй фронт, линия Маннергейма, обосраться! Мамочки, как Захар с Савелием парились всю неделю! Место концерта не объявили ведь. Из стратегических соображений. А они дали слово не пропускать ни одного мероприятия, срывать все подряд. Захар тогда в бане вкалывал в отделе пива — денег куры не клевали, но он и банки сдавать не брезговал — все ж живая копейка.

Однажды окрысился за то, что я не смог объяснить, что такое простата. А я ж не врач. Не дал полотенце. Долго смеялся, увидев член. А что смешного? Член как член, а что на точку похож с запятой — ну так что? Я ж не смеюсь, что у Захара спина волосатая и яйца канделябрами. Закрыв баню, попер на концерт, пронюхал, сукин кот, что в Хантер-колледже будет. Купил яйца, все чин чинном. Но не протухшие — свежие. Прокол налицо. Уселся в первом ряду. Почесал канделябры. Свет погас. Кто-то сходу задремал, зашвистела гоп-компания, начали бодро, с балалаек, у бабушки отвисла челюсть: Ворсуков еще вполне смотрелся.

Меня там, правда, не было: я хроменькую Таньку в тот момент на полу трахал. Она грудастая деваха была, ротик маленький,

не давала языком туда влезать, хоть тресни. И внизу целовать не давала. Глупая, другие девчата того и ждут, чтоб там полизали им, а Танька нет. Сиськи большие, красивые. Я обнимал ее, ноги на плечи клал. Такая красивая и настоящая, не то что эти куклы! И иступленная. Я рад, что на концерт не пошел. Дядю Захара, кстати, скрутили и вывели из зала. Бабушке аутопсию сделали постфактум, и каким! А я хроменькую Таньку на полу трахал. Толстую, красивую. Она кричала, плакала, кусалась, иступленная. Пукала периодически от полноты ощущений. Толстая красивая Танька. Гладкая, с татуировкой (их тогда, кроме сук и дочек дипломатов, почти ни у кого не было, а Танька подчеркивала, и неоднократно, что она прежде всего дочь дипломата). Мы два или три раза пищу заказывали, они всё адресом промахивались, найти не могли, мы у хроменькой Таньки напротив Карнеги-Холла трахались. Так приятно вспоминать об этом, вы даже не представляете себе.

Эхмотермагген Танна! Танна крома! Благодарю тебя за песенность города! И откровенного и тайного! Танна, Танна крома, эх, мотермагген!

КАРЛИК ФА

Женоподобный карлик Фа приболел: ухо-горло-рот. Да, есть такая лакуна, их (горло, рот) чуть позже разделять стали, чтобы диагностики не дергались: что вы нас почему зря путаете и только хлеб отбиваете!

Фа напевал: фа-фа, фа-ла. Сипло, но выходило торжественно. У него усы были желтые, однакож ухоженные. К нему приходила дама одна в пятнистом платье пантеры подстригать их специально по средам. Он платил ей сколько мог. У дамы чешская фамилия была, непростая: Ещесужчка. Она немного рисовала тушью. На конкурсе чешской графики второй приз взяла: набор пилочек для ногтей. Возгордилась, но продолжала раскланиваться.

Фа выздоравливал, выходил понемногу из дому; шел дождь. Напротив мальчишки играли в «маялки». Один, в заляпанной майке с надписью: «Осторожно, акулы», особо искусно щиколотками работал: только мелькала маялка между ними и коленями голыми. Дед его был сквалыгой редкостным. Экономил на чем мог. У, твари, думал Фа, вспоминая начальство. Они работали вместе в Зан-Фанобаде, в 80-е, с дедом мальчика. Оба попали под сокращение. Низкорослых и женоподобных в первую голову сокращали. А дед мальчика негром был ко всему. С тех пор все пошло-поехало. Взяли и его за жабры. Дед мальчика приходил в гости к Фа, говорили о стариковском: там болит, тут болит, а вот тут ноет, но не так, как здесь, а иначе и в непогоду.

Мальчик помахал Фа, узнал старика на углу у киоска. Обрушился медоносный вечер.

Фа бродил, вспоминал, как раньше во дворце жилось ему: небогатая утварь, не новая, но со вкусом и в алфавитном порядке по-

добранный: агатовые алебарды, бекеша, ворс гяура, в самом конце коридора — увесистый ятаган.

Уличные мальчишки бредили флотом: ну, в лодке когда плывешь, берега-то неразличимы в тумане. Мальчик стучал маялку ногой своей нагой, думал о февральской девочке одной, он с ней у Фа познакомился на рауте: увлекся ею, забыть не мог, хотел с нею ходить по перрону и в оранжереях, но ее и след простыл. Фа тоже не знал, как разыскать ее.

И вот, ровно через пятнадцать с чем-то лет мальчик встречает ее: она очаровательна по-прежнему, но стала пить, много пить белого вина. А мальчик подходит к ней сзади, назовем ее Дорой, и говорит: Я вас знаю. А Дора пьяненькая, она всегда была такой ввечеру. Мальчик при деньгах, брокер. И Дора ему: Я исполню три твоих самых заветных желания, если скажешь мне: кто убил Мирбаха (это был прадед Фа), кто покушался на него. Мальчик, то есть уже не мальчик, а черноусый метис красавец-брокер отвечает, чуть помедлив: такой-то. И не ошибся. Отгадал загадку. И Дора, пьяная, великолепная Дора исполнила три его желания.

Первые два были непристойны и имели непосредственное к Доре отношение, а последнее желание красавца-метиса брокера было: увидеть свет, ему редко из-за загруженности удавалось путешествовать. И Дора, пьяная красавица Дора сделала так, что он увидел свет. Без кавычек и границ. Попутешествовал вволю.

Они, метис и Дора, очень счастливы вдвоем. И благодарны Фа, ведь если бы не чудесный карлик Фа, они никогда бы не встретились. И пьет она меньше значительно. Так (или почти так) закономерность манифестируется в беспорядке. Так предметы уходят, оставляя нас на время одних. Так женоподобный карлик Фа, сам того не подозревая, стал моим крестным отцом. Мальчик метис-брокер, как вы уже догадались — не кто иной как я сам. А Дора, великолепная и уже почти непьющая Дора — это моя первая любовь Милочка А., которой я и хочу посвятить этот рассказ.

ПОСЛЕ ТУСОВКИ

В 7:30 раздался звонок, долгий и жалостливый, как песнь Сольвейг. Или в 7:40, но уже как коллектив красноголовых дервишей «Радиоход»: курпускулярно просыпался. Мне 5 часов после тусни как минимум необходимы: сплю как сурок на волнорезе.

И снилось мне, что кто-то контролирует меня: зарплату, мысли, эпидерму. Кто? Сэнди Хелприн отпадала. Не в моем вкусе. Все у нее, у полногрудой, как на витрине в магазине вывесок: Перечет. Ребенок на борту. У нас не курят. Месячные. Ронелл из «Арлин Гросери»? Не думаю, не до того: ее прабабка дала недавно дуба в Балтиморе — свалилась с ясеня во время засухи. А кто тогда? Тусовщик мамасан Эдюня в портках со штрипками от Dolce & Gabbana? Хо-хо, о но, прошли, тусихи и тусмейстеры, ядреные денечки те, когда бывало выпорхнешь из офиса на трескунок, закуришь, еклмн, прокашляешься, коллеги по безрыбью скалятся: катарр, катарр, и к бабке не ходи — катарр — и только Трипл Зеро мамасан Эдюня тут как тут со своим вечным, а на поверку вышло не совсем: хелло-хелло, линияю навсегда. Ну и слинял. Доделывать, педрилкин, революцию в одном отдельно взятом техно-доме скорби «Блэнд», что в Гнездииковском переулке. Что ж, скатертью дорожка, мамасан.

Значит, мерзавка Молли N? А больше некому. Да, жилистая стервь: это не дэйт, это не дэйт, мы френды, а после хап за мацаболз — и в койку. Тремя факсами ниже прорвало: прилетаю, встречай, если хо. Если хо! В манду, оно конешно, проще было, чем представлять родителям на день Колумба...

Вышла навороченная, что твоя Теда Бара с крема для загара. Полина Виардо отдыхает. Прижалась пьяная, гнусавя в темноте

таксомотора: Ну, нах ты меня бросил? Проехали, не надо. Нет, ну в натуре, нах? Проехали, сказал, не бередит. Через Мидтаун, шеф. На Квинсборо обратно констипато. Буш снова каблукчиками в ООН стучит. Патруль у каждого погоста.

И когда мы, усталые и липкие, сворачивали с 32-й на Штрудель-авеню, где в свое время Поль де Ман и Пи-Ви Герман были задержаны за инцидент с жуиром авек морал терпитьюд, я осторожно, чтоб не потекло, залез щипцами для бровей в ее зрачки и обнаружил... чувство. Со-чувство. Значит, у контролеров-роботов там тоже что-то теплится, я прав?

Шеф, по запаху специй и побрякушкам на мудях, был густых пакистанских кровей, и борода его была длинная и черная, как смоль.

— 45 баксов, — каркнул он и без предупреждения обернулся нескладным хасидом, обижаящим жену невниманием и черствостью во время молитвы.

А в спальне у него, у книжника и фарисея, в спальне у него, истинно говорю вам, малюверы, под кроватью собрался кворум тертых-перетертых чемоданов с двойным дном до отказа набитых трухлявыми дагерротипами пикантного, — и это я могу утверждать со всей ответственностью — свойства. Сексуальные меньшинства составляли большинство.

Мерзавка Молли N выдохлась на повороте. Шеф опять стал верить в будду на дороге, но решил не связываться и объехать. Его попытались задержать нью-йоркские финалисты. Чувандеи! Ронелл кто-то сглазил. Это не шутка. Она тоже ебнулась с ясеня. Трипл Эд сыграл свадьбу свадеб в Дайтона-Бич, чтоб отстирать фату (бабки, а не фату, это тоже разжевать?), но ему не хватило самой малости на десерт и орхидеи. Присутствовали: Фундадор (это мое погоняло), Сэнди Хелприн и еще один дизайнер по костюмам, приличный, между прочим, человек, он сейчас снимает полнометражное видео о студенческих беспорядках в одном общезжитии.

— 45 баксов? А ххх тебе не тандури? — подумал я не без злорадства. Но заплатил. Мерзавка N сегодня будет со мной. Она мне привезла полотенце из Ферганской долины. А что мне со старым делать, манда молибденовая?! Выкинуть?

— Надо быть терпимей к людям, — сказала она, но не назидательно, а знаете как? Задумчиво. Улет! Помолчала бы, хлеборезка.

За что она меня контролирует? За вдову Клико на электро-трэш пати в Вильямсбурге у Лены «Мидрифф» Барсуковой? Но кто мне ее подослал? Тусовщик мамасан Эдюня? Но он мне друг. Ладно, иди сюда, мерзавка, подставляй мордаху, сосочки из вольфрама, разберемся. Да нет, глупыш, какая же это батарейка?

АБЦ-2

Они познакомились в интернетной болталке. Сугробы на улицах затрудняли движение. Вдова полицейского, возвращаясь за полночь от агента по недвижимости, упала навзничь и вывихнула ключицу, ее везли в Бельвю-госпиталь, она постанывала на ухабах. Мело, мело, как уже писал Пастернак. Луна была полной и бледной, как зад невозвращенца на пособии.

Кристина была замужем за микробиологом, и это настораживало, а впрочем, ни его, ни ее сей факт не остановил от грехопадения. Микробиолог, как тот кот ученый, и днем и ночью пропадал в лаборатории, и, похоже, что пара-тройка реальных, не то что виртуальных, интрижек молодой супруги не заставили б его остановиться, оглянуться. Идет налево — сказки говорит. Она — микробиологу. И вот, когда питерский кузен, сидевший у Абрикоса на голове второй месяц кряду, вернулся, слава тебе, в город, знакомый до слез, Кристина стала всерьез подумывать о Нью-Йорке.

Сначала она присылала ему фотки пятилетней давности, но Абрикос настаивал на обнаженке. Обнаженки под рукой не оказалось, а просить супруга отшелкать ее в будуаре Кристина не решалась. И тогда Абрикос попросил прислать: трусы, колготки, лифчик. Так пролетел февраль.

Абрикос надевал ее белье и воображал, что он на самом деле не он, а она. И так ходил, вертя задом, по гостиной. Соседи напротив разводили руками. Мужик в лифчике. Тьфу? И ничего не тьфу, а скучал он по ней очень, вот и фантазировал после службы.

О службе. Мы с Абрикосовым отстреливаем роботов из будущего. Работка та еще. Сам Абрикос из Белой Церкви (АБЦ-2), я — ялтинский (ПЛЯ-4), люблю туристов, море предзакатное, толпу

на набережной, хиппарей в Геленджике, женщину тонкобровую одну (сейчас у всех двойни из-за препаратов, она и комплексует, нетерпячая), но у меня так: сперва-наперво дело, которому служишь, ну а девушки, а девушки — потом. Так вот, наше с Абрикосом дело — а познакомились мы на курсах, в батумском Спецробонаде-3 — охота и отстрел (читай: нейтрализация путем отключения аккумуляторов или песок им, стервецам, в задний проход, где топливо у них, чтоб не выпендривались и детей наших не чипали) сексуально амбивалентных роботов из будущего. Или как их еще называют в научной фантастике — ананов (андроидов андеграундных). Что и привело нас на Брайтон.

Абрикос, тот сразу официантом на бордвок — для конспирации, натырку дали дома, спонсирует народ похлеще Гуся-1.0, но россияне. Проект по декупажу «Лаэрт-б», чей он отец, вдовец, племянник и брат — напоминать не буду. Тронул — ходи, у нас так.

Теперь следующее: я снимаю свадьбы. Через мою линзу (или, как каламбурит биг-босс Бенни, «бедную линзу» — я ее два раза об пол грохал, а Вена здесь с конца 80-х, старожил, язву нажил, преподавал русский в Чебоксарах, а пишевод у него уже тут вырезали, и неудачно, но это всё в фигурных скобках) — так вот через мою «бедную линзу» много местного люда проходит, под хупой и так, в смокингах-таксидах и в красивых нарядах от Нины Риччи. Почему Брайтон? Продукты лучше, роботы-челноки тут и окопались. «Марс» рядом, будущее тоже не за фурункулами, первопоселенцы там, комар носу не подточит, ну они туда-сюда, сворачивают пространство, снабжают пионеров по полной. У корейцев берут на углу, у наших, помидоры, киви, синенькие, фантастику П. Левина. Это целый культ там. Непременно чтоб про шаманов-космонавтов, ну и по складам чтоб разбирать возможность была, когда в ракете тряско.

Одна проблема: на роботов пока не вышли. Говорили уже с учетчиком Феликсом Яковлевичем из «Мальвины», у него сын почти отвечал описаниям: глаза красные и на выкате всегда, а не только от моего «Кодака», что тоже не облегчает. Как в том слогане «Ред-Ай на меня не пеняй», да? Он-то ночами сторожем в Бруклин-колледже, поэтому. С бритоголовой очаровашкой-куратором Люсей из «Горгоны» пытались, она, правда, нездоровой психически оказалась, сохнет по мужу-киноведе, отбывающему срок в Боулдере, штат Колорадо, за многоженство. Мы с Абрико-

сом проверяли: очень мышцы у нее крепкие, а так — все в ажуре там. Короче, ноль целок и ноль десятков, как каламбурит биг-босс Веня.

Но как сказал поэт (и тоже Пастернак): солдат спит, предается времени заложник сновидениям, а служба идет себе строевым шагом неукоснительно. А нам, между нами, всего один андроид необходим для плена, чтоб потянулась от него цепочка.

И вдруг три дня назад:

- Петр, этот?
- А почему не тот?
- Потому что серебристого цвета. И не мокнет. И андрогенный. В бюстгальтере.
- У кого что болит...
- Тише. Снял. Для загара.
- Да не робот он. Ишь, ногами дергает! Трансвестит обычный. Нам андроидов надо — не андрогенов.
- Все равно шелкни, а?
- Ну, на всяк пожарски разве, как каламбурит биг-босс Веня.
- Поц твой биг-босс. На хер ты его цитируешь, блин, всю дорогу?
- Слышь, Абрикос. Кочумай ныть. Взясся за гуж...
- Какой в жопу гуж, Петя! За гуж брался ты. Я за компанию тут.
- Не гони, хлопец, лана? Задание обоим давали? Подписку с обоих брали? Зарплата обоим идет, премиальные...
- Какие в жопу премиальные?
- Не скули, Абрикос. Будут. Что тебя напрягает, кум? Помидоны, девочки. Кристина твоя вон пожалует. Не парься.
- Заткнись, а?
- Ты чего?
- Ничего. Заткнись и всё.
- Не дури, Абрикос.
- Не пожалует Кристина. Пожаловала уже.
- Как так? В сентябре, говорил, подвалит.
- Не подвалит.

И Абрикос рассказал мне вот что. Причем я сначала решил, что крыша у хлопца поехала. Оказалось, что нет. Оказалось, что эта его интернетная подружка Кристина, на встречу с которой он возлагал известные надежды, оказалась никакой не Кристиной, а... иначе не скажешь: пришелицей-инопланетянкой, и тоже охо-

тящейся на роботов. Представительница другой, дружественной, точнее, невраждебной цивилизации, КП-6, «Кристина» отвечала за молекулярный декупаж и позитивную, конструктивную эррозию американской мечты, и решили они начать именно с амбивалентных роботов из будущего, которые эту самую мечту призваны (и присланы) укреплять, точнее, следить, чтоб она не очень расшатывалась, так, кажется. Как об этом узнал Абрикос? А эта лже-Кристина приезжала к нему в начале лета (вот куда он исчез на длинный викенд!) и все объяснила. В деталях. Абрикос с «ней» вступил в своего рода эмоциональный контакт. Строгого деления по половым признакам на КП-6 не существует (полов там шесть или семь — выбирай на вкус), белье для Абрикоса «она» в «Виктории Сикрет» покупала, потом окунала для запаха в унитазаы общественных туалетов, высушивала и опрыскивала «Пасьюном» — и все чтоб мужику понравиться, кокет(6-КА) — о чем Абрикос узнал тоже не сразу, а узнав, устроил ей сцену. В ресторане! С угрозами и слезами. Бодался теленок с дубом! Она вполне, кстати, обворожительной оказалась, хотя на его вкус несколько полноватой и с детьми, которые вылазили из ее ануса там же, в «Рауле», что в Сохо, и ползали по ней, прозрачные, неслышно пища и требуя картофель-ф(РИ-4), и она вместе с ними, измазанными кетчупом, увещевала бедного, бледного Абрикоса, хором как могла. И получалось вполне благозвучно. Он даже успокоился на время, когда она стала ласкать его под столом передними ногами. Потом отправились в гостиницу, она в «Плазе» остановилась. И тут Абрикос задумался.

- Ну и?! — взвыл я. — Дальше?!
- Проиграно наше дело, вот что, — насупился Абрикос.
- Как так?
- А вот так. Тут сверхцивилизация работает, Петя. А не лохи, как мы и наш штаб. Они нас как детей сделают. И выплюнут.
- В смысле?
- В смысле роботы — это один из вариантов будущего, нашего, земного. И им оно — точнее, вариант этот — не с руки. Нам, правда, тоже. Но им и наш вариант не с руки. Он давно просчитан у них. И есть выходные данные.
- И что?
- А то, что роботов они не будут демонтировать, как мы собирались. Они их будут вводить в заблуждение. И нас заодно. То есть

мы — рыба, роботы — наживка. Я так ситуацию понял. Из разговора с ... этой.

— То есть, по-твоему, мы как бы кувалдой, а они скальпелем? Эффект бабочки?

— Если бы скальпелем! Лазером, блин. У них все просчитано. Понимаешь? Миссия наша гребаная, ты, я, Буш, Путин, Усама, Китай. На интернете, думаешь, я на нее случайно вышел? Хуй. Это она меня на себя вывела! И не случайно. Сматывать удочки надо, Петя. И по домам. Не в свои сани не садись, мне бабка в БЦ говорила.

— Пстой, Абрикос. Не суетись под клиентом, паря. Быстро ты, хлопеч, хвост поджал.

— Ничего не быстро, Петро. Ты бы видел эту... «Крестину». Голый, без скафандра.

— А что? Сиськи, небось, все дела, а?

— Ага. Сиськи. Трубы — не сиськи. Роторы. Рот до ушей, а ушей и нема. Им их и не надо. Кровь с молоком. Обезжиренным, блин. Сердце красавицы склонно к утробе. И на полу. Дети в клетках кукарекают, прозрачные, блин. Грязные, в говне, но птичьим. Плодятся подзатыльниками. Валить надо отсюда, Петя. И чем скорее, тем лучше. Ноги делать. Я точно валю. Завтра же. Прощай, Брайтон. Прощай, Америка. Разбирайтесь с вашим будущим сами. Ты как? Со мной?

Через три дня мы летели домой. В самолете Абрикос показывал мне «обнаженку» этой самой «Крестины». Он попросил ее в «Плазе» попозировать в кровати. Для вещественных доказательств. Для меня и для начальства, чтоб дезертирами не считало. И чтоб знали, с кем дело имеют. И чтоб думали, прежде чем лезть напролом. Лучше один раз увидеть, так?

На фотографии была запечатлена женщина тридцати двух лет, блондинка, карие глаза, едва заметная татуировка на шее — меч, рубашка и надувной матрас сигмой: неясная символика, левая ноздря проколота изящным передатчиком с цепочкой, ушей действительно, нет, но это совсем не портило «Крестину». СЕРДЦЕ ЕЕ лежало на полу, склонившись, точнее, привалившись к утробе, откуда, казалось, шли ленты стихов, бессмертные строчки и просто очень удачные метафоры (вся наша жизнь — метафора без камфоры, каламбурит биг-босс Веня), и казалось, они о чем-то беседовали, сердце и утроба: чувственное и материальное. На внутрен-

нем столе, если это можно назвать мебелью, горела свеча, даже две, передние ноги «Крестина» легкомысленно забросила за голову, задними, между которыми у них быстро растут и получают начальное образование дети в клетках, она расширяла и клонировала улыбку, но не веселую, а отрезвляющую, что ли, мол, не ебьтесь с нами, хуесосы, хуже будет, хотя куда еще хуже-то? Но общее впечатление от снимка было все же умиротворяющим. Мол, все будет в ажуре, как у бритоголовой Люси из «Горгона-спэйс» (чего-то опять вспомнилась), не надо нам мешать, а помочь — мы вам поможем, наломали, блядь, дров, козлы, дайте нам теперь наше — и ваше — дело (ДО-1)делать.

И тут я понял, что задание с Абрикосом мы, по сути, выполнили. В штаб-квартиру на Филях мы везли фотографии первого НАСТОЯЩЕГО, а не алюминиевого робота-андроида из будущего с КП-6. Настоящее будущее — за ними. Здесь — подготовка, муштра, тяжело, блин, в учении. И будущее это представлялось не таким страшным, каким его малюют писатели-фантасты...

БОБКА-СУМАСШЕДШИЙ

Сейчас уже никто не скажет с полной уверенностью, каким образом бывший городской сумасшедший инженер-пищевик Борис Осипович Перельмутер появился в Нью-Йорке. Говорили, что в одна тысяча девятьсот восемьдесят забытом году он приехал сюда с какой-то делегацией по обмену чем-то, и под самый конец их пребывания в Большом Яблоке попросил политическое убежище. Возможно. Другие утверждают, что, будучи неплохим джазистом (контрабас), он получил временную работу в маленьком клубе на Хадсон-стрит и, фиктивно женившись на хозяйке этого заведения, симпатичной филиппинке Марии, остался таким образом в стране. Тоже возможно.

Как бы то ни было, оказавшись в Нью-Йорке, первым делом он почему-то позвонил мне. Мы знали друг друга еще по школе, но особенно близки никогда не были, и потому звонок его меня немного озадачил. Озадачил и обеспокоил. Воспоминания о нем у меня остались самые неприятные. В школе он был со всеми вызывающе дерзок и имел репутацию парня болезненно самолюбивого, склонного к вспышкам беспричинного гнева, доходящего порою до рукоприкладства. Высокомерие и наглость его были безграничны. Однако девочкам он, неизвестно по какой причине, нравился. И меня это всегда злило. Одна ему даже обещала что-то показать за три рубля, но Боря хотел только за два. Та заупрямилась. Тогда, прижав ее к вешалке на большой перемене, он за так посмотрел и испугал бедную пионерку до полусмерти. После этого случая мы прозвали его Бобка-сумасшедший.

Как-то на уроке ботаники, когда все мы прилежно срисовывали с доски пестик голосеменных в разрезе, Бобка, закрыв глаза,

громким шепотом общался с Всевышним. «Господи, — молил Его Бобка, — ну дай мне бессмертия, смерти или чего-нибудь в этом духе, но только не молчи и не делай вид, что меня нету. Есть я, есть, Господи». Бог либо делал вид, что не слышит, либо действительно не слышал, либо я даже не знаю что.

Из школы его выгнали в девятом классе, после того как преподавательница русского языка, молоденькая Зинаида Семеновна Горелик, зачитала на педсовете Бобкино сочинение на вольную тему. Сочинение называлось «Любовь моя первая». Этот Бобкин опус ходил по рукам аж до самых выпускных экзаменов, и копия его каким-то чудом у меня сохранилась. Я приведу его здесь полностью, поскольку сдается мне, что мое беглое описание Бобкиных школьных лет не дает полного представления о его, мягко выражаясь, своеобразном характере. Итак, сочинение Бобки «Любовь моя первая».

ЛЮБОВЬ МОЯ ПЕРВАЯ

Моя первая любовь была клево́й сучко́й с лицом невиданной красоты, полными губами и вздорной попкой. Когда у нее просыпалась нехватка между ногами, она мигом стягивала свои трусики, по которым бегали пятнистые зайчики и другие зверушки и, прижимаясь ко мне, шептала: “Боренька, поцелуемся?”. Я любил ее в среднем через день, но ей все было мало, мало.

Однажды, когда наши родители ушли в гости, а шел ей тогда уже девятый год, — она заставила меня залпом выпить стакан ее прозрачной, ароматной мочи. “Чтоб стоял лучше”, — пояснила она.

Она настаивает на том, чтобы этим летом мы узаконили наши отношения. Я объясняю ей, что евреи не поощряют браков между родными братьями и сестрами до одиннадцати лет, но она и слышать ни о чем не хочет. Зовут мою девочку Раюся. Сейчас я опишу ее внутренний мир: он у нее теплый, влажный, певучий. Все, описал.

Ну как? Понятно теперь, что это был за тип? Сочинение это разошлось в списках по всему городу; какой-то умник даже попробовал положить его на музыку, а сам Бобка, с треском вылетевший из школы через три дня после педсовета, вдруг возомнил себя не то героем самиздата, не то жертвой антисемитизма и, прогуливаясь по бульвару в потертых вельветовых клешах с гордо поднятой

головой, нелепо размахивал своими длинными руками, задирали прохожих и выкрикивал разную ерунду вроде: «Ну, что? Еще вопросы будут? Вот так вот. Не один ты такой, понял?» Вот тогда-то его репутация ненормального и вышла за стены школы, и стал он считаться полноправным городским сумасшедшим.

Хотя я, надо сказать, прекрасно знал, что никакой сестры у него и в помине не было, а был он единственным сыном довольно состоятельных родителей — отец его был какой-то шишкой в «Торгмортрансе», а мама — дочкой завбазой. Родители ему ни в чем не отказывали, и это меня тоже всегда злило, и он это прекрасно знал.

Теперь, полагаю, становится ясно, почему я долго раздумывал, прежде чем решиться на встречу с Бобкой. Однако в конце концов среди моих аргументов стали превалировать следующие: Бобка на чужбине, если он обратился ко мне — значит, близких у него здесь никого, как же не протянуть руку человеку? А разве мне здесь не помогли поначалу, пока я не устроился программистом в «Меррил Линч»? Кроме того, уговаривал я себя, он, конечно же, изменился за эти годы.

Мы встретились с Бобкой в Манхэттене, в кафе «Орлин» на улице Св. Марка. Он действительно здорово изменился внешне: где-то поседел, где-то полысел, где-то располнел. Вот только глаза его, как и в юности, светились ленивым каким-то высокомерием. Я заказал два капучино и, усевшись поудобней, спросил, что он подельвал все это время, надеясь таким образом отсрочить аналогичный вопрос с его стороны. В ответ на него мне пришлось бы рассказывать о своей работе (с личной жизнью у меня пока не очень), а хвастаться служебным положением я не люблю, хотя хвастаться есть чем — недавно получил повышение, теперь я старший программист, руководитель группы. Да и вообще — зачем травмировать вновь прибывшего своими успехами? Тем более, что за этими моими рассказами может последовать просьба одолжить денег или помочь с трудоустройством.

Однако не прошло и двух минут, как я понял, что допустил грубую тактическую ошибку. Лучше бы я уже рассказывал о себе. Шумно отхлебнув капучино, Бобка ни с того ни с сего заговорил о своей жене, которую он оставил незадолго до отъезда в Америку. По его словам, она была настоящим ангелом без крыльев, и он не мог себе простить, что расстался с ней. Я уже хотел было сочувст-

вующе похлопать его по плечу и сказать что-нибудь утешительное — я, правда, еще не придумал что именно — и может быть даже заказать нам что-нибудь такое покрепче, но он вдруг стал описывать эпизоды из своей брачной жизни, причем, делать это с такой, я бы сказал, патологической откровенностью, что я уже сам был не рад, что затеял этот разговор. Хотя, с другой стороны, ну о чем говорить людям, не видевшимся пятнадцать лет? О прошлом, о чем же еще?

«Жена у меня была красавица, — рассказывал Бобка своим глухим голосом, — умница, матовая кожа, светло-коричневые соски, очень пикантный запах кала. Хозяйка она была — чудо. А чистюля какая! Трусы меняла раза три на день. Поверишь ли: пукнет, пернет, бзднет — сразу себе в жопу вставит ромашку. А чего? Пусть питается растение. Ну, сам подумай, как можно было бросить такую?»

Тут я решил сменить тему: «Слушай, а как ты тут, собственно, оказался? Насколько я помню, ехать ты, вроде, не собирался никуда?», но он пропустил мой вопрос мимо ушей и продолжал как ни в чем не бывало:

«Я очень ее любил. Очень. Ковырялся у ней в пизде чем попало, шекотал членом небо, на живот писал, стихи читал. Она работала в экскурсоводом в “Интуристе”, а я занимался в Пищевом на вечернем, — школу я кое-как закончил все-таки, — ну а днем чинил примуса в будке, что у самого входа на рынок. Батю тогда взяли за задницу, рассчитывать нам не на кого было. Как-то летом, придя домой с работы, я прыгнул с ножом на Вику (так звали сестру жены) и случайно убил ее. Что делать? Через полчаса должна прийти с работы жена, а труп еще не убран. Я не хотел огорчать Лору (так мою жену звали — Лора, Лорочка, Ларчик мой волшебный) и поступил следующим образом: труп спрятал под кроватью, а кровь с ковра всю вылизал дочиста. Минут пятнадцать у меня еще оставалось, и тогда я, не удержавшись, залез под кровать и изменил там супруге с еще теплой Викой. “Вик, а Вик, ты меня ну хоть чуть-чуть любишь?” — домогался я, орудуя у трупа между ногами.

Тут на пороге спальни появилась Лора. “Бобик, ты где?” — спросила она и, по своему обыкновению, стала менять трусы. Я высунулся из-под кровати, подполз к жене и, дурачась, стал покрывать поцелуями ее полные ноги. Она потрогала мой член, ми-

гом все поняла, вцепилась пощечину, причем попала в нос, а потом вцепилась обеими руками в волосы. Вышла из себя, короче. Из носа у меня уже текла кровь, но я не обращал на это никакого внимания. Нацепив трусы ей на голову, я повалил Лору на пол, стал лизать ее клитор и одновременно нюхать сплюснутую ромашку что торчала из ее задницы.

«Любит — не любит, плюнет — поцелует», — гадал я.

Наутро, плотно позавтракав, я стал собираться на работу в свою будку. Ну а Лора, надевая новые трусы, все спрашивала у Вики: «Нет, ты скажи, ну зачем я вышла за это животное?» Вика деликатно отмалчивалась. Она вообще не любила вмешиваться в наши семейные неурядицы...»

«Одну минуточку! — не выдержал я. — Разве ты не убил Вику? Ничего не понимаю!»

«А ты не перебивай, может тогда поймешь», — неожиданно зло сказал Бобка.

«Нет, ты объясни мне по-человечески: ты зарезал сестру жены, потом переспал с ее трупом, так? А на следующий день твоя жена с ней преспокойно беседует. Как это все понять?»

«Ну и дурак ты, — Бобка был раздражен уже не на шутку. — Совсем отупел в своей вонючей Америке».

«Выбирай выражения, ладно? — попросил я, все еще стараясь держать себя в руках. — И при чем тут Америка?»

«Ты прав: ни при чем. Ты и в школе дубиной был», — глухо сказал Бобка и вдруг, оглянувшись, резко поднялся со стула и полез на меня с кулаками.

Мне все это очень не понравилось, однако связываться с ним у меня не было никакого желания — он был выше меня целую голову. Я схватил со стула пальто, бросил на столик деньги за капучино и, не дожидаясь сдачи, выбежал вон из кафе, проклиная свою мягкость и глупость.

Ну какого лешего я согласился с ним встретиться? Он ведь абсолютно не изменился за это время. Такой же псих, как и тогда в школе. Ну какое мне дело, чем пахнет кал его жены и что у нее растет из задницы? А если предположить, что он всю эту историю выдумал от первого до последнего слова, зачем он стал мне ее рассказывать? Хотел ли он шокировать меня ею? Или это комплекс неполноценности всех недавно приехавших на Запад — они опасаются, что мы, живущие здесь давно, будем выпендриваться пе-

ред ними? И, может быть, поэтому Бобка решил своей идиотской историей сразу же выбить у меня почву из-под ног? А может, все что он рассказал — истинная правда? Тогда почему он так резко отреагировал на мой вопрос о Вике и даже полез драться?

Увы, ни на один из этих вопросов я уже не получу удовлетворительного ответа. Эта моя встреча с Бобкой оказалась последней. Через полгода я случайно узнал, что Борис Перельмутер покончил с собой, бросившись вниз с седьмого этажа жилого дома напротив зоопарка в Бронксе. По словам его соседей, прежде чем прыгнуть вниз, он долго размахивал руками на морозном воздухе — кому-то даже показалось, будто он делает гимнастику, — и кричал кому-то насчет чьей-то глухоты и бесчеловечности, и доказывал кому-то незримо, что он — есть, это их, зажавшихся, нет, а он еще как есть! Соседи, столпившись внизу у подъезда, уговаривали его не валять дурака и не мешать людям спать (это было в первом часу ночи), но в ответ он дико расхохотался, потом одним махом перепрыгнул через перила балкона и секундой позже гулко стукнулся об асфальт. Умер он в больнице, так и не приходя в сознание.

МУЗЫКОВЕДЫ И ШКОЛЬНИКИ

Саше Сумеркину

На летний слет музыковедов в город слетались музыковеды. За ними бегали докучливые школьники, приставали с двусмысленностями, требовали невозможного.

— Масло для волос, — отмахивались музыковеды, — мы применяем исключительно в гигиенических целях. Вопросы?

— Par example? — не отставали школьники, ловили сонных стрекоз, сторонились рано повзрослевших соучениц.

Город набирал обороты. На курсах иностранных языков царило оживление. Бастовали пекарни и пельменные, в воздухе стоял крепкий запах полуфабрикатов. Инженеры ожидали реформ, после которых сразу должно было стать лучше.

— Например, вы еще маленькие например. О Брамсе слышали?

— Абрамсе Абрамсовиче Абрамсоне? — школьники путались под ногами, зазывали музыковедов на рыбалку, хотя ловить давно было нечего.

Музыковеды сидели на острых камнях по пояс в грязи, как болотные факиры. Они прибыли к нам из разных городов: Караганды, Ленинабада, Кенигсберга. Им прописали грязи, и после цикла лекций в санатории «Прибой» музыковеды приступили к курсу лечения.

— Столоверчения, — школьники лезли в грязь, чтобы поддержать беседу. — Зачем вам столько масла, господа хорошенькие? Для гигиены с тетей Леной, что не вернулась с вражеского плена? Хлопцы, не смешите наши пипы!

Город кишел новостями: Володя Мулат полюбил Шурика Вранглера и сделал ему предложение. Шурик заперся на три дня в ванной, на четвертый выскочил оттуда взъерошенный и мокрый и отказал Мулату, бросив презрительное: жопник. Олега отчислили из меду ввиду частых обмороков в анатомичке. Петин папа в Пе-

тергофе поперхнулся пепперони, перепутав Полин патик с тульей Питера О'Тула. Пока разобрались, наступил август. Мечников звал в город Сеченова, тот валял ваньку.

Подвалил сентябрь. Сентябрь у нас красивый, город пустеет.

Пришло время разъезжаться и музыковедам. Из ноздрей одного из них к концу лечения пошел легкий дымок. Его коллеги забеспокоились. Разве так можно, разве это нормально? Так нельзя. Это ненормально.

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукый в синема

(вспоминали музыковеды стихи Ходасевича на перроне).

Из уст в уста передавали это и цитировали, и грезил о новом мире, который опять задерживался.

И вот наступил октябрь.

Школьники, повзрослев, шуршали листьями на Соборной площади, обсуждали соучениц. Школьники стали забывать своих музыковедов, они думали почти исключительно об астрономии и других точных науках. О горошинах, имеющих между собой много общего, но также много различного, о Менделе, Менделееве и Мендельсоне, и о том, что масло для волос тоже разное бывает. Так, по крайней мере, им намекали музыковеды, но музыковеды давно разъехались по своим городам, и школьники забыли их окончательно.

ИЗ ИНТИМНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Пролетели восьмидесятые, и это еще полбеды. Но пролетели девяностые, а вот это уже самая настоящая беда. И надо надеяться, — а что еще остается? — что предлагаемая ниже история при непосредственном участии Алеши Голядкина (помните, он еще в кафе Апууау тусовался?) прольет долгожданный свет на самое типичное из того, что было — было, да, как говорится, былшем пошло.

— Пасть порву, гнида патологическая такая, — предупредил Семен и слово свое, в общем и целом, сдержал.

Он был вне себя от досады, и это еще слабо, неточно сказано. И вдобавок лбом как захуячит Алеше Голядкину в переносицу.

Алеша даже прослезился от такого неожиданного поворота событий. Эта мизансцена, как скоро станет очевидно, только отчасти структурирована вокруг их ссоры, ибо многое на тот момент их все же связывало. И правда, Семен очень извинялся потом, ему самому неловко сделалось — что ни говори, с Алешей они поддерживали приятельские отношения, вместе ходили на бейсбол и телок в русскую баню клеить, не брезговали и рыбной ловлей, клубились по пятницам в Ист-Виллидже в недавно закрывшемся «Чопстыкс Ап Ёрз», посещали концерты разнообразных отморозков постперестроечного розлива, а когда-то Алеша даже встречался с двоюродной сестрой Семена Ликой Ш. Лика красивая была — загляденье, особенно, когда натрескается у узбеков, босоножки на шпильках скинет и пойдет плясать под «Мадам Брошкину». Сама стройная — не нарадуешься, кожа бледная, вот только руки в синяках и вены вздутые, а так — ну вылитая балерина из кордебалета театра мюзкомедии им. Яши Хейфеца. И стихи писала про мле-

копитающих, небездарные, кстати. Одно, из жизни верблюдов, врезалось:

У двугорбого верблюда,
(Так вещал усатый дядька),
Среди прочих не-людей
Бог отшиб частично память
Улыбается злодей,
Норовя в меня попасть
Своею слюною зловонною...
Дудки! — скажем ему запальчиво...

и так далее, про повадки их, про место в экосистеме, но не без легкой зоочернухи и элементов натурфилософии.

А Лика эта, помимо прочего, работала на полставки в салоне красоты в даунтане: маникюр, педикюр, бразильский ваксинг для особо запущенных. Что еще из существенного я опустил, воссоздающего неуловимый аромат той эпохи? Вспомнил. Как-то после концерта казахской этно-панк-команды «На разрыв аорты» Лика прижалась к Алеше: «Шумно, да? Не, я секу, что ретруха, я ж не вчерашняя. Но шумно. Да?» Алеша только крякнул.

Однако мордобой у Семена с Алешей не из-за Лики вышел, она давно связала судьбу с инженером-химиком одним (и, надо сказать, уже слегка раскаивалась — он был с нею груб на людях и вял в постели), но из-за следующего необдуманного замечания, сделанного Алешей, казалось бы, безо всякого повода и основания: «Единственное, что я вижу — пустота, единственное, чем я живу — пустота, единственное, в чем я движусь — пустота». Ишь, Кьеркегор, итить, объявился на нашу лысину многострадальную! Ну, как такое после бейсбола ляпнуть, пипл? Тем более, что «Янкиз» опять не на высоте...

Алеша схватил Семена за локоны, несколько раз основательно встряхнул, потом плотно прижал лицом к колену и резко надавил на затылок. Семен заорал как раненое навьлет сумчатое животное. А в Сохо как раз ни души, и только булыжники блестят после дождя, тускло отражая перемигивающиеся светофоры, да крысы нервно снуют в броуновском беспорядке у дверей модных лавок. Мыча и плача, Семен осел на тротуар перед тайским рестораном, что твой будда с фонарем, но не в руке, а под глазом. Алеша же,

покачиваясь и вздыхая, побрел в сторону Вест-Бродвея, там легче такси ловятся после полуночи.

А почему Алеша так сказал? На то, если покопаться, как минимум, несколько причин было. Первая, и самая уважительная: вот уже скоро год как Алеша пробирался ежевечерне сквозь толпы людей, где белые шли с белыми и черные шли с черными, и были все молодые и разодетые, а также попадались черные в обнимку с белыми и наоборот также попадались, и все друг другу смотрели в глаза и улыбались. А Алеша шел мимо витрин, где сидели и шутили и пили кофе со сливками тоже они. И капуччино пили они. И кафе латте. И мит шлаг — они. И он останавливался перед кафе и делал вид, что изучает меню в витрине, а сам норовил взглянуть на пару, сидящую у окна. До чего же она хороша, право слово! и волосы ее убраны по последней моде, а он — чурбан неотесанный, колода, одним словом, и что она в нем только нашла, и на его месте не просто мог быть — обязан был быть Голядкин.

А сон Голядкина часто повторяющийся знаете? Любопытный в некотором роде сон. Вот идет он будто через Вашингтон-сквер прикупить в особом магазине разнообразные лепестки засушенных трав и растений для скромных своих апартаментов. Дети в парке играют с мячом, и птицы щебечут на ветках. Далее. Рыжеволосый карапуз возится в песочнике и совком умудряется вырыть глубокую яму в песке. Алеша Голядкин хотел через нее перепрыгнуть, но не смог. И упал в яму. Потом откуда-то взялись лошади со смышленными мордами и стали ржать, совещаясь, как же лучше ему помочь, но это уже из другого, более позднего сновидения.

Друзья Алеши все время подзуживали его, мол, чего это он такой непутевый. В смысле работы — обычный брокер, в смысле семьи — бобылем живет, и даже с девушками нечасто встречается. И Алеше надоели эти подначки, и как-то на праздник явился он к друзьям с ослепительной красоты девушкой, молоденькой, но уже обладающей определенным опытом в плане мужчин. Это было видно по ней, по ее манере одеваться и держаться. А на обед была осетрина, и факт этот Алешу обрадовал: он очень любил осетрину. Мог съесть две порции кряду, немного отдохнуть, перекурить и потом еще добавки спросить. А Лика с мужем-инженером как раз в ссоре была, не разговаривала с ним и даже в сторону мужа не глядела. Он, ханыга, давно раздражать ее стал высокомери-

ем своим и выспренностью. Все Бродский да Бродский, да Блэйк, да Браунинг, да Бердяев, да Бердслей, да «Блэк Лейбл». Да пошел он, мудозвон, к такой-то маме! Все равно лучше «Бисти Бойз» на свете нет ничего. (Она очень «Бисти Бойз» увлекалась, все свободное время рэпу с хип-хопом посвящала). И притопывая, и прихлопывая, и натываясь на гостей, Лика забегала по комнате в своих вельветовых мини-шальварах:

Шел по дороге Билл одноногий.
Хромая, естественно. Еп!
Видит навстречу Фред в просторечье.
Тоже на соплях. Поздоровались. Еп!
А дело к осени двигалось,
К запаздывающей. Еп, еп, йе-йе.
Ну пятое-десятое, йе-йе-йо. Фрида пипа нау.
Позавтракали, пообедавши, подужинали.
Билл Фреду и убил. Ну не душегуб? Ну!
Как за что? А за солонку? А за салфетку?
А за решетку его, малолетку!
Посадили, значит это, в темницу.
Превратили на некоторое время в девицу.
Отобрали признаки пола.
Долго мучили пиздобола.
И прочее, и тому подробное, никому не нужное.
Как мужнин член на ужин мне. Е!
Ай-но! Фрида да пипа
тут и там!

Лика кончила петь, оглянувшись, с вызовом взглянула на мужа, сидевшего в углу. Тот пытался скрыть неловкость, но как: завел, что твой Онегин с младшей Лариной, игривую (некоторые свидетели утверждают, что излишне игривую) беседу с девушкой Алеши Голядкина. А это все происходило в Ист-Виллидже, в квартирке, куда каждый что-то принес на вечеринку, кто маслины принес в баночке, кто брынзу в пакетике, кто вино. Алеша Голядкин на всякий пожарный прихватил с собой пистолет «Смит-и-Вессон».

Ну Лика тоже не святая, пришла в вельветовых мини-шальварах. Ноги — мамочки мои, еп ей-е! Она вечерами якобы училась на психолога. У баскетболисток такие ноги встречаются, и то

крайне редко. Ну, там долгая история, но чтоб быстро к развязке: она оказалась переодетой полицейской, и ей, правда не без труда и изрядных жертв, все же удалось обезвредить Алешу, который отбывает сейчас срок где-то под Балтимором. Почему под Балтимором? Об этом моя следующая история. И не Лика переодетой полицейской оказалась — а та девушка молодая.

ФРАЯ АЙНЕ X. LOVES SEX

Кто помнит, снимал Эндрю свою знаменитую парагвайскую шляпу, надевал ли ее во время интимной близости со шведкой (и не только), но шляпа служила ему своего рода механизмом защиты не от мира сего — кто может до конца защититься от мира сего — разве тот кот, кто и впрямь котяра не от мира сего — но из мира того, как Фрая-Айне X.? Защититься от бездействия безалаберного, от спокойствия мелкотравчатого, откуда прямая дорога к апатии, а там и до меланхолии рукой — от этого призываю защититься. Пока есть время.

«Знаете, — и я к вам обращаюсь, юноша-негр Эндрю в защитного цвета шальварах и с миниатюрным опохальцем в петлице, — эти минуты, когда все замирает вокруг, и внутри вас тоже пустынно, а на лбу прядь непокорная, но не прядь моложавой энергии, а усталого равнодушия прядь, хоть и вьется она, хоть курчавится, выбиваясь из вашей знаменитой, выдавшей виды парагвайской шляпы?»

Запомнилось не это, однако. Запомнилось другое, и надолго. Почему шведка X. никогда не снимала бюстгальтера, рваных сетчатых чулок, черт ее дери, даже когда массировала лодыжками мои уши? (Эндрю гостил у сестры за городом). Не знаю, как лучше ответить на этот вопрос. Не вижу и не ищу вразумительного ответа. Застенчивость? Рассеянность? Дурное воспитание, привычки? Ноги на ширине плеч, вводные, не без помощи ее проворных пальцев, процедуры, на спине, ходящей ходуном, — следы невиданных когтей особы в треволнении из-за границы. Пистон на собственной подпитке, подшипник смазать и скрипит.

Кто вспомнит, как вздрогнет, узнав, отец Эндрю, коммерсант, ловец шансов размещения вкладов ушедших в мир, где нет бога-

тых, вкладчиков, и зверь (медведь ли, бык ли) бежит, бежит, бежит по кривой, одному ему ведомой, незнамо чем влекомый. «Что ж ты, командир, режешь листовое железо так криво, будто бык ссыт, ей же ей!» — приговаривал преподаватель труда с начальственным неодобрением и крепко под занавес ругнулся: блять, все, истец найух, хватит. Зачет. Но опыт этот непереволим на северо-западе штата Рута.

Первый слайд. Где мы с приятелем Эндрю пивко потягиваем в месте пролетарском скорее, нежели интеллигентском, а еще скорее — кофе. Кругом люмпены с «Гиннесом». И к нам подсело юное воздушное созданище с совершенно нездешним акцентом. Блондинное пухлогубое созданище из Швеции. И сообщило созданище с акцентом, что в наших краях (северо-запад штата Рута), оно пребывает в качестве няни, аи раиґ-ши. И я подумал, что опыта у нее, девятнадцатилетней, для работы такой маловато, должно быть. И тут созданище с акцентом и губами сообщает, не могу сказать, что так уж конфиденциально: а если говорить непосредственно об увлечениях — или по-шведски: хобби, — то больше всего на свете лично я жую секс. Так просто сказала она это, как другой сказал бы: клубничное мороженое — моя страсть. И мы с приятелем переглянулись, и она переглянулась с ним. И я заметил этот взгляд, заприметил этот контакт. С тех пор прошло десять лет. Или даже больше. И до сих пор я с нею переписываюсь. У нее трое детей. Два мальчика. Она вышла за моего приятеля, за Эндрю, чтобы остаться в стране. Боже, сколько горя она ему причинила.

Фрая-Айне Халояйне звалась она по-ихнему. Топаи отседа, гриб дутый. Таким образом, грешно. Так это имя на наш переводят.

Она села другу на лик и начала там булькать, что у них в стране является общим местом. Я подставился другу, он покрывал мой королевский жезл вазелином, покуда я играл в волейбол с ее большой мягкой грудью, иногда надувая ее через сетку. У девятнадцатилетних совершенно особая грудь, вы должны это, должны... помнить? Она стала смеяться, оказалось, щекотно ей. Когда она заложила за щеку шоколадную лошадку Эндрю, я подумал, что нужно снять все это на память, а тогда цифровых аппаратов не было еще. И вот, я решился на поступок, принимая в расчет, что у нее не было почти попки. Ну как, была, конечно, но маленькая. И я стал греть ее незажженной свечей: туда-взад, туда-взад. Она

как брызнет на вовремя подставленный чехол от фотоаппарата. Мы смеялись потом.

Следующий слайд. Я на ней верхом, друг под ней, два шеста, посередине Фрая-Айне Х. Потом, когда она изошла вся, я провожал ее к «Жуку», запаркованному напротив, — Эндрю заснул на полу, он всегда засыпал после третьей. И тут, покуда я целовал ее на дороге, Фрая-Айне вцепилась проворными ручонками в мое мужское, и я как заору: ну больно мне! Разбудил соседей. (Я был женат тогда, и соседка Викки приняла в темноте Фрая-Айне за мою Зуи). Я сейчас это вспоминаю все и думаю: зима наступила в жизни моей, а ведь она, моя Зуи, догадывалась и об этой связи с Фраей-Айне, и о кое-чем другом. Фрая мокрая делалась во время соитий, и очень стеснялась этого, и от внимания Зуи следы эти не ускользали.

Последний слайд. Небольшая шведская деревушка, по преданию основанная викингами, но, по-моему, бред это. Население: 627 человек. Эндрю и Фрая-Айне Халояйне на фоне местной церквушки. Рядом ее двухлетний сынишка от предыдущей связи. Я и Зуи — свидетели. Священник косится на Эндрю в парагвайской шляпе, единственного чернокожего на фотографии. Крупный план: у Фрай-Айне на шее засос. Он, как и первый (то есть второй) ребенок — от меня.

Крепко пацалуй меня, доченька моя.
 Ах, зачем сидишь ты дома, доченька моя?
 Ведь тебе уже немало, ах немало лет.
 У тебя забрали злые люди запах, вкус и цвет, —

РАССТЕГНУТЫЙ ВОРОТ РУБАШКИ

В курчавой голове бойфренда тети Джули (или: Дроли) не было ни мысли, ни полмысли. Ежу понятно: у тети Джули кто-то появился. И этот кто-то — Сайрус Р., малоимуший вертопрах, лифтер гимназии изобразительных искусств имени Роя Лихтенштейна!

Не первый месяц бойфренд тети Джули (или: Дроли) подозревал последнюю в измене. По двум-трем еле уловимым сигналам с места: чуть шире шаг, чуть ярче макияж, колготки чуть темнее и чуть sprysnuty «Животным № 5». И этот смех ее по телефону. (Его отец, из-за запущенной морской болезни шестой год спавший в кителе и на полу, заметил первым: смеется, как тинейджа, блин). Но это мало занимало бывшего бойфренда тети Джули. Все мысли и болезни (что то же самое) — от нервов, а бывший бойфренд тети Джули посещал уроки хатха-йоги второй год кряду и многое уже умел. Мог останавливать движение мысли, например, при помощи т.н. умозрительного рычага. Закрывать глаза, рассредоточиться, пошевелить большими пальцами обеих ног и резко остановить мысль, пресечь ее. Заморозить, все одно как «чебурашку» в позе лотоса. Но не сильно и ненадолго, понеже уйдешь в астрал, а тело сквотеры займут праздношатающиеся, бесштаные шайтаны, будешь тогда мамбу куковать, кукарекать.

Пустопорожняя шатенка бальзаковского с гаком возраста: тряпки, сплетни, курорты. Дочь не хочет (не может?) замуж и курит с горя дрянь какую-то. И это после Принстона?

Над Лексингтон нависла туча размером с «Грей-хаунд» и такой же формы. Май, вашу мать, а ливень каждый день. И в июне то же самое, но с грозами.

скандировало петлистое шествие разнuzданных юродивых с грязноватым транспарантом ПРАУД ТУ ХЭВ Э ХАНЧ* напротив «Блумингдейлса», в витринах которого вовсю щебетала оголтелая галантерейная весна, нормально?

Бывший бойфренд тети Джули (или как ее в шутку называли домашние: Дроли) закурил. Давно хотел бросить, но не доставало воли. Ее тоже, кстати, тренируют на специальных курсах. Но как без сигареты в баре? Молодежь вся пьющая, курящая. Выйдешь на улицу, слово за слово. Бывший бойфренд тети Джули отдавал предпочтение молоденьким, тем, что легко дают, когда пьянеют, но попадались больше старенькие, те, что дают после обеда из трех блюд, когда не больно-то и тянет. Молоденькие — гладенькие, бритенькие, а у тети Джули там будь здоров мочалка, как у Мойдодырши.

Где же он познакомился с этой вашей тетей Джулей (или: Дролей)? А где ростовчанин может познакомиться с американкой? В космосе, в пизде, в «Дяде Ване», на Багамах. Багамы, хочу на Багамы, все уже были на Багамах по три раза на Багамах на Багамах, и на деле тоже на Багамах, а мы все Канкун да Канкун, а когда Багамы Багамы.

И вот он видит ее нового приятеля. Так она представила своего лифтера: приятель. Виктор сразу въехал что куда. Так тетя Джули когда-то называла Виктора в письмах к родным в Вермонт. Отправилась, мол, по Америке с приятелями... ан не с приятелями, а с любовником, и не по Америке, а в Филадельфию, на слет бардов галычей-палычей каких-то. Ну приятель как приятель, вроде француз, но нет четкой уверенности. Зовут Сайрусом. Нехай Сайрус.

Прошло полгода. И вот, встречаю я Виктора на авеню С. Зима, декабрь, слякоть, настроение на любителя, заглянули в «Покипси», он сразу отлить потопал, а у меня с собой томик Аполлинера, знаете, «Мост Мирабо»: «тьма спускается полночь бьет дни уходят а жизнь идет»? Вернулся, вид затравленный. Спросили Chivas

* «Горбатые и гордимся этим». Игра слов: «to have a hunch» — догадываться.

Regal, neat. В такой колотун пусть моржи on the rocks пьют, хуем лед бьют.

— А вот это уже ниже пояса, однако я снова вспомнил свою Джульку-Дролечку, — ностальгировал Витюня (мои родители хорошо знали их семью, мы вместе эмигрировали, они у нас пылесос одалживали в Вене, когда на первых порах ох как не сладко, люди держаться друг за дружку должны, а как иначе? КАК ИНАЧЕ ВЫЖИТЬ? Постарел Витюня, ну а я? На себе не замечаешь). — Дрозofilку свою любезную вспомнил, мушечку-поебущечку такую. Она слаба на передок была, и это еще мягко, дипломатично сказано. Простите же Вы меня, Титечки Господни (ишь, развезло хлопчика!) прости мя грешного, Витька-сахарка (так она меня называла: шуга-Вик, др-др моя). Она была блядущечкой-раскладушечкой, курвой такой на первый-второй, растакой, в смысле, в каком все женщины, кроме вашенской, может статья, супружницы Анисоньки-писоньки, бляди-макаки, пробы негде ставить. Кроме, разве, сраки.

И пусть Виктор Терентьевич сюсюкая и невнятно распинался, кто ж спяну да без изьяну? — но выговориться нужно человеку, вот и топтался он на месте, на постном масле мысли, протирая запотевшие толстые очечки свои, красные мясистые руки потирая. И усталые ласковые глазоньки. И слезились они во темени бара, кромешной, бархатной. И курчавилась голова его. И урчалось в животе. И начинал ощущать я, в том числе и тактильно, что собеседник мой женщин не просто не жаловал, эка невидаль! Он их презирал. Как за что? А за детородные ихние качества. Но это ли не смехотворно? И он ли не дурья голова? Дрозofilы размножаются — мое почтение. И посему прошу на них эксперименты ставить, не на нас... А жизнь помаленьку стала входить в свое русло: газета по утрам, синема по вечерам, обеды, ужины, приложение к «Ниве». Без затей. А так ли нужны они? Упорядочить течение жизни, обмельчать и умереть. Так умирают деревья. Так умирают реки. Так умирают люди. Смерть как избавление, как расстегнутый в знойный полдень ворот рубахи, думал директор гимназии, в которой некогда занималась моя бабушка Юля. Гимназии той нет уже. В нее попал снаряд. Бабушки Юли тоже нет. Она умерла от разрыва сердца во время Кубинского кризиса, очень переволновалась во Флориде. Умер и я, где-то в 87-м году или 89-м. Живых ведь читать не принято. Значит, и вас, получается, тоже нет.

И буквы эти пляшут на острие вашего отсутствующего взора, который не забыть полностью, потому я и помню его, искристого, post mortem. Читайте же, неженка, не ленитесь.

Вопросник во время зимних вакаций купил Кирюша Репашин по кличке «бессмертный». Откуда такая кличка? А потому что у Кирюши в левом яйце сила была громадная, и не исчерпать ее было. Так выпало, хотели скинуться, но бросили жребий, хотя деньги у него не водились, кухаркино дитяtko. Мы, неимущего его, презирали не за происхождение, но за бедность, выражавшуюся в завтраках его мещанских, поскромнее наших, купеческих, в драных, давно не чищенных башмаках, несвежей сорочке, и за то, что были к нему благосклонны старшекласники в туалете, откуда розовощекий, выходил он после большой перемены, блудливо улыбаясь и победительно ступая журавлиными своими ногами.

А Юленька трогательно просталась с родным городом, бродила по знакомым улицам и переулкам и по незнакомым и все что-то шептала. Ей было грустно: тут прошло детство, а через эту площадь она вот уже шесть лет каждый день шла мимо памятника графу Воронцову в гимназию: иногда одна, иногда с подругами, а последний год с Кирюшей Репашиним, который очень ей нравился. Ей нравилось, как Кирюша грассирует, как настоящий француз, и как он курит папиросы, и как мило шутит, и как цитирует Бальмонта. И одевался Кирюша — Кирюша, ну, не надо, ну, прошу тебя, успокойся, успокойся же, я сама... — не так, как другие юноши, но более изысканно-небрежно, что ли. И как он вдыхал запах ее волос и шептал, что слаще аромат этот, чем туберозы на рассвете, и она не знала, цитата это или от души. И это ей тоже нравилось.

ЖИЗНЬ, СЛОЖИВШАЯСЯ НЕ ВПОЛНЕ

Зипперштрамм Саня (вот вам и еврей, и мужчина, и на букву «З», и Зипперштрамм его фамилия, не совсем обычная, а за ней и скобки шлейфом, и рассказ чуть ли не симптомом обрывчатый) шел по траве энергической такой походкой, почти вприпрыжку, улыбаясь своим мыслям, мурлыча развеселый шансончик, подражая, по мере миметического дарования, героям кинолент первых пятилеток, вот только гармонь ему в руки, ромашку в петлицу, кепарь на загривок — и вылитый Петя Алейников в фильме таком-то или таком-то. А между тем, надпись вкривь и вкось на дощечке под деревцем синими буквами на сером унылом фоне ограничивала ощущение внутренней свободы, столь ценное Саней Зипперштраммом:

**ПО ТРАВЕ ЛУЧШЕ НЕ НАДО, А ТО ОНА
ОЧЕНЬ МНЕТСЯ ОТ ЭТОГО.
ПОДСТАВЬ-КА СЕБЯ НА ЕЕ МЕСТО
НЕНАДОЛГО.
НУ КАК? ПОДСТАВИЛ? ТО-ТО.**

И пришлось ему подчиниться надписи. Стиснув челюсти. Потому как если без местоимения, то это и к нему, стало быть, и ко всем остальным тоже относилось. Вот ведь как. Да-да. А он ох как любил нарушать законы и инструкции разные, писанные и нет, ох как любил! В школе всю дорогу за это дело на орехи ему попадало. Техничка тетя Маш даже шваброй его разок огрела, и спрашивается, за что? А за то, что он булочку ей черствую втихаря в рот впахнуть вознамерился, пока она на солнышке храпака давила

в школьном двореке, воробушки суетились тут же, неподалеку, голловками птичьими не по-доброму трясли — ну вылитые пенсионеры летной банды Андропо Жукашвили на учениях, все корочку поделить не могли, прямо извелись, шельмецы.

Он и на брюнетке Леноре Борисовне полногрудой женился на первом курсе исключительно с целью насолить всем. Все были против: мама была против, папа был против, бабушка была против, да и сама Ленора Борисовна не очень горела амбициями терять с ним голову в узах брака на ширине плеч. И странноватая была ко всему. Разгуливала по квартире почти без одежд, держась двумя руками за сердце и скандируя что ни попадя. Собирала трофейные патефоны. Тоже хобби нашла. И сколько их насобираешь, ежели в коммуналке девять душ соседей, не считая ее с мамашей вместе, которую последнюю Ленора Борисовна лечила от запоев гомеопатическими средствами. А та и не пила почти. Так зачем же ее лечить, спрашивается?

Работала Ленора Борисовна бортпроводницей. Там и свели знакомство, хоть и не позволяют им вольности на такой высоте. Однако Саня пылкостью своею с ног ее сшиб. Слово за слово, гигиенический пакет у нас для вас, может, и найдется, но неужто вам так уж дурно? О да, мне дурно, но с вами было бы совсем недурно. Остроумец! Хи-хи. Потом, правда, развелись быстро. У нее фригидность генитальная обнаружилась в запущенной форме, а он очень активный парень был, часами мог, а чуть отдохнув, опять часами.

В Америку он уже инженером прибыл, со сложившимся мировоззрением и разными справочниками. Неплохо разбирался в геополитике, играл в преферанс, короткие нарды. Любил порассуждать о Рейгане, о том, как тот выдал из Горбачева все, что только мог, как зубную пасту из тюбика выдавливают все равно. Знал на память почти все баллады Галича, мог исполнять их под гитару сильным, неприятным голосом.

Однажды на эмигрантской вечеринке познакомился с Декталией. Так она и представилась.

— А в натуре? — спросил Зипперштрамм нетрезво.

— Точно так же, — вздохнула Декталия. — Мы же тут из Бабзагара.

— А! — сказал Зипперштрамм. — Ну хорошо.

После вечеринки провожал ее домой, девушка жила на авеню О. «Декталия, Декталия, сейчас возьму за талию я, кажется, те-

бя», — пошатываясь, пел Зипперштрамм сильным, неприятным голосом, а потом действительно хап ее за талию — и прижал к ближайшему «Шевроле». И это был первый случай, когда ее ноги оказались у него над головой на виду у случайных пешеходов. Колени у шек, мягкие, влажные колючки, тихие стоны и красивые глаза-щелочки заставили Зипперштрамма позвонить Декталии наутро. Пешеходы смущенно фыркали, косясь на Санин торс, выгибающийся под полной бруклинской луной. Ночь сквозь волосы Декталии запомнилась фонарными бликами на мешках с мусором и дождевыми каплями на ветровом стекле. Небольшая травма, которую она, нервничая, нанесла ему передними зубами... Не обошлось без конфуза, словом.

Она мечтала уйти от строгого отца, Ираклия Юсифовича, и от инертной, равнодушной ко всему на свете, кроме дорогих украшений (а где их взять? в «Тиффани»? ага, сейчас) мамы. Ираклий Юсифович был сангвиник. Тоже еще профессия, скажете вы. А кто говорит, что это профессия? Конечно, это не профессия. И холерик не профессия. Это скорее нечто вроде типа, типа характера, характера типа человека. Как бы вроде типа: узловатые пальцы, седые пряди, играл когда-то на скрипке в филармонии, но пришлось сменить инструмент на баранку. Работал ночами, днем отсыпался, у жены апатия, дочь спуталась с каким-то из Ростова. Провинция, а гонора на две столицы! И как он позволяет себе... разговаривать... таким тоном... таким тембром... и рассуждать! Он задыхался от гнева, не слышал претензий пассажиров... по Мэдисон, конечно лучше, на Третьей до 59-й затор... «На фиг трафик! — кричал он иступленно. — А пешком не хо-хо?!» Включал надпись Off Duty, разворачивал бутерброд с «Московской», шумно тянул «Спрайт» через соломинку, вспоминал яму, профиль второй скрипки Анжелы Донор, ее муж работал репортером в «Заре Бабзагара», после концертов она позволяла ему совсем немного, но он был рад и этому малому. «Хуторок в пипи», так называла она их нечастые радости, когда Ираклий Юсифович, привстав на цыпочки, наблюдал за нею, восседающей этакой Клеопатрой на унитазах, и поглаживал себя ниже пояса. А иногда, на гастролях, она брала в рот его тонкий, наканифоленный смычок и пробовала на зуб вступительные аккорды Первого концерта Петра Ильича — и выходило похоже! Боже, как быстро промчалась жизнь. Таксистом в Нью-Йорке, в шестьдесят с гаком, дочь путается не-

известно с кем из Ростова! у жены пропал остаток интереса к жизни — и ради этого стоило ехать?

Декталия работала секретаршей в офисе адвоката Таненбоума. Туфли у адвоката были с кисточками, а лацканы пиджака в желтоватой перхоти. Приставал он к ней с самого начала, но когда она дала ему понять, что 58-летние обрюзгшие религиозные евреи, независимо от их материального достатка, не в ее вкусе, он стал грубить ей, поставил ультиматум: либо он будет пользоваться ее дважды в неделю в перерыв на ланч, либо ей лучше подыскивать работу в другом месте. В каком? Это ее дело. И она осталась у Таненбоума.

Шел дождь. Саня сидел у окна своей квартирки в Парк-Слоуп и думал о том, что вот, ему уже 37 лет, а он четко не знает, чего хочет в жизни. Не знает, чего хочет, и не знает, кого хочет. Хочет ходить на концерты старых звезд рок-н-ролла, потому что вымрут они скоро, как мамонты, и никогда он не увидит их больше. Допустим. Но и новых не хочется пропускать: всех этих нью-вейв, нью-эйдж, ретро-техно и хаус. Декталия обещала ему позвонить, уступив из виду, что сегодня был «ее» день у Таненбоума.

И Саня решает зайти за ней.

Видит их вместе.

Избивает адвоката. До полусмерти.

Они бегут. Будешь жить у меня. Милый, но ты ничего обо мне не знаешь. А что я должен знать? Ну, например, о моем ребенке, муже. Где они? И она рассказывает ему...

...О том, как два года назад ее бросил муж и забрал ребенка, обвинив в некомпетентности. А он сам был некомпетентен, между прочим. И кололся к тому же. Корчил из себя видеографа, а пару копеек заработать? Ах, Декталия! Вот она Сане 3. и обрадовалась. Вцепилась в него жилистыми ручонками. Давай жить чаще, да лучше, да вместе. Давай.

Дальше разворачиваются картины туманные, но по-своему чарующие. Лопочут на курортах искусственные попугаи, сражаются в казино с фортуной туберкулезные старцы. Жизнь, я люблю тебя, и не в последнюю очередь за краткость твою.

Умирает мать Декталии, она едет на похороны в Нью-Джерси. Там встречается с бывшим мужем, который оказывается никаким не бывшим. Эх, жизнь жестянка. И все такое.

Он убивает его. Кто кого? Это вскоре должно проясниться. Бегство. Их ловят. Приговаривают его к пятнадцати годам, ее к десяти-

ти. А ее-то за что? Зипперштрамма хоронят. Мать в Ростове кончает с собой. Полногрудая Ленора Борисовна не знает, как жить дальше, она ведь не забыла его, первую любовь не забывают.

К власти приходят совсем плохие.

Финал? Дождь. Дождь. Смерть и дождь. И граммофоны под дождем, играющие каждый свое. И капли дождя блестят на их трубах. И молитва. И жизнь, сложившаяся не вполне.

THE FOOD ORGY

Моя жена смотрела на свою подругу Лесли долгим, нежным взглядом. «С чего бы это?» — подумал я, а потом, когда Д. сняла лифчик, понял. Соски! Д. торчала на Лесли!

Д. и Лесли работали вместе в магазине верхней одежды в Сан-Франциско. Лесли была из состоятельной лос-анджелесской семьи, и моей жене эта дружба льстила. Что Лесли находила в Д? Наверное, то же, что и я минус сцены ревности и частые скандалы из-за моей нерасторопности. Однажды, вместо того, чтобы... да тут можно десятки примеров приводить. А толку что? Нерасторопность моя и так хорошо вам известна. Лесли пару раз приглашала Д. к родителям на праздники, подразумевая, естественно, что Д. приедет со мной, но я такой человек — не люблю, когда мое присутствие подразумевается. Я люблю, когда меня приглашают открытым текстом.

Бойфренд Лесли, аспирант Хэнк, вышел за покупками. Он пригласил в гости своего профессора с женой и хотел их приятно поразить едой и обхождением. Я заметил на столе вина, которые раньше у него не видел. От профессора многое зависело: рекомендательные письма, карьера Хэнка и т.д. От подруги жены тоже многое зависело. Например, будет Д. со мной или уйдет к ней. Д. мне и раньше намекала о своих увлечениях девушками, но я не знал, можно ей верить или нет. Она была страшная фантазерка. Теперь я сам видел — можно. Однажды она в деталях рассказала мне о монетке, которую носила в детстве на шнурке, и эта монетка приятно щекотала ее клитор. У жены была очень нежная на ощупь пряная п...да с половыми губами точь-в-точь как у дочки Чутьева (см. переписку поэта). Д. была киевлянка. В Нью-Йорке

ее несколько раз е...л мой друг Мишка, который нас и познакомил. Потом Д. ушла от него ко мне, но с Мишкой мы продолжали дружить. Ему казалось, что Д. к нему по-прежнему равнодушна, но, как я понимаю, она и тогда, в Нью-Йорке, давала ему больше из человеколюбия, чем из других соображений. Он был какой-то неухоженный, патлатый, постоянно вспоминал девушку, которую оставил в Москве, шепеляво рассуждал о том, как пришлет ей вызов, вот только устроится как следует. Потом, когда Д. уже была со мной, мы втроем сидели в «Бургер-Кинге» на Третьей стрит, и Мишка рассказывал, как ему тяжело жить с мамой и братом и как он скучает по своей Алене. По Алене тайно вздыхали все Мишкины друзья, а с его отъездом некоторые из них стали вздыхать в голос. «Приеду, убью!» — говорил он, но, во-первых, непонятно, кому была адресована Мишкина угроза, а во-вторых, настолько она звучала неубедительно, что мы с Д. еле сдерживались, чтоб не рассмеяться, и прятали лица в пакетики с картофелем-фри. Потом Мишка исчез из нашего поля зрения.

Вдруг жена покрутила мизинцем у себя внутри и тут начались ее штуки. Из сосков ее ударили две тонкие бледно-розовые струи. Ну, это она умела. Не теряя времени, я подбежал к ней и подставил рот, я ведь знаю, что тут главное — скорость. Пусть теперь попробует обвинить меня в нерасторопности! «Лесли, — крикнул я. — Быстро подставь стакан, я могу ошибаться, но, по-моему, это клубничный коктейль». Но Лесли за стаканом не пошла, а вместо этого припала к левой груди Д. «Ты прав, — сказала Лесли, на секунду отрываясь от соска. — Это настоящий milk-shake, и к тому же ледяной!» И мы вдвоем с Лесли, нетерпеливо причмокивая, снова набросились на грудь жены. Через пять минут Лесли, поставившая, быстро сняла свою легкую шифоновую блузку и стала отворачивать меня вглубь против часовой. Я хотел косо завершить прямо ей на танкету, но она, перехватив рукой теплый, как у Лесли, сноут, стала непристойно быстро лизать мою очкастую в. п-ну. У меня на глазах выступили кл-вы, большие и блестящие как зрачки наркуши-нарушительницы. Я стал членно сознавать, что люблю и Д., и Лесли, но одну, по старой памяти, в уста, а другую липкими пальцами в «эх, прокачу», когда на пороге возник Хэнк. Он бросил на пол пакеты с горчицей, устрицами и латуком, и с криками: «Мое! При мне!» снял рейтузы и на корточках стал позориться прямо на ковре посреди гостиной. Из него вышли три

средних размеров кучи трехцветного диетического мармелада, приторный запах стал распространяться по светлице, и вот тогда Лесли решилась на отчаянный шаг. У нее в глазах загорелся и тот же час вновь погас огонек «занято», но, мгновенно скинув юбку и трусы, она оттолкнула Хэнка, оселась пышным задом на гору мармелада своего бойфренда и стала издавать звуки будто тасовала колоду карт. Тут уж я не выдержал и бравадно завершил в специально приготовленную для этого кремную танкету, после чего и двоиться уже не имело смысла, но своя-то рубашка ближе... Д. тем временем стала ублажать рукой и моего вновь возникающего друга. Она это: 1) умела и 2) любила. Лесли, завидую и хлюпя соками, решила снять с Хэнка почти все слова тайнства любви. И совершенно напрасно — он спал сном праведника.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ НЕГРА НЕ УНИТАЗ

Бабушка без зубов смотрелась намного хуже, чем с ними. Оно и понятно. Над нею пролетали стрелы времени, смеялись внуки — недобрые и глупые без пяти минут американцы. А бабушке виделся родной край (в ее частном случае, г. Симферополь) — ведь там, там прошла ее молодость, там впервые сладко внизу живота делалось, там и зубы были, белые, ровные, сверкающие — все там. А здесь? Похоронила мужа — раз, утратила задор — два, дети не навещают, говорят: далеко и заняты — три. Что далеко? Чем заняты? А ей к ним переться, с внуками сидеть шесть лет подряд ближе было? А покупки им таскать, конфетки-колбаски из гастронома «Колобок» ближе было? Петлюровцы, шептала бабушка и только расстраивалась. И если бы не соседка Аня с мужем, очень приличные люди, чуть ли не бывшие ленинградцы, и состоятельные — один ковер из Канкуна тысячи полторы — бабушка без зубов я даже не знаю, что б с собой сделала.

Бабушка без зубов думала: ну вот. Вот и пришла старость. И действительно, пришла. По НТВ показывали старую югославскую комедию с некогда популярным певцом в главной роли, но то, что вызывало смех раньше, сейчас его не вызывало. Да и зубы вставить руки не доходили.

Николай ей понравился сразу. Он был не стар еще: шестьдесят пять — для мужчины самый ренессанс. И бизнес приличный — хозяин видеосалона «Смотрите это сами». Здесь давно, помнит, как этот ненормальный на Рейгана с ножом бросился из-за неразделенного чувства к актрисе Фарре-Фольцет. Дети у Николая — тоже бизнесмены, турагентство у них свое, кооператив на Манхэттене. Он ей с ходу цветы стал дарить, очень изящно обхаживал,

платье купил в подарок из воздушной ткани, но на подкладке и теплое. Как-то пригласил на концерт, житомирскую техно-команду «Лево руля» привозили. Потом в ресторан позвал. Она эту музыку не понимает, созналась, тяпнув коньячку и громко выдохнув, бабушка. Ротару — это да, а эти только глотку драть. Николай сказал, что он и сам эту музыку не того, то есть никакую, а не только эту, но надо же куда-то себя девать в выходные. И тут она улыбнулась ему, кротко, беззубо, но все равно вышло очень мило и даже чувственно. Потому что когда увлечен, когда хочешь увлечь, на многое закрываешь глаза. Чтобы не разочароваться до времени. Он и закрыл по этой причине.

А бабушкин сын Фимка, по кличке Двоежонс, был самый настоящий сорвиголова. Как у такой приличной женщины такое вот могло уродиться и вырасти под боком — ответьте мне, но сначала подумайте, здесь не скорость важна, а точность. Учился на массажиста, но занятия не давались ему, и решил он пойти в бизнес. Жена его была старшей стриптизершей. С чем сравнить ее грудь в те уже далекие годы — я даже не знаю. Первый муж ее был уголовник, его даже в Америку еле пустили, он хорошие бабки внес кой-куда, и только потом его пустили. Тогда уголовников, за редкими исключениями, не пускали почти. А она еще девчонкой силиконом накачалась, быстро разобралась, что мужчина на тебя совсем по-иному глядит, когда у тебя спереди много и во время близости ходуном ходит.

Фимка Двоежонс так сказал Элке: значит, слушай. Ты клевая телка, у меня на тебя полный аншлаг в трусах, но дай мне честное пионерское, что когда мы с тобой поженемся, ты с этой помойки уйдешь. Это ж не работа для такой классной телки, какой являешься ты. Ты ж такая классная телка, что я не могу прямо. Ты классная телка. Классная. Как Джулия Робертс — такая классная. «А ты-то меня прокормишь, пацан?» — в лоб Элка ему. Он только присвистнул значительно. Мол, ну. Тогда она для затравки «Пизанскую башню» с видом на площадь внизу отколола. Это, для тех, кто не в курсе, стойка наклонная на руках, ее описать — слишком много места займет тут. Скажу лишь, что Двоежонс присвистнул еще раз, и уже громче прежнего, подметив, как она и там хороша. «Эз эбов, со белоу». Правильно древние говорили, хотя и по другому поводу.

А ее начальник по стрип-бару с ней о ту пору подживал. Старый итальяша, Винченцо, если не изменяет память, Скарлаттини.

Желтенький дряблый херок, но если слюной обмазать со всех сторон — твердеет и выполняет свои прямые функции. Он ее на работу совсем еще юной девчонкой взял по протекции мужа, они тогда недвижимостью пробовали спекулировать. Урка вбабахал три лимона во флоридские болота, чтоб там лавэ отстирать по полной. Дело, вроде, почти вытанцовывалось уже, но вдруг у итальяна во время сабантуя в Pelmeni A Go-Go на Элку в розовом костюме и дымчатых очках что-то там среагировало на эндокринном уровне. Это, кто не знает, там, где яйца у мужчины. Ну, он по ходу дела пронюхал, чем урка промышлял до ихнего содружества и стал шантажировать: мол, либо Элка, либо будут тебе, парень, такие болота — за десять лет не выкарабкаешься. Урка забздел. Так Элка перешла из уркиных рук в итальяшины. И сильно с тех пор обозлилась на мужиков. Что это за дела такие, мол, что я им — переходящий выпел с тухесом? И правильно, никакой она не выпел. Но красивая молодая женщина — работник сферы вуаеризма и поклонения. Но... поклонения, прошу учесть, тех, с кем самой не грех, но ни в коем разе не тех, с кем на курортах стыдно перед малознакомыми даже. Ну, папашиного там возраста, это ладно еще, но под ручку с дедулей, трясущимся на бройлерных фиолетовых ногах? Позор. Вот так и ушла Элка от итальяхи к Фимке.

Бабушка без зубов полюбила невестку сразу. Домовитая, и японские шушики-шашимики умеет стряпать. Лучше Фимкиной первой жены, румынки с псевдодипломом диетолога — это точно. Не говоря уже об этих, прости Господи, временных официантках с Нептун-авеню, что зимой в одних комбинациях по улицам, как оленихи в свете фар, гарцуют. И воспаление не берет их, бесстыжих, и полиция не трогает. О них мы не говорим.

Ситуация, короче, складывалась, как стул, на котором бабушка без зубов отдыхала летом на бордвоке — шаткая, но легкая, — сложить и переставить в тень, где не так шумно — труда не составит никакого. Но где же вы видели там тень?

Когда Фимка с Элкой и детьми приехали к маме на сейдер и были представлены незнакомому, но на вид состоятельному господину в рубашке от Версаче с золотыми пуговицами и без воротника, и после второй разобрались, что господин делает «для жизни», Фимка Двоежонс сразу смекнул, чем эта встреча может для него обернуться. Деловым контактом, вот чем! И контакт этот надо брать прямо сейчас, после третьей, пока он тепленький и подат-

ливый. Дело в том, что Фимка давно мечтал сбыть пару фильмов пикантного свойства с Элкиным непосредственным участием, сделанных какими-то арт-уродами из NYU* еще во времена ее первых шагов в стрип-шоубизнесе — это, по Фимкиному мнению, могло явиться своего рода трамплином в его продюсерской деятельности, о которой он мечтал, просто мечтал. Ах, амбиции, амбиции! А правда, где и когда человеку мечтать, если не до сорока и не в Америке?

Однако осторожный Николай пыл Фимкин охладил, заметив сухо, что новые дистрибьюторы ему пока не нужны. Да и товар особенный. «Но, — и тут Николай сделал многозначительную паузу, — учитывая, — и тут он сделал еще одну паузу, — и бабушка во время этих пауз покраснела, она часто и густо краснела в последнее время, — посмотреть можно», — закончил он фразу и взглянул на Элку, ковьярившую вилкой гефилте фиш.

Шепотом договорились на следующий викенд у бабушки, Фимкин видак как назло барахлил.

Выбрали время, когда бабушка навещала соседку Аню с мужем. Так, решили, спокойнее будет. Но... человек предполагает, а Бог тоже не в свое дело вмешаться не дурак. Случилось так, что бабушке вдруг стало скучно у Ани с мужем. Те же разговоры, те же пересуды, те же сплетни и воспоминания: о, Эрмитаж Сокурова, о, «Идиот» Товстоногова, о, Канкун в начале мая, о, свадьба у дочки Алеши Шойхета в «Казанове». И бабушка решила откланяться, ибо в Эрмитаже не была, и в Канкуне тоже не была, и о том, кто такие Товстоногов и Шойхет имела самое смутное представление. А сидеть и слушать как дура, набрав в рот воды, она и дома у телевизора может. Не обязательно для этого в гости ходить.

Вернулась домой раньше обычного, мышкой-норушкой проскользнула в темный коридор, кряхтя, кроссовки снимать стала. Услышала голоса. Стоны. Николай и Фимка сидели, развалившись, в гостиной у телевизора, пили какую-то американскую отраву, обменивались короткими фразами да поглядывали на телеэкран. Взглянула на экран и бабушка. Увидела любимую невестку, совсем еще юную, с выбритым под без пяти Котовского лобком, увидела двух мужиков (один из них вообще не белым каким-то был!), имеющих Элку на самый новомодный лад, сначала на холо-

* Нью-йоркский университет.

дильнике, потом у раковины, а в самом финале (Господи, а стыд-то, стыд-то какой!) пользующих ее в качестве унитаза с человеческим лицом. Как сквозь ватное одеяло донесся до бабушки голос Николая, будничным тоном его замечаний. О том, что, в частности, неплохо бы еще, мол, пару серий сделать, так называемых сиквелов — и лишилась бабушка чувств. Грохнулась в коридоре на пол, виском зацепившись об полку с полным собранием сочинений писателя Куприяновой Людмилы, автора женских детективов.

Когда бабушка без зубов очнулась, Николай, склонившись над ней со стаканом сельтерской, объяснял, что это для пользы дела всё, для Фимкиного, кстати. Фимка поддакивал, сбивчиво говорил о специфике современного кино и конкурентоспособности, о цифровой и сексуальной революциях, о том, что это Америка, и главное здесь попасть в струю, а чем торговать — без разницы, лишь бы покупали. Но бабушка отказывалась слушать и только трясла седой головой. Через четверть часа встала, держась за висок, с тахты, оправила платье — подарок Николая, решительно указала Фимке на дверь, обозвав напоследок ничтожеством и извращенцем. Скрепя сердце, попросила уйти и Николая. Он звонил ей потом раз двадцать, звал на Эйфмана, на Земфиру в «Миллениум». Какая к черту Земфира, какой Эйфман?

Так и осталась бабушка без зубов ни с чем. Так и не нашла личного счастья под конец жизни. Сидит на складном своем стульчике на бордвоке одна-одинешенька, ни на что не реагирует и повторяет на все лады: «Блядь. Блядь. Вот, блин, блядь. Курва такая, блядюга».

И сын ее, Фимка Двоежонс, скоро на ноги встанет, вот увидите. И продюсером делается. И дети его от Элки и той румынки подрастут и в гарварды и бард-колледжи свои пойдут. Но бабушка... Как ей от шока оправиться?

Вот и весь сказ. Николай в прошлом году прикупил еще один видеосалон, а по субботам он у нас на радио, ведет программу «Наука страсти нежной». Фимка стал продюсером. Его эротический мюзикл «Целые спелки» скоро будут крутить по кабельному ТВ, в сентябре премьеры. С Элкой они разошлись. Она сейчас за Жан-Клодом Дриссертом, тем, что «Содом и Гоморру» по Прусту поставил.

Бабушка... С бабушкой все не так просто. Бабушка стала все-рез подумывать о возвращении в г. Симферополь. Хочет там уже

зубы вставить. Там тоже есть неплохие дантисты и, говорят, не такие кусачие. Понятно, первое время непривычно будет. Жевать забытую пищу, общаться с полумертвыми подругами. А что делать-то? А разве тут привычно?

Мой следующий рассказ непременно будет о бабушке, о ее возвращении домой. О целительном влиянии родины на человека. В особенности на человека, часть жизни которого прошла на чужой стороне. И еще рассказ мой будет о том, что русский человек, как ни крути, для негра — не унитаз.

ТОНИ + ЛЮДА = ЛЮБОВЬ

Они познакомились в самый разгар холодной войны, а поженились уже после распада СССР.

Он подбирает ее в аэропорту им. Кеннеди и везет через недавно сданный в эксплуатацию Мидтаун-туннель, а она не успела поменять деньги и так из-за этого нервничает, что даже на величественные виды, проплывающие за окном кэба, не обращает никакого внимания. Тони смотрит на нее в зеркальце заднего вида и наглядеться не может: мешки под глазами, волосы растрепаны, но есть какая-то, черт бы ее подрал, изюминка, которую обезьяна-жизнь не успела выковырять из кекса и засунуть себе за волосатую щеку. Она ему про перемены в России (ему сначала послышалось «в Пруссии», но за обедом он понял свою ошибку), он ей про Knicks*.

А надо сказать, что американцы в описываемый период относились к России с большим подозрением. Оно и понятно: страны наши тогда то и дело издавали угрожающие звуки и указы, а также периодически бряцали оружием: Макнамарра, Кубинский кризис, пляски в ООН. А он небрит, но в таксистском картузе и держится с достоинством: это Организация Объединенных Наций, на этом месте бойни когда-то были, эта река так и называется Ист-Ривер, она и судоходна, и рыболовна, но не Миссури, далеко не Миссури. Очень Тони напомнил ей бывшего мужа-гебешника, с которым они расписались на втором курсе МГУ, но не сошлись характерами: он много пил и подслушивал. И вот, влюбилась она в Тони, словно какая-нибудь семиклассница, честное слово, в женатого преподавателя труда Олега Григорьевича. Они, Тони и товарищ Лудмила Буторенков, договорились встретиться и отужинать. А у американцев, надо вам сказать, принято ложиться с женщинами на ковер и сосать ихние тити только после третьего ужина. Я знаю, что говорю, у меня все друзья-женщины американцы или канадцы. Попадались и мексиканки, но меньше, и они более импульсивны в своих порывах, так что до третьего ужина дело иногда не доходит. А у Людмилы

и Тони не было, сами понимаете, времени для этого разбега, ей через два дня домой в Ленинград, так Санкт-Петербург при большевиках назывался. И язык у нее, сами понимаете, какой: скорее британский, чем американский. Ну, он ей про бокс, бейсбол и за талию. Она взглянула в его глаза, разрешила поцеловать. Отправились в номер. Она стала раздеваться. Прямо при нем. Он отвернулся, а она: не отворачивайся, таксист! Смотри на меня, ослепительную и белокожую русскую женщину за границей! Я тебе совсем скоро очень многое позволю, вот увидишь. А Тони глазами хлопает, не понимает. Она теснить его стала: будешь? Он прильнул к ней плотно, задышал глубоко, как рыба. Тогда она с ним попольски почему-то заговорила, а была она в строгой красивой обуви и очень маленькой шляпке с вуалью. И это его задело. Сильно задело. Он даже кожу на пальцах содрал, окно выходило на Мэдисон — вот как это все его всколыхнуло.

Прошло несколько десятилетий, как проходит ночь после индийского ресторана: с отрыжками, не надо было этот сладкий йогурт брать к курице (а скорей всего, просто голубя забили на карнизе и в кастрюлю сунули, разговор короткий). Тони успел жену бросить за это время. Все ждал, когда тов. Буторенков приедет, не забыл ее тепло. Приехала-таки, а что, обещанного не только три года ждут, но уже в звании подполковника, редкость для дамы, но не небывальщина, может, может им женщина быть, подполковником! Старые связи, сколько воды, общество с ограниченной ответственностью, зам.ген.директору жупан повали, чтоб не летал так высоко над чужими курениями, мало ли.

Встреча. Сидят, он за это время русский подтянул только за то. Неловкая пауза.

И вдруг: началось со свиста, а кончилось взрывом. Да нет же, не террористы, просто какой-то прибор полетел в котельной. Очень перепугались оба.

Тони и Люда сейчас во Флориде второе кафе открывают, флажки на канатах трещат на ветру, любит он ее безумно, безмерно. На руках носит, не одетую, в спальню и назад, в спальню и назад, и часто, а ей за шестьдесят уже. Она к нему с Пастернаком, Ахматовой, более современными авторами... Но об этом после эспрессо, маэстро!

* Нью-йоркская баскетбольная команда.

КАК ТОЛСТОЙ ШЕКСПИРА НЕ ЛЮБИЛ

Это все из школьной жизни. Однажды мама надела шляпу и убежала вон из квартиры — так она торопилась в школу. В автобусе она упала в обморок — так там было душно.

— Кто это? — спросили у папы в морге.

— Не знаю, — пожал плечами тот и сел на велосипед.

Тем летом мне стукнуло пятнадцать. Ритка меня любила и позволяла вольности. Я ее за это игнорировал, грубил ей:

— На... ты мне нужна такая?

— Какая? — спрашивала она томно и не отпускала.

Мама пришла в себя только на конечной остановке — площади Льва Толстого. Он «Хаджи Мурат» написал и еще что-то против Шекспира. Не любил дедушка авторитеты. А я его не любил. И сочинение на тему «Ростовы, кто таковы?» из принципа не написал. Поэтому маму и вызвали в школу.

— Не напишет сочинение — аттестат не получит, — сказала маме преподавательница русской литературы и языка, лысеющая и неопрятная Анна Абрамовна Гершензон тоном, не терпящим возражений.

Папа выехал из морга в подавленном настроении. Шутка ли! А тут еще неприятности на работе: новый начальник его недолюбливал, старый оказался не у дел. А знаете, кто в морге перед папой лежал на столе с номерком на ноге и скверно пах? Никогда не угадаете. Готов спорить на всё, что угодно.

Гершензонша была по уши влюблена в военрука. Он ей чем-то напоминал Печорина. Военрук девчонкам указкой мини-юбки задирали, смутить их желая. Он и к Ритке приставал. А я заступился за нее как-то, и съездил ему кулаком по носу. Из носа военрука

потекла кровь и забрызгала весь журнал. Двойки забрызгала, тройки и четверки. А пятерок он никому не ставил. Строгий был. Прозвали мы его купцом Калашниковым.

После этого случая маму снова вызвали в школу.

А я в тот момент сидел у Ритки и курил «Марльборо». Сначала она танцевала под «Червоны гитары», потом сняла трусы.

Маме в автобусе сделалось плохо — там была страшная духотища и давка.

— Не знаю, — пожал плечами папа и сел на велосипед.

— Ростовы, кто таковы? — строго спросил военрук у мамы и звякнул маленькими шпорами.

Меня чуть не исключили из школы за хулиганство.

«Не задирай носа», — пели «Червоны гитары».

Я выпустил дым и чмокнул Ритку в попку. Она хихикнула.

Папа выехал из морга в несколько подавленном настроении.

А знаете, кто перед ним лежал в морге с номерком на ноге и плохо пах? Сдаётся? Великая русская литература, вот кто.

Это все в начале семидесятых происходило. Клещи тогда носили, туфли на платформе. Политический климат в стране был, сами помните какой, но летом у моря сидеть было приятно, читать себе научную фантастику, остросюжетные детективы или в бадминтон играть.

А с Риткой мы вскоре поженились. У нас двое детей. Старший уже кооператор, младшая — поэтесса. Знаете: «Прошло время ногами крылатыми, по местам разным, по утробам, по матери»? Это ее. У нее скоро книжка в Москве выходит.

А из школы меня тогда не выгнали благодаря усилиям папы. Из морга (в обоих случаях) он направился напрямик в школу, где и рассказал Гершензон и Калашникову всю эту историю.

Ну, а что было дальше вы уже знаете: и как мама шляпу надела, и как она из квартиры убежала, и как Толстой Шекспира не любил.

СОСИ МОЙ ГАЙ

Меня (меня!) уже приглашали расследовать это темное и запутанное дело, но я благоразумно отказался, сославшись на занятость, хотя это было явной ложью: ничем особенно я не занят. Уже скоро год с тех пор, как я похоронил сестру и ее медвежатника-мужа (двойное самоубийство), ничем особенно я не занят. В Рим вот съездил недавно, вид из ресторана на собор Св. Петра бесподобный, булочки на завтрак с моцареллой свежайшие, а так, ну чем я занят? А благоразумно, потому что у следователя, который прибыл к нам из города Стоктона, штат Калифорния, оказалось серьезное кишечно-желудочное расстройство (он два часа сидел в туалете, где, простите, громко пердел и стонал, мне Николь доложила, а в этих вопросах я на нее полагаюсь) после поездки в Мехико-сити, где он интервьюировал (допрашивал, так будет точнее) бодигардов покойной Шелли Унтерз, голливудской звезды 60-х, бывшей одесситки, хотя говорят, бывших одесситок не бывает, как же, а кто такая Шелли Унтерз по-вашему?

По ее следам (и по своей инициативе) я и прибыл в Одессу, как уже писал, во второй половине сентября, город изменился до слез, на улицах трехэтажно острит молодежь, на Привозе рыба говорить не может, а то б и она острила, в молочном отделе шо б вы мне таки были здоровы шо это за творох он же тает во рте это мед а не творох, но Шелли Унтерз помнят все. Кто и за что пришел ее свояка, этого бывшего квнщика (и почему до сих пор копят небо его собратья по плоскому юмору?), а ныне (покойного) миллионера, а их сейчас как собак, как когда-то партийных работников, так что нет-нет да и задашься вопросом: а не те же ли это, часом, люди? Сидят, молча жуют по кабакам, рядом охрана со свинцовыми

лицами. Из этого города меня семилетним пацаненком увезли в поисках лучшей жизни, но лучшая жизнь — понятие субъективное, то есть всецело зависящее от субъекта, а если субъекту под сорок, и у него ни жены, ни детей, и он детектив, телефон которого отключили за хроническую (третий месяц хроническую) неплату... Короче, если вы не полная дебилесса, а судя по вашим последним интрижкам, тут ситуация спорная, вы должны меня понять, но поймете ли?

Шелли Унтерз, как вам известно, пробовалась на роль Лолиты, но параметры не пустили, она не влезала в кадр. Раскадровка у Кубрика жесткая, принципиальная, у меня подружка была с Кубы, которая, собственно, первая и заподозрила меня в латентном гомосексуализме и, одолжив семнадцать долларов, куда-то пропала. Роды ее проходили трудно, я навещал ее в больнице, знал, что эти визиты ей необходимы, а сестру ее отослали назад, на Кубу.

...захлебнитесь и вы тогда захохотаете этим, этой дрожью и этой оторопью. все валить на это тоже нельзя и нечестно все списывать. мне поклонницы тоже пишут сюда: в кепаре ты чудо как вождлен. как давид донателло почти. от меня одна дважды кст понесла, уже в возрасте, я входил в нее нежно, неистово, когда разрешали, при застое еще, помню как голосила ду ит! ду ит мой гад! симпотная, в адидасах, липко-мокрая вся, но в рамках приличия, мастерская фоменки, призы, фестивали, призы, за ней свояк приезжал, пока она у меня, чудо как своеобразна. Отказать неудобно, согласиться совестно, она у брата Володи Х. Стэна на поминках леденец-то опоп за милую душу. Потом диалог был. Я стенографично, а когда в яйцах зуд как иначе?

— да ну тебя! — это общество друзей охраны природы изголяется (ну им только волю дай, махабхаратам рогатым).

— как сказать, — это я по мобиле с курорта, телку снял, врача, сепарэйтэд, муж-банкир из Дакоты, педофил, я ей: выходи за меня, бяка такая америкосовая, хуже не будет.

— как мертвому припарки, — а это сам Володя Х. Стэн после бури в пустыне, он здесь с усами еще, два ранения, одно навылет, она леденец-то ему опоп прямо на похоронах, а? всюду жизнь, так выходит?

— гляди, накликаешь. я не пугаю.

— мне бабки позарец. мне больше не к кому.

— не зуди.

- в натуре.
- не зуди.
- шо ты чорствый такой у нас.
- всем давать — прощавай, двуспальная кровать блять.
- что ты нечувствительный, что ты чорствый у нас такой?
- туши блять фин. пожар своими способАми. саранча сраная. пришли пожрали.
- только не надо на личности.
- а на околичности? Спроси лучше, у кого она НЕ!
- ну у кого она не?
- у соседского сенбернара она НЕ.
- ну и?
- Охота до собаководства. дуй через плечо, вот что.
- накажи меня бох!
- и накажет.
- соси мой гай.

они должны были в известном смысле если представится такая возможность не откладывая в долгий ящик засучив рукава ставь на попа осторожно крашено смотри не перни разорвать связь автора с контекстом, так пуповину перегрызает группа насытых дважды краснзнаменных людоедов на пленэре, прежде чем умертвить роженицу и чуть позже на спор, на интерес расшибить ребеночка об стену как протухшее крикливое успевшее за две минуты жизни всем поднадоесть яйцо. это практиковалось в платоновских еще пещерах: два-три раза как захучат новорожденным об пол, глядишь художники из слабонервных возьмут ноги в руки — и фьюить к такой-то матери на подводном катере.

ах фьить, фьюить, фьюить —
я красивей многих птить.

(а это кашей брадатый гребень бессмертный на стихи яйценосца мотыгина исполняет — обосрацца)

А еще я получил письмо, но уже от поклонника, и он, среди прочего, извиняется за долгое молчание, и пишет, что все во мне, как у того антона без селезенки, прекрасно: и пенснэ на шнурке, и ствол на стене, и кровохарканье в ялте, и переписка с книпперче, и что мне делать с этим огромным, нечеловеческим бьющим через край ТАЛАНТОМ, я вас спрашиваю — словом, все. Я дале-

ко не на все письма фанов отвечаю, многие просят адрес или с карьерой помочь, а куда? Короче, всем не могу, но тебе, припевочке, помогу. Иди суда ко мне скоренько. Сымай пузгальцер свой, трусики. Раздвинь ноги поросячьи кривоватые с загогулочками сизыми. Не ссы, потом подмоешься. Сказал: потом, не ссы, подмоешься. Потом подмоешься, сначала вот это вот так. Вот это вот так туда. так. Да. О. У. Оп. Гут-мо. Пла. г. Еще пла г! Ч тук дук-дук. Свои. Мы ж тут свои.

ВОЙДОЛЛАЙЛА

Я, кстати, тоже однажды в середине января прошлого г. брел себе тихо-мирно, насколько позволяли темперамент и нога, по означенному картографами участку, очерченному здесь и далее полями, а там ивняком, а там терновником, дело было беззвездной ночью, погодка, доложу вам сейчас, очень мерзопакостная выдалась как назло, следы кругом пугающих размеров, зияющие такие как-кие-то микромогилы невиданных зверей настоящие, а не следы, где-то дерут, соревнуясь, глотки поезда, ветер злющий, кусачий, недостает шаровой молнии, а так налицо все элементы того самого, что финские оленеводы называют войдоллайлой. Войдоллайла (искаж. финск.): брэнность самоощущения такая, что прямо ну ты что! тшета усердий наших, но и силу, ее черпаешь то же самое невесть откуда в количествах, превосходящих на порядок-другой заурядные, — та еще погодка, словом. Воет-завывает ветер. Холод. Мрак. Собаки беснуются, чуть не из каждой подворотни лай их стозевный, эхом помноженный на себя. Колючий снег метет и зашиворот, не продохнуть. Коченеют пальцы ног, ну вы мои валенки нюхали, Нина Анатольевна. Труден путь мой, неблизок, а?

И тут голод на остальном стал сказываться. Я на курсах тогда обучался бухгалтеров. Денежки-то зарабатывать ой как надо, жене помогать на ноги встать, паралич сейчас лечат гипнозом, а он кусается, Сережке ватник сработать, он-то из старого вырос, пострел. Рукава до локтей, сам как воробей, полна жопа левых идей, а парню под тридцать, танцы-шманцы, девахам подбородки при луне лизать не в чем.

Пляжу: на крыльчке клуба ремесел и народных искусств топчется Водопьянова Оля и там же рядом с нею в темноте признаю про-

филь ее всегдашнего спутника Толи Фокина. Я опешил. Как, посудите, в такую погодку забубенную, когда белым-бело и сердце нет-нет да и захолонет от предошущений нехороших, среди которых смерть еще не беда, а так, предбанник, когда из шайки тебя: гопа! — увидеть и не подивиться красавице Оле и другу ее Толе Фокину, хромому уроду и деревенскому идиоту со шрамом от уха до уха, но безотказному, как ни суй, хлопцу, с тридцатидвухсантиметровым рашпилем в полной боевой и политической готовности и двадцатитрехсантиметровым в состоянии полуротдыха между одновременными сеансами, когда перерыв или же когда противоположный нам пол хрипит: хватит, печет же, говорю, похабник набитый. Оля стоит к Фокину спиной, и он любит ее, как любят Бога, Брамса или же родную сторонку в лихую годину интервенции. Я поздоровался. И правильно, между порчей, сделал. Потому что Толя и мою жену не обходил мужским своим пахучим вниманием, пока она на инвалидном кресле подавала на стол, а я плясал на одной ножке (я тоже, кстати, персональный инвалид, уже три года), праздник — вот и плясал. А на том наша брака-кака (так жена-сюсюка называла наш союз) и держалась, ведь я заниматься должен был, считай, круглосуточно, а ее пысь-мохнатовна не ждет, затаюсь, когда я справку, что, мол, кончил на бухгалтера на руки получу, ей в настоящий момент внутри чтоб разливалось надо и чтоб стенки мамки в тепле содержались тоже. Природа! Короче, тут Толя незаменим со своим рашпилем и сделался для нашей ячейки общества, а если не поздоровкаешься с ним, он и обидеться может, и не поеть мою на масленицу, и в лицо ей на Старый Новый год из мясной шампуси не брызнуть, как водится на праздничек, значит. А тогда — пиши пропало, друм-друм, тогда она, считай, за мной по избе жужжать в кресле будет, руками муди хапать, палка о двух концах, а? Причем, один непременно чтоб у ней запрятан был. И тут начинается сама непосредственная история.

У нас сосед был, по кладбищенскому делу первый человек, надгробные камни работал, пел тебе и по-иудейски, и как муедзин. Всем хорош был, вот только не имелось у него гравия для могил в ненастье. А надобно вам сказать, что гравия для могил, когда сверху лиет или же сбоку сыплет, необходимо в количестве очень большом. Как он гравия находил, одному Провидению ведомо, но только, когда захоронение происходило в резко противоположных чел. Духу и Разуму условиях (войдоллайла) гравия он все-

гда находил и проблем с гравием у него де факто не было ни малейших. Что и позволяет нам перейти к основному предмету.

Жена. Женщина, 43 года, розовощекая сюсюка, тугая на вкус и маленькая у нее пипка. Ноги не ходят, ну и ничего непоправимого тут не вижу. Гулять меньше будет. Я когда в нее залезаю, даже не знаю, там я уже у нее или только рядом покаместь. Что льстит, но и конфузит. Всегда сдается, что деву пердолю. Вышивала, вязала, готовила, и наша брака-кака была нам очень даже как у остальных. Но! Инцидент. Кран, балка, арматура, бетон, инвалидность. Переезд. Два инвалида. Новый коллектив. Мужское достоинство в опасности. Дети уступают место в транспорте. А год назад и не думали. Из-за ноги или, напротив, лысины? Кто скажет? Я скажу: красивая старость — сказки для идиотов. Кончу курсы — и снова жинку буду имать, пипу маленькую ублажать, себя у времени воевать.

Я. Мужчина. Ботаник, 49 лет. Работал в школе, подрабатывал на стройке, авария, кран, арматура, балка. Пришлось уйти, переехать. На границе с Финляндией сейчас, где — не имею права об этом. Засекречены мы.

Ну и сын, Сережка, 26 лет. Непутевый. У других уже внуки, у нас — дебил какой-то. Подозреваю, что не от меня. Или голубой. Или и то, и то. Может быть, поэтому мы с ним на ножах всегда?

Теперь за вами слово. Сколько вам лет, пол, национальная принадлежность. Чего хотите от жизни? Зачем читаете это? Секс любите? Пишите мне. Я купил компьютер и хочу таким образом быть менее одиноким в мире.

В ОДНИХ ЧУЛКАХ

Говорят, он убил, потому что приревновал, говорят и другое. Говорят, он просил ее не снимать чулок, она наотрез отказалась, и он задушил, задушил ее чулками!

Наш сосед, американец, хотя фамилия у него русская, Эд Козлов, правда, могли просто забыть поменять табличку на ящике, у нас супер австралиец и сильно поддает, то есть лично я его трезвым еще не видел, а я здесь без малого третий год, так вот этот самый Козлов, бухгалтер, совершил гнусное злодеяние — задушил свою девушку, можно сказать, почти невесту, парой колготок, ее же, кстати. Жертву нашли на кухне, у холодильника, сиңеюшей, с парой колготок вокруг шеи и высунутым бледным языком, зрелище то еще.

Я знал ее. У этого маньяка каждые полгода была другая, но с этой я видел его как минимум год. Он звал ее Чикади, говорили, будто он даже сделал ей предложение. С тех пор как я упал с лестницы, сломал лодыжку и вынужден ходить с палочкой, я больше времени провожу дома и многое подмечаю, правда, не все понимаю и далеко не все одобряю.

Обстоятельства, которые привели к преступлению, таковы. Этот Козлов не одобрял планов Чикади на ближайший год, а планы ее включали все, что угодно, кроме Козлова, она его предложение не приняла, сказала: подумаю, но про себя (я узнал от его клиента) решила отказать. То есть, два-три раза в недорогой ресторан, где ее никто не знает, она еще была готова, но эти чулки, не в этих же чулках, когда он трогает ее пятки своими шершавыми ладонями садовода (он и садоводством увлекался, прыщ в сомбреро, авокадо из шланга поливал, хотя какие

у нас авокадо, одно название, вот в Мексике авокадо — это авокадо), а сам нарочито громко и как-то липко, что ли, изображал пчелиный улей в триста жал...

Они были знакомы полтора года, вместе прожили год. Их познакомила общая подруга (убийца своего грудного ребеночка, тоже, кстати, случай из ряда вон), у которой отец бизнесмен-риэлтор был богатейший человек, а мать некогда известной актрисой, можно сказать, почти телевизионной звездой. Но эта самая почти звезда давно умерла от рака, и взятки не помогли, а дачу продали за копейки, это было еще там, сестра (не хочу здесь о ней) закончила колледж и вышла замуж за теннисиста-меломана, но разве Карнеги-Холл может заменить ласку и хриплый шепот: только не здесь, шалунишка? Никому не заменил еще. Музыка кантри, зимой, когда смеркается скоропалительно, любая музыка, не единственно кантри, лечит хандру почище чая с медом. Она, Чикади, разуверилась в себе, но до этого разочаровалась в нем, а он к этому не был готов ни физически, ни морально. И продолжал ее любить. Он фотографировал ее фотоаппаратом с насадкой. Потом в ход пошли примитивные видеокамеры: вот она на ступеньках пляжа, нога на ногу у фонтана, фонтан бьет, посреди города фонтан, там еще люди жили до войны, но их переселили и фонтан тоже перенесли, так что непонятно, зачем было тревожить людей и переселять, и город изменился до неузнаваемости, просто другим стал. И его решили переименовать. Она улыбалась, растягивая слова. Хотя куда их дальше тянуть. Чулки он просил не снимать, она сама спросила: снять? но сказать «чулки» не сказала, не решилась, а только указала на них, будто чулки непристойным были каким-то словом, матерным. Он ответил скороговоркой: не снимай чулки, не снимай, не смей. Она и не сняла, потом он целовал ее руки в кольцах. И чулки, темные, но не черные, а иссера-коричневые чулки с темными пятнами и, кажется, швами.

Она любила философствовать, рассуждать о Бергсоне, Поле Рикёре, он отмалчивался, не хотел обнаруживать пробелы, а они у него были. Ух, пробелы у него были огромные, беллетристику, допустим, читал, а философией манкировал. И напрасно: философия — та же беллетристика (мир-то бесконечно можно описывать, а он, мир, будто набрал в рот воды и ко всему не меняется), без главных, правда, героев философия беллетристика,

то есть вместо героев перед нами идеи, они разворачиваются вместо событий, укрупняются вместо пейзажей, да и кого сейчас пейзажем ух, удивись, кого с ног собьешь ух ты, приключениями одними. Идиотов разве. Приключения в журналах нам приносят к завтраку журналисты, а в газетах сгорело сто человек в дискотеке в Бронксе ух ты, несчастья кругом одни получают. Кому-то полчерепушки снарядом снесло, потом наращивали специальным способом, кропотливо подклеивали ухо к виску. Или собака нос домработнице из Бирмы изжевала, и губы. А у нас идеи: сущности, перцепции, апперцепции. Он и ее, Чикади эту, и до нее других женщин просил не снимать чулки, кто снимал, кто не снимал, но больше не снимали. Он в кино сидел с одной, ему семнадцати не было, и гладил ногу в чулках, и так ему это понравилось, что на всю жизнь к чулкам стал питать повышенный, что ли, интерес; не хочу тут физиологизмом грешить излишним, но когда он просил (это был своего рода фетиш у него) даму не снимать чулок и потом пальцами и руками, но сначала пальцами садовода, мозолистыми и грубыми, он не хотел чтобы дама, предмет страсти, снимала чулки, то есть все снимала чтоб, а чулки чтоб нет. Еще до нее (и до этой подруги-убийцы), когда к нему из Венесуэлы приезжала одна и они выпивали с ней, крепко выпивали текилу «Мокингбёрд», но он видел, что она притворяется, будто пьяна больше, чем на самом деле, чтобы не так стыдно было снимать трусы, а чулки он просил не снимать. Потом он проснулся в семь, а она, мордашка, спала на его плече, он хотел ее так взять, во сне, все равно как теплую мертвую, но живую и в чулках, но она их успела снять, а он не заметил когда, и поэтому не взял, только трогал, там, где чулки и трусы у них обыкновенно. Лифчик и бретельки, он платье задрал ей (подруга-убийца сидела на даче под Москвой, где у них был участок, он еще сигареты возил ей из Штатов в самом начале реформ, когда с куревом дело швах было, обои обдирали на бумагу, кромсали чулки на табак, набивали колготками и курили, — и то сказать, курили, — делали вид, а сами кашляли как туберкулёзники в санатории на Пролетарском (тоже делали вид), когда заходила, допустим, это гипотеза, медсестра в белых чулках, на минуту, будто дверью ошиблась, но эта минута оборачивалась високосным годом, они встречались, и он ни разу не просил ее не снимать чулок, она же сама все видела своими гла-

зами и не снимала. Ажурные чулки, такие точно у красивой преподавательницы зоологии были, как он любил за ней наблюдать из-за скелета собаки! В щель между ребрами гончей. И чулки между ребрами тоже в щель, ажурные (сестра сама ребеночка выкинула, сломала ребра, смертельный исход, муж пришел, а она невменяема, дрожит, крестится и матерится, и на даче отсиживалась, потому что был объявлен всесоюзный розыск, искали по всему городу, и нашли, ордер на арест был выписан, но доказать ничего не доказали: пропал ребенок и пропал, выкрали). Ее слово против слова мужа выходило, а он второй год не работал и ему характеристику местком на чулочной, кстати, фабрике ту еще дал. И она сильно в нем разочаровалась. То есть попросту перестала любить. А он не готов был и продолжал покупать ей туфли специально на размер больше. Он ее ноги очень любил трогать и нюхать через специальное отверстие в устройстве для ног, она смеялась: шекотно, а что шекотного, терпи, коза, мать твою перемать.

Эта его мнительность, эти его патологические фобии выводили ее из себя. Даже после самой скучной вечеринки, которую хочется забыть и не вспоминать никогда, зря только вечер потеряли, он мог на протяжении часа за субботним завтраком докучать ей детальным анализом жестов, реплик, взглядов гостей, имели они к нему отношение или не имели. Нинка, та на парти танцевала роботом, все просили: Нинка, роботом давай, ты ж умеешь, а, Нинка? Нинка для приличия отказывалась, а потом ух как шла да роботом, эх как шла да роботом, роботом да роботом и обратно роботом. И вприсядку роботом, и коленца роботом, слэмом-спэмом роботом, роботом-колесом. Тупорылым роботом, лупоглазым роботом, футуристом-роботом, роботом-колесом. На мосфильме роботом, на ленфильме роботом, в голливуде роботом и в талмуде роботом. А на стуле да на столе девки ели оливье, роботом-роботом, ой да что ты, роботом. Мужик на бабе роботом, на зазнобе роботом, на моей да роботом, и на твоей он роботом. Мокрым-потным роботом, скорым-спорым роботом. Ровно в полночь роботом. В 3:09 роботом. В 6:15 роботом. И в 7:40 роботом. А на стуле да на столе девки ели оливье. Роботом, роботом, самым главным роботом. Роботом, роботом, сильным, смелым роботом.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Джо «Крепкий орешек» Финк с задержками, полупорожним товарняком добрался до города, где он, по словам Дианы «Зябкаль тебе девица» Нойз, в детские годы хуем груши околачивал. У них был небольшой садовый участок. Кулаки у Дианы были крепкие, румяные, в фойе кинотеатра «Смена» пломбиром баловалась, а ему глаза закапали, не поймешь, кто там в главных ролях, кто в эпизодах.

Джо шел по незнакомому городу. Под ноги с карнизов что-то сыпалось. «Где ж/д, не подскажете?» — остановила его хромая девушка в брючном костюме. Он не понял, пожал плечами: «Это вас нужно спросить». Она на него уставилась, будто рукоятка от мясорубки у него из уха торчала.

Джо зашел в темный дворик. «Мальчик, где тут такие Люсик и Всеволод Пакчаяны живут?» — «Так это ж мои дядья!» — мальчик с балкона чуть не слетел. «Шутишь?» — «Бля буду». И мальчик сбросил ему связку ключей с запиской: «Поднимайся, скоро будем, не скучай и мальчика, и мальчика не замечай».

Мальчик молча откупорил бутылку «Курвуазье», тяпнули по одной, тяпнули по другой, потом в последние слова играть стали.

- «Больше света»?
- Эдисон?
- Гете. «Вон отсюда»?
- Маркс.
- Правильно. Кант?
- Не знаю.
- «Хорошо». Абеляр?
- Не знаю.

— Правильно.

Вконец Джо запутался. Налили по третьей.

— Люсик у нас комсоргом был, а с Севкой мы вообще... — сказал Джо.

Пришли Люсик и Всеволод, постаревшие, стали про Америку расспрашивать. «Ну что Америка, — отвечал Джо. — Америка как Америка. Что у вас тут?» Люсик и Всеволод крутились как могли: купили дом на Паскудова, выселили пенсионеров, первый этаж под банк сдали, но банк прогорел и этаж пустовал. Где-то на поллимона залетели. Люсик что-то вспомнил, исчез в спальне, вернулся с чашкой в форме биде, из которой Диана когда-то любила чай пить.

— А сама леди Дай как? — спросил Всеволод.

— Кому как, — сказал Джо. Три года назад Диана ушла от него к известному художнику-активисту, который неделями нагишом на полу галереи просиживал, питаясь одними хот-догами в окружении тикающих будильников, а под конец перформанса обмазывался горчицей и предлагал посетителям полизать. Многие отказывались, Диана не устояла. Будильники показывали точное время в столицах стран «большой восьмерки». Жемшича, или как его, даже на биенале в Белград приглашали, так он был актуален.

— Опаньки, — сказал Джо. — Я же на кладбище собирался.

— Не рано ли? — воскликнули Люсик и Всеволод.

— Мне к дяде Коте.

Дядя Котя был заядлым курильщиком, но дотянул до девяносто шести лет. Последними его словами были: «Столько не живут», — почему-то решил Джо. Памятник оказался у кладбищенской стены, могила заросла крапивой, следить за ней было некому. Кого бы попросить, подумал Джо. Мальчика?

По кладбищу в поисках родственников бродили иностранцы с букетами георгин, и Джо ощутил себя частью сложной машины для ностальгирующих некро-номадов: здесь дядя лежит, а там его дочь, а тут первая любовь, а тут вторая. Так он Люсику и сказал. (Всеволод остался дома обед готовить).

— Будь проще, Жорка, — ответил Люсик.

— Еще проще? — спросил Джо и увидел Диану Нойз.

«Чертова кукла», так прозвал Диану Нойз папа-альпинист доктор Кох. Кох-то Кох, да будь сам неплох, подзуживали его коллеги по Эльбрусским пикникам. «Лучше гор могут быть только го-

ры», пел старый маразматик под Высоцкого со товарищи. А Диана своевольность выказывала еще в младенчестве. Златокудрым ребеночком вопила: «Не хочу голубой костюмчик, хочу розовый!» И одевали как миленькие розовый. А он? Заполз год назад на башню Койт в Сан-Франциско, звонил ей оттуда, поживаясь, из автомата. В ответ ни гугу. Почему не ответила? Он же и трахал ее периодически, и подарки дарил, скромные, но от души. В Европу возил, на фестиваль в Верону и в Зальцбург...

— Диана?

— А, привет, Джо! Знакомься: Джо — Жемшич. Жемшич — Джо.

И из-за памятника папе Коху высунулась бритая голова в модных очках.

— Гуд ту мит ю, Джо. Кул плэйс, ха?*

— Жемшич хочет тут арт-интервенцию замутить, — объяснила Диана. — Контекст дискурса нащупывает.

— Прямо тут? — спросил Джо. — Кул.

«Какого хрена я отдал пять лет жизни этой арт-дуре? — думал Джо в пакчаяновом “Лексусе”. — Мог жениться на ком угодно. Тогда это было просто. Все были чьи-то знакомые или родственники. Собирались на даче, играли в бутылочку, танцевали».

— А как там, кстати, наш Гарик? — спросил Джо. — У него еще сестренка была, подметки резала на ходу.

— А что тебе его сестренка, старый ты греховодник? В Москве наш Гарик, крутится. А с сестренкой, конечно, полный абзац вышел, — и Люсик стал оживленно размахивать руками. — Одолжила сестренка лимон под высокий процент. А партнер ее, кстати, тоже американец, к здешним заморочкам оказался, прямо скажем, не очень...

И тут их что-то сильно стукнуло и подбросило, и развернуло, и заставило перетечь в другое пространство, чуть ли не вечность усеченная их поглотила, выдавив мозг и раскрошив, и невесть откуда вдруг всплыл зоопарк в жаркий полдень, где ты и зритель и экспонат, где за небольшую плату тебе дадут горстку сухого корма, дадут посмотреть (на себя) и погладить (себя же), и потрепать по загривку (тоже себя), а у входа женщины с серьезными лицами торгуют пыльными арбузами и вырезают из них треугольники,

* Приятно познакомиться, Джо. Здесь клево, а?

и подносят на пробу на острое ножа, только фиг их попробуешь, только губы изрежешь.

Хоронили Джо и Люсика под проливным дождем. Всеволод прижимал к себе мальчика, мальчик всхлипывал, повторял: одна вещь является тождественной другой не по сущности, а в силу их безразличия... Между могилами мелькали зеленые кроссовки Жемшича. Жемшич снимал похороны на цифровую видеокамеру в режиме мягкой фокусировки, а Диана с раскрытым зонтом трусила за ним следом и переводила прощальные слова и молитвы. Дискурс будущей интервенции обретал новое наполнение.

КОТ-ДОГИ

— Не кот-доги, а хот-доги. Это сосиски такие с кетчупом и капустой. Ими у нас на каждом углу торгуют. А кот-догов вовсе нет никаких.

— Да знаю я. У меня друг в Чикаго миллионером.

— Что ты!

— Инто!

— И каким же образом он разбогател, этот твой друг?

— Инто, наипростейшим. Унаследовал капитал.

— И что, не приумножил?

— Инто, может и приумножил, почему я знаю? Он что, со мной делится?

— А на чем отец его Папа-Фаза сделал деньги тогда?

— Начал с того, что разносил пиццу. Пошло дело. Разнес еще одну. Нанял тараканов, у нас так разносчиков пиццы называют. Теперь они разносят. Потом разнес пиццерию. Еще одну. И еще.

— А сам чем промышляешь?

— Пишу рассказ о дяде Шлаве Бедеккере.

— Это основное твоё занятие?

— На сегодня, пожалуй.

— Платят нормально?

— Не жалуюсь.

— А что за имя такое — Шлава?

— Кличка. Его Славой все звали, но он шепелявил и согласные куда не надо всовывал.

— Инто же там происходит такое, фабула?

— Двое отправляются в Рашку на заработки. Один исчезает, другой ищет.

— Находит?

— Находит-то находит. Но лучше б не искал. Там, блин, такое наворочено...

...фрагмент беседы двух пассажиров на автобусной остановке в греческом городке на берегу Эгейского моря. Время 9:52 утра. Автобус с надписью Plotin (именно так) задерживался. Группа студентов держала полиэтиленовый мешок с пивом в луже. Припекало.

Сначала был с женщинами. Потом понял, что с мужчинами проще, а удовольствие примерно то же.

Проводишь в школе 10 лет. Приходишь чистеньким таким круглолицым мальчуганом. Уходишь худощавым онанистом с бакенбардами и нездоровым цветом лица.

— Ergo?

— Инто, а не эрго: если бы знать.

И еще сюжет, альтернативный, вроде как римейк «Эдипа-царя», но без мата. Гадалка предсказывает, что дядя Шлава погибнет от руки сына. Дядя Шлава бросает всё, включая семью, едет в Америку. Инто вы думаете?

Дядя Шлава Бедеккер, сухопарый человек с лицом саламандры, по-мужски привлекательный, хоть и начисто лишенный бровей, уходил в отпуск в сентябре. Возвращался в середине октября, бродил по улицам в гордом загорелом одиночестве. А в мае он помог нам переезжать на дачу. Как-то дал задний ход у трамвайной линии, стукнул какого-то пидора в «Москвиче», тот выскочил из машины, хотел вытащить из зажигания ключ, но дядя Шлава вцепился в связку мертвой хваткой, и кранты. Таким я и предлагаю его запомнить: в «Жигулях», с играющими скулами и стиснутыми зубами или напротив «Военторга» с задорным криком «Кому мороженое?»: дядя Шлава, я, кажется, не успел сообщить, был мороженщик.

Тот самый, о котором делала мультимедийный проект покойная Карен Фрост из Наксоса, та самая, что переписала текст с учетом греческих реалий, так легче было выбить под это дело грант:

Грек-мороженщик запирает на зиму лавку, он еще подрабатывает таксистом в Афинах. И вот, приземлившись, он ловит такси, его узнает коллега, тоже мороженщик или парикмахер. Остров-то курортный. И отказывается брать плату за проезд. Ссора, но пошли опрокинуть по стаканчику узо на пл. Стигмата и дальше не хочу писать. Не хочу писать, не хочу притворяться Карен Фрост, не хочу. Не обязан. Карен Фрост, какая еще Фрост? Та, что деньги дает ф рост.

На острове необходимость в собеседнике становилась все менее насущной, а необходимость сравнить не дающего спать ночью комара с мотоциклистом без коляски, шлема и водительских прав, но с хоботом и жадной крови моей горячей — наоборот.

Вы меня знаете? То есть, знали? Помните? То есть, запомнили? Я здесь своей индивидуальностью наследить успел, но и знание традиции обнаружил? Вас, засыпающих у компьютера, растормошил? Женщину из ландромата в оранжевом летнем платье со-блазнил? Да, да, нет, да, нет, да.

НА ВОЛГЕ

Марине Георгадзе

Лицо моего приятеля и дальнего родственника Льва Борисовича? Ну разве что верхняя часть его: невысокий лоб, тонкие, сросшиеся на переносице брови, немного рассеянный взгляд, всматривающийся в уже тронутый желтизной левый берег Волги. Нижняя часть лица запомнилась хуже: дрожащий ли от наплыва чувств подбородок, легкая ли усмешка чувственных губ? Боюсь соврать.

Сразу же после кризиса он, по настоянию друзей, отправился в восьмидневный круиз до Нижнего: посмотри, на кого ты похож, отдых на судах речного флота — залог здоровья и хорошего настроения, нашел из-за чего в петлю лезть, а закаты, закаты там какие! Но миновали Степаньково, и уверенность в правильности сделанного выбора сама собой сменилась неуверенностью в правильности сделанного выбора: холодно на реке. Однако об уверенности в неправильности сделанного выбора говорить пока было рано, и он усилием воли подавил в себе желание попроситься на втором шлюзе на берег и вернуться электричкой в Москву. «Подожди, милый, до Углича», — сказал ему ласково внутренний голос, и, вопреки своему обыкновению, Лев Борисович внял ему.

На главной палубе демонстрируют глупую французскую кинокомедию. За сюжетом следить претит. И это все, что Волга заслужила у нации, давшей миру Новую Волну?

Первую половину отпуска Лев Борисович провел у тетки в Одессе. Там ему попались на глаза: дом, где прошло его детство, бабочка-капустница и насекомое «солдатик». При виде последнего он обомлел. «Солдатики» он не видел лет восемнадцать.

— Не понимаю, — говорил он старушке, глядя с балкона на новобранцев, марширующих под желто-голубым флагом, — почему

«Госпожа Бовари» Шаброля прошла в Европе и Америке практически незамеченной, несмотря на блестящую актерскую работу Юппер, в то время как «Госпожу Бовари» Сокурова почему-то признали вехой. Ну почему?

Внизу во дворе бегали худые дворняги, на асфальте сидел крупный мужчина с бородой. Он что-то кричал своей жене, высунувшейся из окна первого этажа.

— Если это веха, — говорил Лев Борисович старушке, — зачем тогда жить, мучиться, страдать, любить, наконец?

— Жениться тебе надо, Левушка, — отвечала ему тетка.

В дорогу дала она ему банку варенья из айвы.

По возвращении в столицу Лев Борисович Нечитайло, работавший, кстати, бухгалтером в журнале «Искусство кино», купил батон за сто сорок рублей, сливочное масло за четыреста, потом дома, сев на табурет на кухне, соорудил пять бутербродов с маслом и вареньем и съел их один за другим. Затем он смахнул с пиджака крошки хлеба, достал из ящика кухонного стола толстую веревку, сделал из нее петлю, выпил всю заварку прямо из чайничка, чтобы приободриться напоследок, потом отнес табурет в гостиную, тяжело дыша взобрался на него, перекинул веревку через крюк для люстры — люстру у него украли еще в 89 году — просунул голову в петлю, затянул петлю потуже и оттолкнул ногой табурет. Табурет угодил в сервант. На шум разбитого стекла сбежались соседи. Вызвали милицию. А надо бы «скорую».

— Ну, это еще не депрессия, — сказал милиционеру Лев Борисович, вылезая из петли, а потом добавил: «Madam Bovary — c'est moi» и попросил милиционера внести эти показания в протокол. Так последний и поступил, а затем ударом ребра ладони по шее успокоил неожиданно бросившегося на него с кулаками горе-самоубийцу.

— Merde! — воскликнул Лев Борисович и, присев на корточки, заплакал от стыда, боли, унижения, бессилия, ощущения безысходности и еще Бог знает по каким причинам. На этом с ним, наверное, можно было бы и распрощаться, но от себя хотелось бы добавить буквально два слова о его путешествии по Волге.

Оказавшись в каюте 3-го класса, он мигом доел тетино варенье из айвы и, растянувшись на койке, подумал, что в каюте значительно теплее, чем на палубе. Потом он принялся философствовать. «Как организм реагирует на внешние раздражители? — ду-

мал Лев Борисович. — Очень просто: когда как. Когда сужаются зрачки, когда учащенно бьется сердце, когда приливает кровь неудобно даже сказать куда». И тут наш герой отчетливо ощутил, что был он счастлив. Причем счастлив каждый день своей жизни. Даже, как это ни странно, когда в петлю лез.

Что, в сущности, нужно человеку? Всего ничего. Два-три шлюза. Город детства, откуда все, кроме тети, разъехались кто куда, однако на бульваре бабочки по-прежнему порхают как ни в чем не бывало, «солдатики» ползают, а голуби поднимаются в воздух с резиновым каким-то звуком — его на бумаге и не изобразишь толком.

«Если все несчастья от головы, — думал Лев Борисович, — то и счастье тоже, наверное. Ему, оказывается, можно научиться». Правда, он лично ухлопал на это дело полжизни, но полжизни — это ведь еще не срок. Это только полсрока.

Скоро Углич, и уверенность в правильности сделанного выбора сама собой сменилась уверенностью в отсутствии необходимости делать выбор вообще за неимением последнего в природе. «Да — громоздко, да — канцеляризм, но зато правильно», — решил Лев Борисович.

На обед в ресторане на главной палубе подавали: щи, котлетку с рисом и компот из сухофруктов. Лев Борисович был счастлив.

УНИКАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

1.

Старший брат прислал младшему брату билет, чтобы тот в Америку ехал, их отец не хотел уезжать, и брат поехал один. А американский брат не очень хотел, чтоб отец ехал: они не ладили, у отца был тяжелый характер, и рука, и трахома, а с трахомой в Америку не пускали. И поэтому, когда отец сказал: «Никуда я не поеду, поздно мне жизнь начинать с начала», старший брат особенно не горевал. Младший брат, Айзек, по-американски не говорил почти, только гуд-май, гуд-май, это его в дороге какой-то мишуга-социалист из Винницы обучил, означает: добрый день, братья трудящиеся, с наступающим праздничком весны вас!..

И вот пароход их причаливает к берегу, дождь мелкий идет, а дома все большие очень, он таких раньше ни разу не видел, откуда им в ихнем местечке взяться? Но еще больше больших домов поразило его множество евреев на пароходе и особенно на берегу — румынских, польских, всяких. Он даже сначала подумал, что попал в то самое древне-еврейское государство, о котором ему рассказывал дед, тот, что не вернулся с русско-японской войны.

2.

Здесь и далее будет множество элементов жителя-бытия, не в вакууме живу потому что, а прямо и налево, но все же радикальной хочется чуть-чуть, замысловатей, узнаваемость — это на потом, это на сладкое, ну вот, допустим, хороший человек, без ума от детей, но пристрастился к спиртному и очень вследствие этого опу-

стился, да так, что даже близкие от него отвернулись, — это понятно, чего тут распространяться, депрессия у человека или подруга ушла к другой. Ну а вот, скажем, отличный семьянин, но спит с соседским сенбернаром, делает ему дорогостоящие подарки (намордник от «Картье» на Рождество приобрел элегантный, поводок из серебра 85-й пробы от «Тиффани» на Национальный День Четвероногого Друга) это уже не так понятно, без пояснений не обойтись тут. Другими словами: нестандартные ситуации, асоциальные персонажи и новые психо-географические ландшафты требуют более подробных описаний и детальных мотиваций. Т.е. «Целую, люблю, всегда твоя сисиська» — это любовью поймет, а «Ненавижу, убью суку и подпись: твое исчадие ада» требует большей детализации или, как однажды не вполне аппетитно, но довольно образно выразился некий московский виолончелист, завсегдатай ресторана «Славянский базар»: гм, этой самой люля, милые мои старшеклассницы, надоть еще ха-арошенечко разжевать ейные соки-моки.

3.

Дедушка в молодые годы был футуристом. Не таким известным, как Бурлюк или Маяковский, но тоже не без имени. Авербах Соломон Осипович, так его звали, а для меня он всегда был русским дедушкой Соллом. До Первой мировой дед Сол писал манифесты об интуитивном начале, о вечном беге «я» от «не-я», о кляче истории, плетущейся позади каких-то аэропланов жадных душ; к ужасу толстовца дяди Наума обзывал яснополянского старца светской сплетницей и грозился сбросить с паровоза истории прямо на железнодорожное полотно; расклеивал по Москве листовки перед визитом крикливого Маринетти; разгуливал по городу со сморщенным пучком редиски в петлице засаленного сюртука — словом, раздавал оплеухи общественному вкусу налево и направо. Доставалось и своим. Отбил (ненадолго) невесту у Бенедикта Лифшица, о чем впоследствии сожалел. Выиграл в железку монокль у Бурлюка, вернул его владельцу через 10 лет уже в Нью-Йорке и так далее. После того как Лифшиц ушел на фронт, Бурлюк намылился в Японию, а оттуда в Америку, а Маяковского с потрохами проглотила революция, дедушка Сол стал рассуждать

так: воевать я уже воевал на русско-японской, больше не тянет, к большевикам тоже не тянет — в рай на земле я что-то не особенно верю, посмотрите, что сделалось с этим мишугой (так в семье прозвали старшего брата, марксиста-каторжанина дядю Зиновия). Поеду-ка я тоже в Америку. Не устраюсь футуристом — выучусь на портного... Вот и Малка (так звали его молодую жену) пристаёт: бежать отсюда необходимо срочно, пока не взяли за одно место, здесь нам жизни не будет, ты что, забыл Кишинев? А младший брат Моисей, тот что играл до войны у Корша исключительно героев любовников, — ни в какую. И после войны, с которой вернулся седым и перекособоченным, — тоже ни в какую. «Ничего, — бодрился Моисей на перроне. — Не все ж Ромео играть. Пришло время себя в Ричарде Третьем попробовать. Кому зима тревоги нашей, а кому в Америку, за кашей!» Он любил экспромты. «Ты только смотри, чтоб не бедного Йорика. Там роль очень маленькая. И без слов». И Соломон потрепал младшего брата по небритой щеке.

4.

Тут главное сразу же, без проволочек, выявить, сволочи ли они. Тут одно необходимо понять: поджигатели ли они, бунтовщики ли, агитаторы, зарящиеся на чужое, или чужое — это на самом деле, как утверждают ихние профессора-социогенетики, хорошо забытое ихнее? Лудитты ли они, бандиты ли, на миллионы воротил наркобизнеса швыряющиеся песком-рафинадом в хорошо налаженный и бесшумно, хоть и порой вхолостую, работающий механизм государственной машины. Нашей с вами машины, дамы и господа налогоплательщики. Кормящей матери наших отцов, что подставляла и подставляет под жаждущие уста Ромула и Рема сосцы правосудия и законности, историю не забыли еще? Э. Гиббона? А? То-то. Разорители гнезд наших, и не в параллельной реальности, а тут, под носом у нас! Немедленно прекратите вашу разрушительную деятельность, ублюдки!

Кто вы? Вас не увидишь в новостях CNN и FOX News, вас не услышишь по радио. Вы не выгуливаете ваших чао-чао, одновременно распекао, да, распекао бестелесных бойфрендов по мо-

бильникам. Вы сокрыты от взоров, как маленькие грибки между пальцами ног усталой уборщицы пани Милены, что временно поселилась у свояченицы в Вильямсбурге, там дешевле продукты и легче с языком. Будьте же прокляты тогда! Дураки несчастные!

И то: яйца ихнему атаману облизать облизала до воистину миллиардного блеску девочка красивая с упругостями и впадинками. Потом она оседлала ея, задали плетей. Она постанывала, но аккуратно так, она не изошли, задержали. Он накрыл ея лобок ритуально тряпкой лобковой, ажурной, домашней вязки, что баба Хилина из Осло вывезла с риском для жизни и прочими ценностями. Стали поджигать по краям. Она заголосила в страхе еще громче прежнего, пуще раннего. Она тогда осторожно так ввели многочлено в ея рото-поло. Ее братец-шпагоглотатель наименования определять возбрал им раз навсегда. Либо-либо, сердитой. Налегли, но не на весла же, на омлет из одних белков анемичный, отдуваясь за всех: жарко.

Тогда так было: кто отбил ее от жизни взახлеб, преднамеренно: так? Сам Kolchak. А точнее — дурак-членовредило мамино. У нее же пятки красивые, в каждой, считай, по влагалищу сокрыто, как мышка-ворушка, но без зубьев без ихних, без резцов. Это не бред, я сам видал, есть свидетели. Это из жизни-болванки. Выдумывать не приучен. Пишу натуру, но чуть красочнее, чем она, с композиционными тоже излишествами и перекосами, и потом еще, чтоб в продажу пустить это. Я пишу, чтоб вам жилось легче далее, когда ни меня, ни смерти не будет уже почти. А впрочем, живите как знаете, едоки лотоса. Скоро уже. Скорее даже, чем в прошлом предположительно.

5.

Однажды знакомая сплетница-барабанщица из постфеминистской команды Attaboу сообщила мне театральным шепотом на сорокалетии у адвоката Джона О'Райли, что Костина прапрабабка была той самой полугречанкой, на которой в молодости был женат И.А. Бунин... Не знаю. Не знаю, откуда у этой смазливой дуры, так и рвущейся из декольте при виде мало-мальски грамотно

прикинутого холостяка (и я не только о себе, но и о Джоне, хоть он и женат на очаровательной Дороти П., а также о самом Косте), такие сведенья. Действительно, откуда в роду одесситки Анны Цакни, впоследствии де Рибас, мог появиться праправнук Коста, к тому же стопроцентный грек, к тому же торгующий (точнее, торговавший) газетами на углу Хаустон и Томпсон, неподалеку от моего любимого тибетского ресторана?..

6.

Бедный Коста! Когда его, взлохмаченного и полуголого, нашли на Кони-Айленде, придавленного дверью телефонной будки, с ужасной двухметровой трубкой в стиснутых зубах и птичьими стеклянными глазами, крики мальчишек: «Сахарная вата здесь! Ледяное пиво тоже здесь!» действительно были здесь, а не там, куда направлялась в те минуты его душа. Женщина-змея с девочкой-ящеричкой нашли его во время ланча. Змея в изумрудного цвета трико открывала дверь в будку, мысленно готовясь опустить горячий «квотер» в щель автомата и набрать пейджер санитару-мужа, дабы обсудить с ним детали предстоящей увеселительной поездки по Гудзону, и тут малютка ящеричка как заверещит: «Мам, глянь! Клоуна замочили!». Змея чуть сэндвичем не подавилась — так поразила ее эта картина. Нос и парик покойного особенно. Она и позвонила — в участок, разумеется, не мужу. Ну, те в два счета: протокол, змею, свидетелей... Ящеричка о своем нинтендо даже позабыла, всю субботу прохныкала, заснуть не могла. Шесть лет, они очень чувствительные в этом возрасте. (У Косты детей не было: «Не хочу брать ответственность за чью-либо жизнь в мире, который не вселяет ни уверенности, ни надежды». Его слова.)

7.

Что я знаю о Косте?

Коста выпивал. Крепко выпивал. Когда в ресторан заглядывали итальянцы, Коста был уже поддатым. Лайя его распекала, пробовала не давать — все впустую. Вином пахли его усы, загар привлекал совсем молоденьких. Из-за вздутой марли, что им занавеской

третий сезон служила, Лайа видела все. И фиолетовый фаллос сотового телефона в руках дрожащей от усталости толстогрудой Монники из Неаполя, и Косту, важно показывающего ей достопримечательности прошлой осени.

— Минарето, — говорил Коста чуть брезгливо. Лайа не ревновала. Дзен, годы медитации, йога на коврике. И к кому? К двухнедельным бездельницам, ищущим транзитной полноты ощущений в их пансионе? К маленькой смуглолицей Барбаре, у которой, судя по лавине тампонов в ванной, никогда не прекращались месячные?

Коста летом ходил в кепке. Моника смеялась: голова дышать должна, Коста. Там поры. Коста фыркал только. Он не знал по-итальянски.

Однажды Моника уронила на пол фиолетовый телефон Косты. Телефон треснул. Коста помрачнел, встал с Монники, налил себе вина. «Кванто коста, ступидо?» — спросила белобрысая студентесса. Мол, куплю, куплю тебе новый, не дергайся, смотри лучше, как у меня тут влажно и хорошо. Но он был упрямый и вспыльчивый грек из маленькой туристической деревушки, где даже ослы имели задницы велосипедистов и велосипедисток.

Лайа, конечно, все видела из-за марли, но не ревновала. К кому? К неаполитанской простушке, у которой, судя по слою мокрой пакли в отлив, катастрофически выпадали волосы? Перебесится козел.

8.

В ресторан заглядывали немцы и спрашивали блюда, названия которых не могли выговорить. Какая на хер дер паклафа?

Барбара устроилась на лето посудомойкой в соседней деревушке. У нее было приветливое круглое лицо и несколько золотых зубов, в которых отражалось Эгейское море, лишенные растительности невысокие горы, вздувающаяся марля и сотовый телефон Косты, но уже не фиолетовый, а красный, оставленный Моникой на добрую память о летнем отдыхе. Однако сколько можно жить прошлым, сколько можно ждать, когда тебя заметят и сочтут возможным взять сзади?

Ей нравился запах вина Косты, нравился его мутный взгляд, густые волосы на груди и животе. Возможно, она была из Албании.

Ох-ох, вздохнула она полной грудью, когда Коста решил потрянуть с ней стариной в обеденный перерыв в подсобке. Он был очень с нею целенаправлен, а она... она не могла... или могла... вы знаете, трудно об этом, сейчас особенно.

И Коста увез ее в другие края.

Лайа и ахнуть не успела, когда сказал ей Коста: все, Лайа. Затряслась: да как ты смеешь, что я тебе девка — как перчатку в лицо Фортуны меня? Дзен дал сбой в тот день. Взяла мотоцикл в город, на повороте не сбавила скорость, расшиблась среди холмов в темноте.

Плоские крыши белых двухэтажных домов, край голубого неба — вот вид из больничного окна. Только в августе вернулась в родной Хобокен, штат Нью-Джерси. А родители предупреждали ее: хорошо подумай, Лайа. У тебя вся жизнь впереди, девочка. И дело не в том, что он грек и старше. А в том, что поддает и грек.

9.

И опять голубое, ни облачка, небо, но уже в совершенно другой стране. Серебряный, взятый напрокат «Рено», природа, бензоколонки, сосны на отвесных скалах, какие-никакие утесы, скорее Испания, чем Италия, скорее Аликанте, чем Малага, указатели на непонятном языке... Болел живот, все соки были брошены на борьбу с непривычной пищей. Барбара любвеобильно чмокала, терлась тот там, то сям, пренебрегая нормами поведения на переднем сиденье. Говорили, и не раз: «Доберемся до отеля, а там...» Но ведь хотелось сейчас, и набухало тоже сейчас.

Хотя любовь для Косты перестала быть во главе угла лет пять назад, когда пьяная шведка Николь ошпарила его из ушата во время соития в сауне. Не тянуло боле к заезжим гаитянкам, как до смерти мамы; не хотелось постоянно, как в июле, когда он, семнадцатилетний, шел через площадь Стигмата к музею Авиации, и мысленно имел всех подряд: молодых, совсем молодых, немолодых, хромых. Сейчас не то: три девахи — одна рядом, Барбара с татуировками в немислимых местах, и две лесбы сзади (Хлашка и Лотта) были частью ландшафта, правда, ландшафта мобильного. Праздник, который всегда у них. Все правильно: влагалища. Все верно: поднатужатся и произведут. Ну и? У барсуков вон тоже вла-

галища; и перепелки производят. В чем цимес, пеплос? Чтобы не умирало все вокруг, в этом? А радуется то, что вокруг? Не очень? 4000 лет говна, но будем надеяться, что через год-другой все переменится, и непременно к лучшему? И озон восстановим, и ледники заморозим, чтоб не таяли, где не надо. Хрен переменится, хрен восстановим. А чего тогда суетиться под клиентом, граждане пассажиры, чего заглядываться на плохоподмытые задницы противоположного пола и непременно хотеть их, и все ради того, чтоб и ты жил через 100 лет в таком же точно говне, но под другим именем и с другими телепередачами?

10.

Барбара, сюсюкая, сообщила, что ей надо, куда маленькие девочки ходят.

— Это по-большому или по-малому? — спросил прямолинейный Коста.

— Какая разница, мне выйти надо, зачем тебе детали, извращенец?

— Где ж я те выйду тут? — возмутился Коста. — Подождешь до следующей заправки.

— Следующая — это когда?

— Десять-пятнадцать километров.

— Так десять или пятнадцать? Десять я потеряю еще.

— А пятнадцать? Устроишь нам всемирный потоп?

— Нет, но...

— Не ной. Ничего с тобой не будет.

И действительно, ничего с ней не было. Дотерпела до отеля.

В трехзвездном отеле «Sun» было шумно и воняло, как в двухзвездном.

От бассейна несло хлоркой. Лотта сразу пошла кадриться к шезлонгам. Немногословная Хлашка стала тереться об Косту и тупо смотреть ему в глаза. Девяткос стал твердеть. Барбара вышла из туалета, предупредила:

— Guys, не входите пока, ладушки?

— Ага, — сказал Коста и положил руку на Хлашкин лобок.

— Теплый, — хмыкнул он. — Как пельмень. Или гуго. Смотря откуда ты.

— Нагрелся, — буркнула Хлашка и стала расстегивать Костины джинсы. Его розовый бычок стал приятно большим и упругим как беременная ставридка.

Потом они лежали в темноте и курили.

— Был дружок у меня, Тору. Тору Нобе. Веселый такой хлопчик из Осаки. Куросаву любил, даже двух Куросав, уток стрелял, умел по-ихнему токовать или ворковать, звуки, короче, издавать утячи. Фехтованием занимался, брал призы в Токио. Влюбился в одну евреечку из Одессы, они практику у нас проходили. И все, пропал хлопчик, капут парню, привет из Нагасаки. Ходил под окнами общаги, высвистывал зазнобу, камушки в фортку кидал, стекло разбил однажды, в кино звал на «Дерсу Узала». Она — ни в какую. Узкоплечный, говорит. Как я его родным покажу, девчонки засмеют. От ворот поворот, короче. Вот такая косность мышления. Ну, он в Одессе все равно решил остаться, чтоб поближе к ней быть, значит. Обрусел, женился на почтальонше одной из Березовки, на свадьбе всем говорил: жена у меня не хухлы-мухлы — лаботник, едлить, «Союзпечати».

— А с зазной что?

— С зазной? А что с ней станется? — и Костя выключил электричество. Устал в дороге, да и не шибко любил трындеть с бабами после интима.

11.

— Что такое время, задумаемся на минуту давайте.

— Что?!

— Что есть время. Категория времени. Субстанция времени. Помыслим?

— Что? Что «помыслим»? С каких пор ты уже философ?

— Нет, а правда, что это — время?

— Время — это когда приходят гости, а тебя еще нет. И они топчутся перед дверью, и никто им не отвечает. Звонят, звонят, уже обижены, уже хотят уйти, напрасно вино покупали. И тут — ты. Сто раз извиняешься, выскочил за куревом. И ты радостный, раскрасневшийся, пальто нараспашку, без шапки, а октябрь меж тем выдался холодный — и одна из гостей, ее зовут Ронни, подозревает, что у тебя появилась новая девушка, но Ронни и не дога-

дывается, что твоя новая девушка — не кто иная как ее лучшая подруга. А гостей пришла тьма, и еды была куча: и сухарики, и салатики, и соусы, и паштеты: из гусиной печени и вегетарианские. Три бутылки шампанского! И невольно задашься вопросом. Кто отвечает за все, что вокруг нас, кто руководит мирозданием, это ведь колоссальная система, на самотек ее ну никак нельзя. Кто выпускает прелестных девушек на набережную? Тонких, стройных, за которыми хочется идти, а, поравнявшись, сказать нечто необычайно забавное? Молчок в ответ. Не удостаивают в ответ на. И когда турист упал с мотоцикла на небольшой скорости, но все равно сломал руку, его тонкая, стройная девушка (Ронни) изменила ему (виртуально) с менеджером интернет-кафе. И это его вывело из себя, и надолго. И он написал футуристическое произведение, которое начиналось так: С жопы-неба потекло уже; хуй-солнце залупой лучей не обжигает кожу боле. В некотором смысле Ронни хуем режут. Ронни гогочет уся в крови, легкомысленной Ронни зубы сапожищем выбивают грязным. Ронни: мало, кричит, еще давай! Ронни вже изнемогает под бременем (вот что такое время, уроды!) совокупления. Вижу вас впервые тут и поелику ни вы меня, ни я его не осмеливаюсь расспрашивать о моих побуждениях и ее планах ничего. Ни звука. Омерзительное колдовское питье, дьявольская смесь жестокости и сладострастия. В заповеднике безоглядных политических и социальных утопий (голосуй не голосуй — все равно получишь нуль) отец пользуется сына вместо скрытой камеры. Уникальный случай.

12.

Кто они, эти суетящиеся люди без имен, без биографий? Люди, чьи жизни безразличны нам, чья смерть не станет нашей трагедией? Эти толпы в метро, эта галдящая молодежь — к бармену не протиснуться, — обменивающаяся банальными двусмысленностями. Горланящая, как горланили их прадеды, не вернувшиеся с Великой Войны, их покойные прабабки, дымящие предсмертным «Честерфильдом», дерзко глядящие в глаза героям в военной форме. И галдящие. Ах, когда и к нам наконец придет новомодный «фокс-трот», когда и у нас его будут писать без дефиса и кавычек, а, Гарри?

А, Гарри?

А Гарри молчит.

Неподвижен твой Гарри в окопе, в противогазе. Нема тут Гарри, бабушка. Твой Гарри на войне остался.

13.

«Я патологически инертен, — рефлексировал Костя Девяткос в гаитянской кофейне на Поткин-стрит за несколько дней до случившегося. — Для меня, *mutatis mutandis*, перейти с глючащего как зараза компьютера на бумагу, которой не страшны ни горе, ни беда, ни катаклизмы мирового масштаба — был бы свет да чашка кофе в конце тоннеля, так вот, для меня переход этот равнозначен переходу Суворова через Альпы. Т.е. это маневр, это часть кампании, это может предрешить исход сражения».

14.

В один из тех октябрьских дней, когда о дождях и думать никто не думает, а думают все больше о лете, которое вот только что было оно и нет его, а листья — те знай себе облетают и крошатся под подошвами горланящей разную фигню молодежи, Костю Девяткоса крепко пропесочили в стенгазете. Костю Девяткоса! С исторического! Нашли кого! И за что? За разврат. Нет, ну вы видели такое? Какой разврат? Ведь он, кроме женских форм — к тому же весьма и весьма стилизованных — на поганенькой репродукции барельефа времен фараона Шишака да двух-трех статуй барышень из Восемнадцатой династии, в упор противоположный пол не видел. Не любопытствовал. На Белку-Стрелку разве глаз на третьем курсе положил — и то кратковременно. На девочек же лаборанток — ну нуль внимания, хоть и острогруды они были, и крутобедры. И даже когда Настик Пилипенко эксперимента ради трусики ему дала нюхнуть в газете, он, недотепа, возьми да и ляпни: «Фарш. Нет, не фарш. Беру свои слова назад. Гуашь, а не фарш. Я знаю: у меня сеструха малюет». Не его это сфера, короче. Ну что вы пристали к парню?

15.

Некролог: лицо то, а фамилия не та. Но фотография — явно та. Но ведь кроме имен, у людей есть биографии, годы рождений. В русской газете некролог и в американской. И в них расхождения. Авария, а в русской не указано, что авария. Сказано: скоропостижно. Три некролога: муж, семья мужа, еще кто-то. Родители в Москве. Друзья. Она подрабатывала моделью (манекенщицей). А на самом деле...

Нельзя возвращаться в тот же город.

Он ехал на похороны бывшей жены и вспоминал, как они познакомились, вспоминал эпизоды из ее детства, вспоминал, как она изменяла ему, сколько горя принесла и обид. Как он бил ее наотмашь... Много всего было. Раком ебал девушку в городе Арле с видом на маки ван-гоговские, пися сухая была, неподатливая. А все равно ебал.

А это *она* в гробу? Вроде она. Вроде? Ну, в гробу они все чуть другие. Вместе «Последнее танго» смотрели. Там муж у гроба жены монолог читает. И так вышло, что хоть жили они как кошка с собакой, но роднее ее у него так никого и не появилось.

16.

сама из питера с братом. отличница, но с грудью крепкой троечницы. они в коммуналке жили на васьевском. поздно вечером все ушли в бдт, она показала мне, где раки зимуют. красиво. мы в мастерской у ее брата сидели, он нам слайды показывал. так и прошло это время, как пройдет и это, а за ним и это. и мне не жалко прошедших дней, мне несбывшихся надежд жалко. но и их мне не жалко. мне ничего не жалко. ни себя, ни вас, ничего. вызывать желания, удовлетворять их, не жалко мне. мне все время хотят что-то продать, вещи или идеи, возбудить интерес именно к этой паре обуви, этой модели реальности. не хочу, не нужно, не жалко мне. все это за дверью, за скобками, это лишнее все. прославиться, рассмешить, разбогатеть, вписаться в контекст, осеменишь. не хочу, не надо, не жалко мне.

17.

Встретил женщину, жил с ней когда-то. Она по-прежнему привлекательна: сапоги, стрижка, бедра. А я осунулся, в каких-то дурацких носках и галстук вывязан неубедительно. Договорились встретиться.

В кафе.

Говорить не о чем. Вдруг она сообщает, что изменяла мне, когда мы были вместе. А я: а я знал. Ничего ты не знал. Знал. И о Н. знал? И о Н. От кого? От М. Врешь. Не вру. М. ничего не знала об этом. А вот и знала.

А жизнь уже прошла почти. А мы сидим, спорим. Спортивный интерес, но вялый. Охота к перемене мест, но латентная.

18.

Травма перемещения, мой милый, не так ощутима, если перемещаться с гидом, говорит эта молодящаяся тварь.

Слева ослик, болтая хвостом, щиплет пожухлую травку. Справа — сезонные рабочие из города Ужгорода.

И именно в этом месте к ослу скорым шагом приблизился рабочий из города Ужгорода и огрел животное плетью. Осел даже не шевельнулся. Эта садистская акция произошла в греческой деревушке Перисса 4 сентября 2001 года по новому стилю.

И еще потянуло: мертвой хваткой вцепившись в супруга, спускалась по лестнице меццо-сопрано. Это лучшая моя половина, — сохранял хорошую мину при плохой игре ее спутник.

Не то мотоцикл трещит, не то осел обьелся. Рано темнеет в деревушке Перисса.

19.

Что они там делали такое в детстве на даче, в старой папиной «Победе»? Закрывали ладошкой буквы, говорили: плыл пароход? «Победа». На всех не хватило? «- обеда». С поваром вышла? «- - беда». В трюме пропала? «- - - еда». Я тебе нравлюсь?

Потом он сел за руль, она рядом, ее брат сзади — и они изобразили путешественников. В детстве часто играешь в путешественников, едешь в дальние страны, в дороге знакомишься с попутчиками, потом оказывается, что вы из одного города или у вас общие знакомые.

20.

Автор сего возопил, был с ним такой случай: услышь меня, Владыко, Вседержитель Ты растаковский. И что вы думаете? Услышал. Вам мои слова, малoverы: *нищ я и беден, но я лучше, когда, опротивев себе и стенам, втайне ищю милосердия Твоего, пока не восполнится ущербность моя и не исполнюсь я мира, неведомого оку гордеца. Речи же, выходящие из уст, и дела, известные людям, искушают опаснейшим искушением: любовью к похвале, которая попрошайничает и собирает голоса в пользу человека, чтобы его возвысить.*

Так чернокожий координатор-привратник подле некогда модной ресторации «Валтасар», что в Сохо, резво снимет с курчавой главы воки-токи и обратится к водителю стретч-лимузина: «Ну его». — «Ты чего?» — спросит квелый Аквамедон. Очень душный вечер, очень вялая агрессия очень вяло преобладает. «На чай не дают, я домой потопал. Дашь пахитоску на дорогу?» А какие могут быть чаевые в этот час, в этот будний день? Я там сорок минут проторчал на скамейке; может два человека за все время ответили на его настойчивое: «Транспорт не желаете?» Отрицательно причем.

21.

Подсаживаются новые персонажи, а у каждого своя жизнь, семья, заботы. Не просто маски, что маски! но социальные типы. У одного отец воевал, другому дали срок за хищение социалистической собственности, кто-то умер в тюрьме, кто-то повесился в сарае из-за неразделенной любви. Кто-то стал сказочником, прославился, книги перевели на многие европейские языки; кто-то отправился в кругосветное путешествие, вернулся с красавицей-невестой, она прекрасная хозяйка и очень чисто плотная, но вот беда: тоскует по Тайваню, там остались родственники, страдающие гайморитом, три поколения изнывают от острого гайморита, пишут, что нужны лекарства от гайморита, и срочно, а денег на гайморит нет, неужели нельзя помочь людям, гайморит у них?!

22.

Дед мечтал об Америке, но не поехал, не сложилось, другой и не мечтал, но поехал и тоже не сложилось, а кто-то и мечтал, и поехал, и сложилось, но вот кто? И почему он не отвечает на письма? Работает много, поэтому. А тетя Эстер и работает, и отвечает и пишет брату крупным почерком почти без помарок:

«Светлячков в Пенсильвании принимаешь за искры, летящие из-под капота. А в голове ворочается: «Еще не хватало застрять. На хайвее, ночью».

И только подъезжая к Чикаго, понимаешь: за тобой следят. Бывший друг? Но ведь бывший друг — это враг. Вооружен и опасен? Или просто дурак. И поэтому тоже опасен?»

А искры из-под капота показали только в Неваде. И чуть позже стал валить белый дым. Едва дошипели до мастерской в Сакраменто.

23.

«Что я имела с этим билетом и как я намучилась в дороге, это одна я знаю, и сколько буду жить — не забуду. Чего мне стоило добраться до этого порта и сесть на этот пароход, что пришел на два дня позже, чтоб ему было пусто, а капитана чтоб скрутила болячка и долго не отпускала, — это тоже одна я знаю и врагам своим не пожелаю, потому что враги — это те же самые мы, что б там не говорил наш реббе. Это была мука, и это была пытка, и люди не должны на себе этого переносить, но я хорошо должна была на себе это перенести вместе с трехлетним Мойше, чтоб он этого горя больше в жизни своей не видел, а видел одно только счастье, один нахэс, Готыню, за что? Но я должна была это пройти и перенести это».

24.

И дальше, на трех страницах — о ее злоключениях, о том, как они добирались на подводе до порта в Малых Стручах, и как ее с ребеночком хотели снять в Гамбурге с судна, где они спали на бочках с селедками из Голландии, и как их потом чуть не отправили назад с Эллис-Айленда, потому что Мойше прихворал в дороге и из носа у него текло как я не знаю что, и как она высматривала на набережной мужа и думала: неужели он так изменился за эти три года, а он-таки изменился, но кроме того не пришел: остался работать вторую смену в магазине женского платья какого-то Перкеля, где паковал нижнее белье и лифчики, на них был тогда самый настоящий бум, суфражистки из корсетов повылазили, а на работу надеть нечего, ускорение производства, тейлоризм, ретардация нарратива, но и приглашение к путешествию — есть еще места.

ВМЕСТО АВТОБИОГРАФИИ: ИСПОВЕДЬ НЬЮ-ЙОРКСКОГО КИНОМАНА

В кино не был давно, недели две. Хотел на «Войну миров», попал на «Частную жизнь» (“*Vie privée*”). Ретроспектива Луи Маля в Линкольн-центре, Бардо и Мastroяни в одном плосковатом флаконе образца 62-го года бранятся/тешатся по-английски, она с французским акцентом, он с непонятным, папарацци лезут не в свое дело, Марчелло, позабыв о Бриджит, треть фильма репетирует пьесу, Бриджит дует губки и меняет наряды, папарацци нагледят на глазах, ослепленная фотовспышкой звезда красиво падает с крыши в замедленном движении. Конец фильма.

Сколько лет прошло в кино? Три года? Пять лет? Я о чистом — минус походы за попкорном и фестивальные очереди — времени. В который раз сопереживая бегущему от кукурузника Кэри Гранту в хичкоковском «На север через северо-запад» (“*North By Northwest*”), умирая, как в детстве, от смеха на «Этом безумном, безумном, безумном мире», но уже не с отцом в к/т «Родина», а с ребенком в «Фильм форум», борясь (мысленно) с инопланетными негодьями или сонливостью в полупустом кинозале им. Майи Дерен в «Антолоджи фильм аркайвз» на мучительной «Смерти Эмпедокла» (“*La Morte d’Empedocle*”) по Гёльдерлину в киноверсии Штрауба и Юйе [1]; танцую полжизни назад в темноте на лучшем рок-фильме всех времен и народов “*Stop Making Sense*” [2] (1984) в Сан-Франциско или в прошлом году на фестивальном показе видеоклипов в Эдинбурге; накуриваясь перед кодой «Одиссеи 2001 года» или на фильмах братьев Маркс между лекциями; раздумывая: взять за руку сейчас или когда станет ясно, кто убил Лору Палмер. Факультет кино, работу в кино-

архиве учитывать? Просмотры своего и чужого материала считать? Если да, то скорее пять, чем три.

Остановка на пути в Новый Свет: новогодняя, с 76-го на 77-й, ночь в Риме, переполненный кинотеатр на фешенебельной виа Венето (где вы, Марчелло и Папараццо?), только что вышедший «Казанова» Феллини, все, включая канадца Сазерленда, говорят по-итальянски, и ничего, кроме частого секса, иногда с неодушевленными предметами (что тоже непонятно), не понятно. И после фильма слова отца, который, фанатируя в 60-е, вставал засветло, чтобы попасть на «Сладкую жизнь» где-то на московской окраине: «Нам, скорей всего, уже поздно, но тебе придется приложить усилия, чтобы вжиться в эту новую культуру». Отцу тогда было столько, сколько мне сейчас, и имел он в виду Запад в целом, а не Италию в частности, но я его понял без пояснений. Недавно, уже на культурно освоенном Западе, точнее, на западной стороне Манхэттена выстояли длинную очередь на трилингвистический мизогинический садо-мазо комикс «Демон-любовник» (“Demonlover”) Ассаяса [3], в котором хорошие и плохие менялись местами и перескакивали, как в видеоиграх, на новые уровни, а саундтрек нью-йоркских нойзмейстеров Sonic Youth [4] и анимационные эффекты демонтаж монструозного киноконструкта никак не облегчали, но мой вполне американский отец к подобным европейским штучкам давно стал относиться в лучшем случае со снисхождением. А в худшем — затасил его на «Астенический синдром» (мой третий рецидив по счету); реакция: прости, но после двадцати восьми лет жизни здесь мне это уже ни к чему.

«А Тарковский у вас, наверно, на среднего зрителя?» — спросил в середине 80-х профессор кино, благоговейший перед просвещенной Европой и, по умолчанию, Россией. Вспомнилось «Зеркало», последний фильм перед отъездом. Тоже с отцом, почему-то ночью, почему-то в московском ТЮЗе, полусанкционированный просмотр, переживания: вдруг окажется слабее «Соляриса»; первая встреча с полнометражным госавангардом, Рерберг [5] на высоте, нарратив усложнен: кто эти испанцы и почему акцентирован след чашки на столе? Но мне девятнадцать: глубина и легкий туман — для меня синонимичны. «На самого элитарного», — сказал я профессору.

«Зеркало» с тех пор видел дважды, последний раз лет пятнадцать назад в викторианской снаружи и готической внутри библиотеке «Джефферсон маркет». Понравилось все: след чашки, испанцы, цитаты из переписки с Чаадаевым и даже пожимающие плечами нью-йоркские пенсионеры. С «Солярисом» вышло сложнее. На двойном сеансе научной фантастики, в одном из полудюжины почивших в бозе сан-францисских артхаусов, согласился с сокурсником из Лос-Анджелеса: тридцатиминутная «Взлетная полоса» (“La Jetée”) Криса Маркера [6] сильнее покатила. И трава тут была ни при чем. Сокурсник с тех пор написал о кино пару книг, я тоже, правда, не о кино, хотя кто-нибудь подсчитает киноотсылки и скажет, что все-таки о кино; а «Солярис» с тех пор я видел еще раз, девятый по счету, и, возможно, последний. С друзьями-интеллектуалами в Нью-Йорке, и тоже в несуществующем уже артхаусе. И на вопрос «А что, Тарковский занятия по монтажу не посещал?» — пришлось улыбнуться: длинноты и вправду оказалось больше, чем терпения к ним.

Все, что нужно для кино, — это девушка и пистолет, сказал великий Сэм Фуллер [7], и был в чем-то прав. Если вы не любите «Роллинг стоунз», вы не любите рок-н-ролл, а если не любите Фуллера — значит, не любите кино, сказал Мартин Скорсезе и тоже был в чем-то прав. Что нужно для эссе о кино? Перечитать Базена или Делеза не тянет. Выстроить запомнившиеся фильмы в хронологический ряд не получится, да и зачем? Сосредоточить внимание на фильмах, просмотренных более двух раз, и задуматься: почему? Рассказать о необъятном личном проекте: пересмотреть фильмы 77-го и его окрестностей («Нью-Йорк, Нью-Йорк» Скорсезе, «Три женщины» Олтмана [8], «Энни Холл» Аллена [9]) плюс телесериалы («Такси», «С возвращением, Коттер!» и др.), чтобы восстановить фон ушедшей эпохи? А может быть, просто вспомнить исчезнувшие кинотеатры юности, а к этому все приложится?

Понаехали рокеры с видеями, из метрополии или местные — не разберешь. Добродушно-настырный импресарио упросил выступить. Мучительно долго, на арендованных костылях и в лжегипсе, поднимался на сцену бывшего кинотеатра на Бликер-стрит. Мучительно долго спускался. В промежутке минуты четыре

что-то мямлил в темноту клуба. Дефиниция жанра: концептуальный стенд-ап, несмешной, контакта с аудиторией не предполагающий. Но попытка была: помните, здесь кино когда-то показывали, неплохое? «Последнее танго», «Профессия: репортер», помните? Молчание ягнят... Не помнят. Другая тусовка, другая эмиграция. И только при слове «кокаин», которым, согласно телеге, Ибн-Сина лечил якобы упавшего в Альгамбре с мотоцикла меня, зашевелился народ, залопотал: «Йес! Коук! Нормалек!» Месяц спустя ветеран пограничных жанров, писатель Юрграу, рассказывал: в клубах тебя обычно никто не слушает, работают только отсылки к наркотикам, ну и мат еще. Нехитрые секреты мастерства... Через год после ортопедического перформанса один из рокеров опознал в даунтане: «Костыль»? Я не сразу понял — решил, что это его кличка. Оказалась моя.

...А в «Бликер синема» в конце 70-х и «Отвращение» (“Repulsion”) Поланского с Денёв давали, и «Презрение» (“Le Merpris”) Годара с Бардо и Фрицем Лангом, и «Жюль и Джим» Трюффо. «Лолиту» Кубрика, трилогию (“L’Aventura”, “La Notte”, “L’Eclisse”) Антониони, «Персону» Бергмана... Чего только не давали! «Эдипа» Пазолини, «Сладкую жизнь» Феллини (наконец-то и я увидел!), «Амаркорд»... Персональный проект «Похищенная Европа» там и осуществил, задолго до факультета кино, на двойных сеансах, за полгода какие-то. Там да еще в кинотеатре на 356 плюшевых мест, что под Карнеги-Холлом располагался. И тот давно закрыли, и этот, и кинотеатр на 8-й, где смотрел «Заводной апельсин» с родителями, а с девушкой — «Монтерей Поп», тот, где Хендрикс сжигает свою гитару, а Таунсенд разбивает... И «Талию», в которой так и не успел побывать, и «Синема студиоз», где остался на второй сеанс «Неба над Берлином» [10] (“Wings of Desire”), но ушел с «Закона желания» [11] (“Law of Desire”)... Репертуарных и арт-кинотеатров в Манхэттене штук семь осталось: «Фильм Форум», «Анджелика», «Линкольн синемаз», крошечное «Синема виллидж», два-три новых — и всё. О кинотеатрах-дворцах 20-х и 30-х годов разговор особый — их стали закрывать еще в семидесятые.

Читаешь на специальных сайтах комменты ностальгирующих киноманов: вспоминают, вежливо поправляя друг друга, преобра-

жившийся под двойным нашествием видео и мультиплексов кино-ландшафт города, волшебные, в стиле ар-деко, интерьеры кинозалов, Фасбиндера на St. Marks Place, Кассаветеса [12] на 3-й авеню, качество звука (не всегда на уровне), вкус печенья, которое продавали в фойе, и думаешь: запостить бы и мне на их форумы тоже что-нибудь проникновенное, под говорящим каким-нибудь ником, uznik_dvd, скажем, или madelaine_kinoglaz.

О том, например, как в 77-м во Флашинге, на углу Мейн-стрит и Нортерн-бульвара, в театре-дворце ар-деко за два с полтиной показывали “The Song Remains The Same” (1976) — честный отчет (по словам Джимми Пейджа) о среднем концерте Led Zeppelin. Тогда не понимал: зачем отчет, ведь концерт-то средний; сейчас думаю: всем бы такой средний. В кинотеатре разрешалось курить все что душе угодно. Что угодно и курили.

Или о первом фильме в Америке: если не “Superman”, то вспоминается именно он. С родителями и соседом, опять на Мейн-стрит, но не во дворце, а в кинотеатре попроще. Сосед демонстрирует плоды адаптации в Новом Свете и закидывает ноги на спинку пустого кресла; покойный Супермен Кристофер Ривз выказывает чудеса героизма в воздухе; «научивший целое поколение быть грубым» Марлон Брандо в роли инопланетного отца Супермена сверхцивилизован и честно отрабатывает свои четыре миллиона за десять минут экранного времени — контракт астрономический, даже для планеты Криптон... Но маму подвиги «Человека из стали» не занимают, сюжет комикса не цепляет, мама выросла на совершенно других супергероях с загадочными именами: Кривонос, Мамлакат, Карацупа, тем более что завтра маме вставать в шесть утра, чтобы к восьми поспеть на работу где-то у черта на рогах, чуть ли не на Криптоне, и между вторым и третьим вылетом Супермена мама безмятежно засыпает в кресле.

Или о том, как пару лет назад подыскивал место для презентации новой книжки и заглянул в хай-тек клуб Remote, а там чистенькие и ухоженные юноши и девушки старшего школьного возраста потягивают пиво и шелкают орешки, а на мониторах — презентация классики хардкора «Глубокая глотка» (“Deer Throat”, 1972). Всё, кроме мизансцен и звукового ряда, вполне

пристойно. После просмотра некто (продюсер?) отвечает на вопросы юных зрителей, вспоминает, как быстро снимали (за 6 дней), как уложились в бюджет (24 тысячи долларов), как не всегда успевали подбить выручку (приходилось торопиться), но фильм, по неточным подсчетам, за время проката собрал 600 миллионов долларов, и так далее. И получается, что сейчас “Deer Throat” — своего рода артфильм для клубной молодежи, да и кинотеатров для легальной демонстрации жесткого порно в диснеизированном Манхэттене не осталось. А в мои, помнится, годы оральные эскапады анатомически неординарной Линды Лавлэйс совсем в других местах показывали (напишу я в своем посте и укажу в каких). Да и зритель тогда поволосатей был и пообтрепанней.

Авангард нашаривался вслепую, квадратно-гнездовым, доинтернетным способом. Опять же в 77-м году на углу Пятой и 42-й приметил афишку у Публичной библиотеки: «Фильмы Марселя Дюшана [13] в “Китчен”». Имя Дюшана знал то ли из интервью с радикализированным Йокой Ленноном в журнале «Роллинг стон», то ли из совдеповской брошюры «Кризис безобразия». О фильмах Дюшана не знал ничего. О знаменитом центре «Китчен» тоже. Отправился по старому адресу, на Брум-стрит. В просторном лофте — пятнадцать задумчивых артстудентов, на экране крупным планом 8-миллиметровый авангард: цепи, заборы, дверные ручки, шахматные фигуры. Диегезисом не пахнет. Словом диегезис тоже. Нечаянная встреча с богемным даунтаном особого следа не оставила. Наутро делился впечатлениями с коллегой в отделе упаковок женского платя. «На “Звездные войны” сходи», — посоветовал лаконичный Хосе.

На кампусе между психологией и лингвистикой забрел в темную аудиторию. На экране миловидная женщина в клешах спасалась бегством от преследователя в черном. Вместо лица у преследователя зеркало. Или зеркало у женщины? Не помню, что заинтриговало больше: четырнадцатиминутный фильм или перспектива ходить в кино, не пропуская лекций. Постфактум идентифицировал «Полуденные сети» (“Meshes of the Afternoon”, 1943) бабушки американского авангарда Майи Дерен (Элеоноры Деренковской) [14], к фильмам которой стал относиться с пиете-

том. Постпостфактум пиетет куда-то пропал, интерес к работам Дерен о культуре Гаити и магии вуду остался.

Уже почти овладев понятиями «бриколаж», «jouissance» и «двойная артикуляция» и совершая частые набеги в сан-францисскую «Синематеку» в первой половине 80-х, высматривал продвинутых в сторону авангарда преподавателей и не понимал, почему не вижу их на структуралистских фильмах Стэна Брекиджа [15] и Пола Шаритса [16]. Бог с ним, с «Племянником Рамо» (“Rameau’s Nephew by Diderot (Thanx to Dennis Young) by Wilma Schoen”, 1974) канадца Майкла Сноу [17], его-то наши бодрийарки и лаканисты наверняка успели разобрать по кадрам, благо есть что: «события» четырехчасовой ленты «происходят» в пустом салоне самолета. Но как насчет премьеры новых работ Годара для ТВ? Годар ведь это наше всё? И почему нет в зале великолепной Бабетт Мангольт, той самой Бабетт, которая работала DP у нашего кумира — бельгийского «Годара в юбке» Шанталь Акерман [18] и чуть ли не у самого Годара? Бабетт Мангольт, которая поставила мне «А» (до сих пор приятно) за опус «Силиконовая долина: золотая лихорадка 100 лет спустя», но так и не смогла понять, что мне за дело до этих сугубо калифорнийских проблем. Как что за дело, Бабетт?! Живу я тут. (Месяца три назад, давно успев поостыть и к авангарду, и к теории, заглянул в кинотеатр «Уолтер Рид» при Линкольн-центре на фильм Акерман «Завтра мы переезжаем» (2003). И огорчился. Невеселую комедию о трех поколениях евреев во Франции смотреть было неловко. Неудачное кино? Постмод антикомедия? Как-то стало хотеться удачного и не анти).

На факультете говорили «фильм», сказать «кино» считалось дурным тоном. А на первом настоящем проекте ждал сюрприз: даже самые эстетствующие режиссеры говорили «кино», movie. «А я это кино видел!» — подмигнул я большеглазому парню с волевым подбородком и ткнул в его футболку с надписью “Stop Making Sense”. «Я тоже», — сострил Джонатан Демме. Еще бы: он этот фильм снял. «Классное кино!» — не унимался я. «Так ведь команда какая!» — ответил тогда еще не оscarоносный скромняга. Артрокеры Talking Heads в те годы рулили, по крайней мере, в моей, отдельно взятой голове, и полагаю, что фильм я видел не меньше раз, чем Демме. На премьерке, в старинном кинотеатре «Кастро»

в Сан-Франциско (где годом раньше показывали «Новый Вавилон» Козинцева и Трауберга в сопровождении «живого» оркестра); в дюжине других кинотеатров Калифорнии и Нью-Йорка. Полгода бегал на субботние ночные сеансы в берклийский кинотеатр «УС». Озадачил профессора, читавшего курс «Кино и психоанализ», назвав фильм любимым. Профессор в тот семестр перевел «Кафку» Делеза и Гваттари, и в ответ, думаю, ждал как минимум «Америку» Штрауба и Юйе. Или что-нибудь Фасбиндера. Его эпический «Берлин, Александерплац» в 85-м показывали в кинотеатрике «Ред Вик» в районе Хэйт-Эшбери, и мы старались не пропустить ни одной серии. Как, впрочем, и все Фасбиндера. «Ред Вик» переехал на квартал дальше, «Кастро» пока на месте, «УС» закрыли.

И вот, представьте, возвращается человек в город молодости, а любимого кинотеатра уже нет. А с ним столько всего связано: золотой век Голливуда, Новая волна, старая любовь... А кафе рядом открыто, и цены примерно те же, ну точно как в том эпизоде из “Twilight Zone”, где герой возвращается, но не просто в город детства, а в то самое время, короче, «Можно дойти пешком». Но курить уже нельзя. А он там сидел, страшно вспомнить когда, и курил, и писал свои rarefs, все пытался нащупать связь между категориями символического и семиотического (по Кристевой) и производством и дистрибуцией независимого кино. А что смешного, начало восьмидесятых, Джим Джармуш, Спайк Ли [19] и Сьюзен Сайдельман [20] уже сняли по первому фильму, и слово «независимые» имеет еще какой-то смысл и обнадеживает. Но связь так просто не нащупывается. А потом он переезжает в Нью-Йорк и чуть ли не на первом же фильме решается на радикальный жест — вручает зачитанную до дыр книжку Кристевой одному популярному актеру и монологу. А монологист взял и спрыгнул с парома в нью-йоркский залив через семнадцать лет. И жалко его от души, хотя связи тут никакой, одна клиническая депрессия. И книжку жалко. Конечно, можно новую купить. Но я хочу ту, зачитанную.

Затащила домой после съемок дочь бывшего президента «Колумбия пикчерз», дала погладить облезлую кошку по имени Мишка, похвалилась, в числе прочего, седлом из какого-то фильма, я

так и не понял какого. Кажется из «Унесенных ветром». “Frankly, my dear, I don’t give a damn” [21], чуть не щегольнул цитатой из невиденных мной «Унесенных». Большие фильмы всегда отпугивали. Первую часть «Крестного отца» впервые увидел полгода назад. Медленный процесс контекстуализации расхожих цитат постфактум: вошедшая в обиход фраза “Make him an offer he can’t refuse” [22] в фильме Копполы оказалась более зловещей, чем ожидал, — либо на документе подпись, либо мозги неподписанта. Фразой с тех пор пользуюсь осторожней. Или аналогично жесткий контекст фразы “Go ahead, make my day” [23] из первого «Грязного Гарри» (“Dirty Harry”, 1971), снятого в Сан-Франциско замечательным Доном Сигалом. Сымпровизированная на площадке фраза “Are you talking to me?” [24] из неонуарного «Таксиста» (1976) Скорсезе давно превратилась в объект пародии и самопародии. Из старого доброго кино конечно же “Here’s looking at you, kid” [25] или “We’ll always have Paris” [26] плюс десяток других фраз из апроприированной и сэмплированной (и не потерявшей своей прелести) «Касабланки» (1942). Цитируется реплика “Nobody’s perfect” [27] из финала «В джазе только девушки» (“Some Like It Hot”, 1959), но об атрибуции тут говорить сложно — выражение устойчиво и вне фильма. Цитируются пикантные фразы из старых фильмов с участием Мэй Уэст и последние страшные слова Джеймса Кэгни из «Белой горячки» (“White Heat”, 1949): “Made it, Ma! Top o’ the world!” [28] Какими социальными группами и в каком контексте цитируются — предмет особога разговора.

Примечательно, что из вербально-интенсивной и для моего поколения знаковой (читай: идеальной для свиданий) комедии «Энни Холл» Вуди Аллена в обиход вошла (и вышла) лишь присказка главной героини “La-de-da”, в основном же имитировалась ее манера одеваться, а из популярного (и удручающе пустословного) «Бульварного чтива» (“Pulp Fiction”) не цитируется практически ничего, даже реплика “Zed’s dead” [29], к цитированию, казалось бы, располагающая. Иногда цитируется не отдельная фраза из конкретного фильма, а некая обобщенная фраза, произнесенная с определенной интонацией, которая и указывает на жанр, будь то нуар или хоррор. Разумеется, существуют фильмы культовые, и тексты этих фильмов заучиваются наизусть, а на просмотрах фа-

наты рядятся в костюмы героев, хором скандируют реплики, повторяют жесты, бросаются рисом и т. д., как это делалось (иногда делается и до сих пор) на ночных сеансах “Rocky Horror Picture Show” (1975). Однако это скорее исключение из правила. Помимо прочего, действенным способом коммуникации служит использование музыкальных цитат из телесериалов, и тут существует известная иерархия. Не вдаваясь в подробности, упомяну легко идентифицируемую музыкальную фразу из “Twilight Zone” (1959), но кто может вспомнить заставку из телесериала “Columbo” (1967) и зачем? Промурлыкать цитату из “Twilight Zone” означает намекнуть, что с вами или вашим собеседником происходит нечто сверхъестественное, но на что укажут несколько тактов мелодии из криминальной драмы “Columbo”? В худшем случае на то, что у вас на полу в гостиной лежит остывающий труп, в лучшем — что у вас отменная память и вам впору играть в Trivial Pursuit. Выкарабкиваясь из этого абзаца, более уместного в этнологическом трактате Бронислава Малиновского или в пособии для сотрудников ФСБ, отбывающих в длительную зарубежную командировку, повторю шутливое замечание одного моего приятеля, сделанное в далекие рейгановские времена: «Вычислить русского шпиона в Америке довольно несложно. Достаточно спросить у него имена трех Студжей». Как гражданин США я не в праве предавать огласке имена участников старого комедийного трио и в этом стратегически сенситивном месте ставлю точку.

Но это еще не все. По дороге на службу — то ли в берклийский в стиле модерн «Пасифик фильм аркайв», где между делом смотрел по 2-3 фильма в день (Дзига Вертов, Бастер Китон, Джон Форд, «Девять дней одного года», мюзиклы Басби Беркли), то ли в сан-францисский ложноклассический «Палас оф Файн Артс», где в то время показывали снятый в формате IMAX «Кронос» Рона Фрике (снявшего до этого «Коянискацци» Годфри Реджио), — столкнулся с грузовиком, точнее, был смят им. Мой «форд-мустанг» стал намного компактней, я отделался относительно легким испугом и с болью в пояснице стал посещать офис физиотерапевта. И вот, лежу я на одном из таких сеансов раздетый до пояса, крупногабаритный негр-массажист обкладывает меня горячими компрессами, как вдруг по радио сообщают, что сбит корейский авиалайнер. Этого еще не хватало! Я съезживаюсь, жду реакции

массажиста, массажист молчит, бормочет что-то недоброе про этих русских, скороговоркой рекомендует расслабиться и резко давит на позвоночник. Я благодарю Асклепия, что это всего лишь массаж, а не токи высокой частоты, и чтобы отвлечься, пытаюсь припомнить свой первый фильм. Самый первый, что очень не просто.

Может быть, спичечный коробок кинотеатра «Малютка» где-то на белом свете, там, где Иванушка-дурачок, он же Шурик, бьется с поддатым трехглавым драконом Трусомбалбесомбывалым? А к нам в Черноморск как раз прибыла съемочная группа, работающая над кинофильмом «Шея» (“The Neck”). Действие фильма происходит в 30-е, течение жизни в городе — в 60-е, и поэтому не обошлось без легких корректив. Фасады домов облепили довоенными вывесками: «Моментальная фотография», «Фильдеперсовые чулки», ОСОАВИАХИМ. «Что это — ОСОАВИАХИМ?» — спрашиваю я у отца. «ОСОАВИАХИМ, сынок, — отвечает отец, — это отец ДОСААФа». Но это случилось потом.

А в самом начале было «Чистое небо», летний кинотеатр, огромные южные звезды над головой, черно-белые лица на полотне громко обмениваются задушевными фразами, мама и бабушка смотрят в одну точку и переживают. Мне тоже туда смотреть?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Режиссеры Даниэль Юйе (1936-2006) и Жан-Мари Штрауб (р. 1933) сняли этот фильм в 1987 г. Не менее известна их киноверсия «Антигоны» Софокла, 1992 г.

[2] Киноверсия одноименного альбома группы Talking Heads.

[3] Оливье Ассаяс (р. 1955) — французский режиссер, редактор журнала Cahiers du Cinema (1980-1985). В числе его фильмов: «Беспорядок» (“Desordre”, 1986), «Дитя зимы» (“L’Enfant de l’hiver”, 1989), «Новая жизнь» (“Une nouvelle vie”, 1993), «Конец августа, начало сентября» (“Fin aout, debut septembre”, 1998), «Ирма Веп» (“Iрма Vep”, 1996), «Чистая» (“Clean”, 2004).

[4] Известная альтернативная рок-группа, основана в 1981 г.

[5] Георгий Рерберг (1937-1999) — оператор, снимавший «Зеркало» (1975) А. Тарковского, а также «Историю Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1967)

А. Кончаловского, «Обыкновенное чудо» М. Захарова, «Плюмбум» (1986) В. Абдрашитова и др.

[6] Крис Маркер — французский режиссер, фотограф, видеограф, поэт, журналист. Обладатель приза Венецианского фестиваля 1963 г. за лучший дебют (фильм «Прекрасный май»), приза «Сезар» за документальный фильм «Джанкопия» (1983). Среди других известных работ фильм «Без солнца» (“Sans Soleil”, 1982).

[7] Сэмюэла Фуллера часто называют «самым популярным режиссером среди режиссеров». Снимал преимущественно триллеры, вестерны, военные фильмы и films noir. Среди самых известных работ — «Происшествие на Саут-Стрит» (“Pickup on South Street”, 1953), «Шоковый коридор» (“Shock Corridor”, 1963), «Обнаженный поцелуй» (“Naked Kiss”, 1964) и др.

[8] Роберт Олтман (1925-2006) — американский режиссер. Получил известность после фильма «Военно-полевой госпиталь» (1970) о войне в Корее. Среди его работ: «Маккейб и миссис Миллер» (1971), «Долгое прощание» (1973), «Воры, как мы» (1974), «Нэшвилл» (1975), «Свадьба» (1978), «Квинтет» (1979), «Игрок» (1992), «Нарезка кадров» (1993), «Канзас-сити» (1996), «Госфорд-парк» (2001).

[9] Фильм Вуди Аллена, снятый в 1977 г. Получил четыре «Оскара»: за лучший фильм, режиссуру, сценарий и женскую роль.

[10] Фильм Вима Вендерса (1987).

[11] Фильм Педро Альмодовара (1987).

[12] Джон Кассаветес (1929-1989) — режиссер, актер. Его называют первопроходцем, визионером, духовным отцом американского независимого кино. Его дебютная малобюджетная полнометражная импровизация «Тени» (“Shadows”, 1960) с джазовым саундтреком Чарльза Мингуса получила пять призов на Венецианском фестивале. После нескольких фильмов, сделанных в студийной системе, Кассаветес вернулся к независимому кино. Среди его фильмов — «Лица» (“Faces”, 1968), «Мужья» (“Husbands”, 1970), к наиболее удачным относят «Женщину под воздействием» (“Woman Under Influence”, 1974) и «Глорию» (“Gloria”, 1980). Из актерских работ Кассаветеса надо отметить главную роль в фильме Р. Полански «Ребенок Розмари» (“Rosemary’s Baby”, 1968).

[13] Среди киноопытов Дюшана чаще всего вспоминают его фильм «Анемичное кино» (“Anemic cinema”, 1926).

[14] Майя Дерен (1917-1961) — кинорежиссер, поэт, хореограф, этнограф, теоретик кино и политический публицист. Стояла у истоков независимого кинематографа США — ее первый фильм «Сети полудня» (“Meshes of the Afternoon”), вышел в 1943 г. За ним последовали «На земле» (“At Land”, 1944), «Урок хореографии для камеры» (“A Study in Choreography for the Camera”, 1945), «Ритуал в преображенном времени» (“Ritual in Transfigured Time”, 1946), «Медитация на темы насилия»

(“Meditation on Violence”, 1948), «Божественные всадники: гаитянские боги вуду» (“Divine Horsemen: The Voodoo Gods of Haiti”, 1953), «Пристальный взгляд ночи» (“The Very Eye of Night”, 1952-1959).

[15] Стэн Брекидж (1933-2003) — кинорежиссер, фотограф, художник, теоретик кино. Начал снимать в начале 50-х, а спустя десятилетие уже считался признанным классиком американского экспериментального кино. Снял более 350 фильмов, среди них «Окно, вода, ребенок шевелится» (1959), «Собака, звезда, человек» (1962-1964).

[16] Пол Шаритс (1923-1991) — художник, кинорежиссер, «концептуальный романтик», экспериментировал с образами и ритмами речи, наиболее известен своими flicker films, или мерцающими фильмами, в которых последовательное действие заменено черными или белыми кадрами, в результате чего зритель видит яркие вспышки света, чьи интенсивность и цвет зависят от скорости перемены цветных кадров и спонтанно индуцированных комплиментарных цветов остаточного изображения. Основные работы: «Лезвия бритвы» (“Razor Blades”, 1965-1968) «Н:И:Ч:Т:О» (“N:O:T:H:I:N:G”, 1968), «П,Р,И,К,О,С,Н,О,В,Е,Н,И,Е» (“T,O,U,C,H,I,N,G,” 1968), «Кажущееся движение» (“Apparent Motion”, 1975).

[17] Майкл Джеймс Сноу (р. 1929) — режиссер, фотограф, джазист, художник, скульптор. Его фильм «Длина волны» (“Wavelength”, 1967) иногда называют «Гражданином Кейном» экспериментального кино. Среди иных работ надо назвать фильм «Центральный регион» (“La Region Centrale”, 1970).

[18] Шанталь Акерман (р. 1950) — бельгийский режиссер. Первый полнометражный фильм «Я, ты, он, она» (“Je, tu, il, elle”, 1974). В 1975-м вместе с Марилин Ватле создает компанию «Парадайз-фильм» и выпускает картину «Жанна Дильман, Набережная коммерции, 23, 1080 Брюссель», которая приносит ей европейскую известность. Среди других работ: «Новости из дома» (“News from Home”, 1976) и «Пленница» (“La Captive”, 2000) по Прусту. Известна также многоэкранная инсталляция “D’Est” (1993), аккумулировавшая опыт ее поездок в Восточную Германию и Россию.

[19] Спайк Ли (наст. имя Шелтон Джексон Ли, р. 1957) — американский режиссер, сценарист и актер. Среди его работ фильмы «Ей это нужно позарез» (“She’s gotta have it”, 1986), «Делай, как надо» (“Do the right thing”, 1989), «Торговцы наркотой» (“Clockers”, 1995), «25-й час» (2002) и др.

[20] Сьюзен Сайдельман (р. 1952) — режиссер, сценарист. Ее полнометражный дебют «Осколки» (“Smithereens”, 1982) был первым независимым американским фильмом, допущенным к соревнованиям на Каннском фестивале. Широкое признание получила ее комедия «Ищу Сьюзен» (“Desperately Seeking Susan”, 1985) с малоизвестной тогда Мадонной в одной из главных ролей.

[21] «Честно говоря, дорогая, плевать мне на это».

[22] «Сделай ему предложение, от которого он не сможет отказаться».

- [23] «Ну давай, порадуй меня».
- [24] «Ты ко мне обращаешься?»
- [25] «За тебя, малыш».
- [26] «Париж всегда будет с нами».
- [27] «У каждого свои недостатки».
- [28] «Наконец-то, мама! Я на вершине мира!»
- [29] «Зед мертв».

СОДЕРЖАНИЕ

Эндрю Вахтель. Предисловие	9
Моряк в час	11
Status quo	13
Де Кунинг	16
Один дед, две судьбы	20
История одного преступления	23
Сенькина любовь	29
Бабаев и девушка	32
Репетиция	35
Девочка хочет быть политологом	40
Живность	43
Проигранное пари	45
Это у него никакая не паранойя	49
Мертвая зыбь	52
Смерть Самусиса	55
Соученик	60
Конопатая моя зайка	62
Такая дистопия	68
Брак математика	71
Леонарда, post mortem	73
Летом на даче	76
В гостях у девочек	79
Будущий родственничек	81
Ну Бунин	82
Совет да любовь	83
Лакмус попал под омнибус	85
Картины жизни нездешней	88
Когда умер последний битл	93

Immigrant Song	95
Толстая красивая Танька	108
Карлик Фа	111
После тусовки	113
АБЦ-2	116
Бобка-сумасшедший	122
Музыковеды и школьники	128
Из интимной жизни русских эмигрантов	130
Фрая-Айне Х. loves sex	135
Расстегнутый ворот рубашки	138
Жизнь, сложившаяся не вполне	142
The food orgy	147
Русский человек для негра не унитаз	150
Тони + Люда = любовь	156
Как Толстой Шекспира не любил	158
Соси мой гай	160
Войдоллайла	164
В одних чулках	167
Последние слова	171
Кот-доги	175
На Волге	178
Уникальный случай	181
Вместо автобиографии: Исповедь нью-йоркского киномана	197

Павел Лемберский родился в Одессе в 1956 году. С 1977 года живет в США. Окончил филологический факультет университета Беркли, штат Калифорния. Учился в аспирантуре факультета кино Сан-Францисского университета. В 2000-2006 гг. работал ведущим на нью-йоркском радио. Пишет прозу и сценарии на английском и русском языках. Статьи и эссе публиковались в журналах «Театр», «Иностранная литература». Рассказы переводились на немецкий, английский, финский языки, публиковались в журналах Москвы, Нью-Йорка, Иерусалима, Мюнхена, Хельсинки. Автор книг «Река № 7» (2000), «Город убывающих пространств» (2002). Сборник рассказов «Fluss # 7» (2003) вышел во Франкфурте на немецком языке. Рассказы были включены в книгу «Антология современного рассказа, или Истории конца века» (Москва, АСТ, 2000). Победитель международного литературного конкурса «Русская Америка-2001» в номинациях «большая» и «малая» проза.

Литературно-художественное издание

Павел Лемберский
УНИКАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Редактор *Елена Наливайко*

Художник *Владимир Сулягин*

Корректор *Марина Ляхович*

Компьютерная верстка *Павла Сандомирского*

На первой стороне и форзаце фотографии *Павла Лемберского*

На последнем форзаце фотографии *Вильяма Рэндолафа*

На четвертой стороне фотопортрет Павла Лемберского
работы *Лесли Дженкинс*

Подписано к печати 01.07.2009
Формат 60 x 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0

Специальный заказ
Издательство «Русский Гулливер»
119991, Москва, ул. Вавилова, 38

E-mail: russian_gulliver@mail.ru
E-mail: don_qiuxote@yahoo.com

Типография Lancaster Reprographics LLC
1820 Franklin Street
Columbia, Pennsylvania 17512
USA